

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХХХХІХ.

1903.
СЕНТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Я Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я .

I. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	3
II. Циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія	13
III. Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія	19
IV. Опредѣленія учснаго комитета мин. нар. пр.	44
V. Опредѣленія особаго отдѣла учснаго комитета мин. нар. пр. . .	48
Открытіе и преобразование училищъ	53
Л. Ю. Шепелевичъ. Генеалогъ „Донъ Кихота“	1
Л. П. Лобовъ. Н. И. Надеждинъ въ русской критикѣ	29
М. М. Богословскій. Исслѣдованія по исторіи мѣстнаго управленія при Петрѣ Великомъ	45

К Р И Т И К А И В И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

Ө. Ф. Зѣлинскій. <i>М. Н. Ростовцевъ.</i> Римскія свинцовыя тессеры.	145
А. И. Соболевскій. Возвратная форма глаголовъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ. Исслѣдованіе <i>В. К. Поржезинскаго.</i> М. 1903	160
Ө. Ө. Нєкрасовъ. <i>А. Панковъ.</i> Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя. (1855—1870). С.-Пб. 1902	166
П. М. Майковъ. Уставъ о вєксельхъ съ изложєніємъ разсужденій, на конхъ онъ основанъ	169
П. М. Майковъ. Сводъ законовъ Россійской Имперіи. Томъ девятый. Особое приложєніе. С.-Пб. 1902	174
В. Т. Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Ассиріи отъ возвышенія ассирійской державы до паденія Ниневіи. <i>З. А. Рагозиной.</i> С.-Пб. 1902. Изданіе <i>А. Ф. Маркса</i>	186
И. А. II. Таннери. Первые шаги древне-греческой науки. Переводъ <i>Н. Н. Полюновой, С. И. Церетели, Э. Л. Радлова и Г. Ф. Церетели</i> съ предєсловіємъ проф. <i>А. И. Введенскаго.</i> С.-Пб. 1902	188
— Книжныя новости	189

Н А Ш А У Ч Е В Н А Я Л И Т Е Р А Т У Р А .

<i>С. Г. Ручъ.</i> Учебникъ логики	1
<i>Знойко, Николай.</i> Краткіе очерки по культурной исторіи древняго востока	4

См. 3-ю стр. обложки.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО ИСТОРИИ МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Губернская реформа Петра Великаго не разъ привлекала къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Помимо многихъ сочиненій, касающихся ея болѣе или менѣе мимоходомъ, ей посвящены двѣ обширныя работы. Въ 1876 г. о ней написалъ диссертацию проф. Мрочекъ-Дроздовскій подъ заглавіемъ: „Областное управленіе эпохи перваго учрежденія губерній (1708—1719 гг.)“, составляющую первую часть задуманнаго авторомъ обширнаго историко-юридическаго изслѣдованія: „Областное управленіе Россіи XVIII вѣка до учрежденія о губерніяхъ 7-го ноября 1775 г.“, которое однако не пошло далѣе первой части. Цѣлое самостоятельное изслѣдованіе представляетъ изъ себя второй отдѣлъ вышедшаго въ 1892 г. капитальнаго труда П. Н. Милюкова: „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго“ — отдѣлъ, занятый вопросомъ о губернскомъ хозяйствѣ 1710—1718 гг. Многія стороны этого періода въ исторіи нашего мѣстнаго управленія достаточно ярко освѣщены двумя названными трудами; многіе вопросы ими окончательно разрѣшены. Въ книгѣ П. Н. Милюкова, пустившаго въ оборотъ громадныя архивныя матеріалы, до него мало извѣстный или совсѣмъ неизвѣстный, наглядными штрихами при помощи краснорѣчиво говорящихъ цифръ сдѣлана характеристика финансоваго значенія губерній въ общей системѣ государственнаго хозяйства Россіи въ ту эпоху и съ замѣчательною обстоятельностью разобранъ постепенный генезисъ петровской губерній, восходящій своими корнями къ военнымъ округамъ XVII вѣка, связь которыхъ съ губерніей до появленія этой книги только подозрѣвалась, но ясно, фактически доказана не была. Это

подробное изслѣдованіе генезиса губерніи было тѣмъ болѣе цѣнно, что оно восполняло какъ разъ крупный пробѣлъ предыдущаго труда г. Мрочекъ-Дроздовскаго, написаннаго по схемѣ знаменитой книги Чичерина „Областные учрежденія XVII вѣка“ и излагающаго предметъ въ систематическомъ разрѣзѣ, а не въ исторической перспективѣ. Центръ тяжести этой послѣдней работы лежитъ въ догматической характеристикѣ власти губернатора, главнымъ образомъ предметовъ его вѣдомства и порядка его дѣлопроизводства. Главы, касающіяся этихъ сторонъ вопроса, наиболѣе обширны, подробно разработаны и обставлены наиболѣе полнымъ фактическимъ матеріаломъ. Въ главѣ о предметахъ губернаторскаго вѣдомства разсмотрѣно участіе губернатора въ военныхъ, финансовыхъ, судебныхъ, разрядныхъ, помѣстныхъ, полицейскихъ, духовныхъ и даже иностранныхъ дѣлахъ мѣстнаго управленія. Въ главѣ о канцеляріи губернатора авторъ подробно разбираетъ ея составъ и устройство, а изучая ея дѣлопроизводство, останавливаетъ вниманіе на всѣхъ трехъ его моментахъ, какими по его объясненію являются: начало дѣла, его развитіе и окончаніе; разсматриваетъ это дѣлопроизводство съ внутренней и съ внѣшней сторонъ, трактуетъ о разныхъ видахъ и формахъ входящихъ и исходящихъ бумагъ, книгъ, реестровъ и т. п., быть можетъ, даже рискуя навлечь на себя упрекъ за излишнюю детальность въ изложеніи такого мало интереснаго предмета, какъ весь этотъ канцелярскій аппаратъ, детальность, находящую однако себѣ оправданіе въ томъ усиленіи и развитіи бумажнаго производства, которымъ сопровождалась реформа администраціи при Петрѣ. Итакъ, историческій генезисъ губерніи Истра Великаго, ея значеніе въ государственномъ хозяйствѣ и объемъ власти губернатора — таковы наиболѣе крупные изъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ составляетъ результатъ названныхъ изслѣдованій, если не перечислять другихъ болѣе мелкихъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы дальнѣйшимъ работникамъ было нечего дѣлать въ области исторіи губерніи 1707 — 1719 гг. Нѣкоторыя ея стороны остаются неясными и до сей поры. Какъ одинъ изъ такихъ неразъясненныхъ пунктовъ, можетъ быть указать вопросъ о второстепенномъ областномъ управленіи въ предѣлахъ губерніи. Дѣло въ томъ, что губерніи 1707—1719 гг.—эти громадныя территориальныя единицы, разбившія сперва на 8, а затѣмъ на 10 частей все пространство тогдашней Россіи, дробились на болѣе мелкія административныя подраздѣленія и управлялись довольно сложнымъ механизмомъ, при чемъ губернаторъ стоялъ только во главѣ послѣд-

няго. Къ тому же эти подраздѣленія губерніи, какъ и управлявшіе ими подъ руководствомъ губернатора органы, не оставались неизмѣнными за указанные выше годы. Несмотря на всю краткость этого періода, тѣмъ и другимъ: и областнымъ [подраздѣленіямъ, и областнымъ правительственнымъ органамъ, пришлось потерпѣть неоднократныя измѣненія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ. Въ самомъ дѣлѣ, второстепенными подраздѣленіями губерніи — уѣздами правятъ сначала воеводы; это управление вскорѣ смѣняется управленіемъ оберъ-комендантовъ и комендантовъ, при чемъ складывается новая областная единица—провинція. Оберъ-коменданты и коменданты подчинены сначала единоличной власти губернатора. Съ 1713 г. эта единоличная власть замѣняется коллективнымъ учрежденіемъ — губернскимъ совѣтомъ выборныхъ изъ дворянства ландратовъ подъ предсѣдательствомъ губернатора; наконецъ, съ 1715 г. вводятся на смѣну стариннымъ уѣздамъ новыя областныя единицы—доли, во главѣ которыхъ становятся ландраты. Итакъ, всего за 11 лѣтъ существованія губерніи мы насчитали четыре перемѣны въ ея административномъ управленіи: воеводы; оберъ-коменданты и коменданты, подчиненные губернатору; совѣтъ ландратовъ; ландраты, какъ правители долей. Всѣ эти перемѣны, совершавшіяся въ нижнемъ этажѣ губернской администраціи, до сихъ поръ остаются въ значительной степени неясными благодаря тому, что вообще этотъ этажъ былъ недостаточно освѣщенъ въ литературѣ вопроса. Предлагаемая статья и имѣетъ задачей въ эту темную часть зданія петровской реформы внести хотя бы слабый лучъ свѣта, который проливаютъ собранные пишушимъ эти строки главнымъ образомъ неизданные, а отчасти изданные, но мало замѣченные документы, и который позволить отчетливѣе разсмотрѣть, что происходило въ этой части.

I.

Воеводскіе товарищи 1702 и 1705 гг.

Указъ о раздѣленіи Россіи на губерніи застигалъ ту форму мѣстнаго управленія, которая развилась еще въ XVII вѣкѣ—правившихъ уѣздами воеводъ. Однако на рубежѣ и затѣмъ въ самомъ началѣ XVIII столѣтія мы встрѣчаемся съ попытками внести измѣненія въ объемъ и значеніе воеводской власти. Въ 1699 г., съ учрежденіемъ московской бурмистерской палаты и земскихъ избъ по городамъ, изъ

сферы воеводскаго вѣдомства было изъято закономъ посадское населеніе городовъ. Вскорѣ за этой реформой послѣдовала и другая попытка—поставить воеводскую власть на инныя основанія, призвать мѣстное земское общество въ лицѣ дворянства къ участию въ мѣстной администраціи, придать органамъ этой администраціи столь любимое преобразователемъ коллегіальное устройство и сдѣлать воеводу лишь председателемъ уѣздной административно-судебной коллегіи. Эти перемѣны въ устройствѣ уѣзднаго управленія проводились, можно сказать, наканунѣ учрежденія губерній указами 1702 и 1705 гг. о воеводскихъ товарищахъ. Такъ какъ въ составъ губернской административной іерархіи должны были вдвинуться съ 1707 г. уѣздные воеводы, власть которыхъ подверглась только что воздѣйствию этихъ указовъ, то и важно выяснить вопросъ, насколько осуществилось это воздѣйствіе на практикѣ, подверглась ли дѣйствительно воеводская власть тому ограниченію со стороны выборныхъ товарищей, какое имѣлось въ виду указами, или практика продолжала сохранять старыя черты вопреки закону, какъ это нерѣдко случалось въ эпоху реформы Петра. Вопросъ интересенъ еще и потому, что въ этихъ выборныхъ товарищахъ не безъ основанія видятъ домашній прецедентъ, для того заимствованнаго изъ прибалтійскихъ провинцій института, какимъ былъ институтъ ландратовъ 1713 г., преслѣдовавшій тѣ же цѣли участія представителей мѣстнаго общества, но уже въ болѣе широкомъ масштабѣ—не въ уѣздѣ только, но въ губернскомъ управленіи, и ограничивавшій власть не воеводы, а губернатора. Между тѣмъ, до сихъ поръ не потеряла еще своего значенія давно уже высказанная жалоба проф. Градовскаго, замѣтившаго, что „къ сожалѣнію невозможно прослѣдить дѣятельности этихъ новыхъ учрежденій (воеводскихъ товарищей); мѣстные архивы ничего не опубликовали относительно этого времени, да и наука наша слишкомъ мало обращаетъ вниманія на этотъ періодъ“¹⁾.

Первый изъ упомянутыхъ выше указовъ, 10 марта 1702 г., стоитъ въ связи съ окончательной отмѣной губныхъ старостъ²⁾. Упраздняя

¹⁾ *Градовскій*, Высшая администрація и генераль-прокуроры, стр. 75.

²⁾ Если вѣрять Татищеву, еще при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ была сдѣлана попытка привлечь мѣстное общество къ участию въ мѣстномъ управленіи, притомъ отличавшаяся болѣею широтою замысла. Участіе общества должно было проявляться не въ выборѣ товарищей къ назначеннымъ воеводамъ, а въ выборѣ самихъ воеводъ. Прежніе воеводы, рассказывая этотъ историкъ, „смѣло грабили; для сего царь Федоръ Алексѣевичъ положилъ воеводъ шляхетству избирать“. Былъ ли дѣйствительно

послѣднихъ, онъ предписывалъ дворянству „уѣздами“, т. е. уѣздными обществами избирать изъ своей среды „добрыхъ и знатныхъ людей“ въ товарищи къ воеводѣ въ количествѣ съ двухъ до четырехъ, смотря по значительности города, съ тѣмъ, чтобы протоколы выборовъ („выборы за руками“) были присланы въ московскій судный приказъ, Этимъ избраннымъ воеводскимъ товарищамъ предписывалось „вѣдать всякія дѣла и указъ чинить съ воеводами обще“; подпись каждаго подъ общимъ рѣшеніемъ должна была свидѣтельствовать о такомъ коллективномъ участіи. Единоличное рѣшеніе дѣлъ воеводой отнынѣ запрещалось ¹⁾).

Такимъ образомъ этотъ указъ вводилъ въ областное управленіе двѣ новости: во-первыхъ, это управленіе переставало быть единоличнымъ и должно было сдѣлаться коллегиальнымъ. На мѣсто воеводы становилась теперь коллегія, состоявшая по крайней мѣрѣ изъ трехъ членовъ, въ которой воевода игралъ только роль предсѣдателя. Коллегиальная форма управленія не была безызвѣстна и въ русской области въ XVII вѣкѣ, когда въ болѣе значительные города назначались къ воеводѣ товарищи. Но такое многочисленное управленіе было тогда далеко не повсемѣстнымъ, существуя только въ большихъ городахъ, а затѣмъ и самый коллегиальный порядокъ не былъ вполне обязательнымъ. Воеводѣ предписывалось съ товарищами государевымъ дѣломъ промыслять сообща, однако это не мѣшало имъ распределять иногда между собою различныя сферы областного управленія въ единоличное завѣдываніе, а правительству было рѣшительно все равно, какъ воевода съ товарищами правятъ, коллегиально или раздѣливши всю сумму дѣлъ по частямъ, лишь бы только они правили дружно и согласно ²⁾. Законъ 1702 года не развивалъ еще коллегиальной формы въ ея подробностяхъ, не вносилъ пока еще въ нее строгой определенности и не устанавливалъ еще принципа рѣшенія дѣлъ большинствомъ голосовъ; но онъ дѣлалъ уже коллегиальную форму областного управленія повсемѣстной и требовалъ обязательнаго участія въ рѣшеніи дѣлъ всѣхъ членовъ коллегіи.

Во-вторыхъ, этотъ указъ вводилъ въ областное управленіе земскій

составленъ проектъ такого закона при царѣ Оедорѣ, или это мнѣніе Татищеву было навѣяно шляхетскими притязаніями, въ эпоху разгара которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ покажутъ дальнѣйшія изслѣдованія во многихъ отношеніяхъ замѣчательной эпохи, предшествовавшей реформѣ Петра Великаго.

¹⁾ П. С. З. № 1900.

²⁾ *Чичеринъ*, *Области. учр.*, стр. 77.

элементъ въ сословной формѣ, замѣняя бюрократическое единоличное воеводское управленіе сословно-бюрократическими коллегіями, въ которыхъ выборные отъ землевладѣльцевъ дворянъ уѣзда должны были засѣдать подъ предсѣдательствомъ назначеннаго отъ правительства воеводы. Создавались, такимъ образомъ, сословно-бюрократическія областныя учрежденія, нѣсколько похожія по своему составу на такія же учрежденія, введенныя Екатериной II въ 1775 г.: тѣ и другія были основаны одинаково на сочетаніи элемента земскаго выбора съ элементомъ правительственнаго назначенія. Этотъ земскій элементъ съ сословнымъ характеромъ не былъ чуждъ областному управленію и прежде, входя въ него въ видѣ губнаго старосты, избираемаго изъ дворянъ первоначально всѣми классами уѣзднаго общества, а затѣмъ во второй половинѣ XVII вѣка преимущественно дворянствомъ же. Но особенность указа 1702 г. заключалась въ томъ, что онъ расширялъ компетенцію земскаго элемента въ лицѣ воеводскихъ товарищей сравнительно съ компетенціей губнаго старосты, распространяя ее на всѣ отрасли областного управленія.

Къ сожалѣнію, бумаги московскаго суднаго приказа, въ которомъ было сосредоточено все дѣло объ упраздненіи губныхъ старостъ и замѣнѣ ихъ выборными воеводскими товарищами и въ который должны были присылаться избирательные протоколы изъ уѣздовъ—не сохранились за это время или, по крайней мѣрѣ, еще не разысканы. Тѣмъ большую цѣну получаютъ уцѣлѣвшіе отрывочные документы, находящіеся въ дѣлахъ разряднаго приказа въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и дающіе возможность почерпнуть кое-какія свѣдѣнія объ исполненіи указа 10 марта 1702 г. на практикѣ.

Въ іюлѣ того же 1702 г. разрядъ получилъ увѣдомленіе изъ московскаго суднаго приказа о томъ, въ какихъ городахъ были избраны дворянскими обществами воеводскіе товарищи. Оказывается, что по 22 іюля 1702 г. выборы были произведены въ очень немногихъ, всего лишь въ десяти городахъ, а именно: Зубцовѣ, Твери, Ржевѣ Владиміровой, Вязьмѣ, Рузѣ, Мценскѣ, Дѣдиловѣ, Тулѣ; Крапивнѣ и Ростовѣ. Выборы продолжались въ теченіе 1703 г., когда были избраны товарищи въ Вологдѣ и Великихъ Лукахъ, и не были закончены еще въ концѣ 1704 года, когда отдавались распоряженія объ ихъ производствѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Арзамасѣ. Изъ всѣхъ этихъ городовъ въ Твери, Тулѣ и Вологдѣ было выбрано по трое, въ Вязьмѣ одинъ, а во всѣхъ остальныхъ по два товарища. По случайнымъ выраженіямъ документовъ участіе уѣздныхъ дворян-

скихъ обществъ въ выборахъ можно считать вполне доказаннымъ. Такъ, объ избраніи великолукскихъ товарищей воеводская отписка гласила, что имъ „по выбору лучанъ *окладчиковъ съ дворяны* велѣно быть на Лукахъ Великихъ съ воеводою“. Значить, выборы производило уѣздное дворянское общество съ своими предводителями, „окладчиками“, во главѣ. Трое вологодскихъ товарищей были избраны „по выборной заручной челобитной“ города Вологды помѣщиковъ и вотчинниковъ. Выборная заручная челобитная — коллективное ходатайство о назначеніи или объ утвержденіи упомянутыхъ въ ней кандидатовъ, скрѣпленное руками, т. е. подписями ходатайствующихъ— это одна изъ формъ древне-русскихъ выборовъ, уцѣлѣвшая и до сихъ поръ въ наиболѣе консервативной изъ всѣхъ сферъ русской жизни, церковной, гдѣ прихожане подаютъ иногда коллективную просьбу о назначеніи на открывающуюся церковную должность прихода намѣченного ими кандидата, которая такъ и называется „заручной“. Очевидно, что такая форма соединяетъ въ себѣ начало выбора съ началомъ назначенія; общество избираетъ и предлагаетъ кандидата, котораго утверждаетъ и назначаетъ правительственная власть. При этомъ возможна, разумѣется, борьба партій, представляющихъ разныхъ кандидатовъ, примѣръ которой мы встрѣчаемъ при выборѣ воеводскихъ товарищей. Дворянство въ Мценскѣ раздѣлилось на двѣ партіи: одна подала заручную челобитную, по которой и провела въ воеводскіе товарищи гвѣкоего Игнатія Ползикова. Другая подала челобитную, въ которой заявляла протестъ, указывала, что первую подписали утайкою только „свойственники и совѣтники“ его, Игнатія, не считала эту челобитную правильной, называла ее „утаеннымъ ходатайствомъ“, и просила Ползикова смѣнить, не предлагая однако никакого своего кандидата и предоставляя назначеніе товарища на мѣсто Ползикова—самому правительству. Чѣмъ кончилась эта любопытная распря, изъ бумагъ невидно. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ разрядѣ произведенъ былъ подсчетъ лицъ, подписавшихъ ту и другую челобитную, по которому оказалось, что за Ползикова просило всего 20 голосовъ, а число его противниковъ доходило до внушительной цифры 44. Въ этомъ подсчетѣ нельзя не видѣть хотя бы проблеска мысли о значеніи большинства голосовъ при выборахъ ¹⁾).

¹⁾ Московскій архивъ мн. юстиціи. Дѣла разрядныя: № 3, л. 503; № 5, л. 417; № 12, л. 353; книга 24, л. 73. Моск. архивъ иностр. дѣл. Дѣла приказныя старыхъ лѣтъ 1704 г. сент. 7, № 11.

Отрывочность документовъ не позволяетъ сказать окончательно, во сколькихъ вообще городахъ состоялись выборы. Впрочемъ другой изъ упомянутыхъ указовъ, изданный 19 января 1705 года ¹⁾, даетъ возможность сдѣлать заключеніе, что реформа, задуманная въ 1702 г., осуществилась далеко неполно и неполно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, товарищи къ воеводамъ изъ дворянъ были избраны не вездѣ. Во-вторыхъ, въ тѣхъ городахъ, гдѣ товарищи были дѣйствительно избраны, была сужена на практикѣ сфера ихъ дѣятельности, и указъ 1702 года былъ понятъ такъ, что коллегіальнымъ порядкомъ должны были рѣшаться не всѣ дѣла, а только такъ называемыя „челобитчиковы“, т. е. частныя, наказанныя дѣла. Соотвѣтственно этому указъ 1705 года и преслѣдовалъ двѣ цѣли: во-первыхъ, распространить институтъ воеводскихъ товарищей повсемѣстно. Но, очевидно, оказывалось такъ мало надежды на выборъ ихъ обществомъ, что правительство предписывало этимъ указомъ выбрать себѣ товарищей изъ мѣстнаго уѣзднаго дворянства *самимъ воеводамъ*, не отказываясь, такимъ образомъ, все-таки отъ мысли привлечь, хотя бы и принудительнымъ путемъ земскихъ людей къ участию въ областномъ управленіи. „А въ которыхъ городахъ съ воеводами товарищей нѣтъ“, гласилъ указъ, и „тѣмъ воеводамъ выбрать въ товарищи къ себѣ тѣхъ городовъ изъ помѣщиковъ... челобѣка по два“. Второю задачею указа 1705 года было расширеніе компетенціи воеводскихъ товарищей, слишкомъ суженной въ дѣйствительности, которая свела ее лишь на одни „челобитчиковы“ дѣла. Указъ распространялъ ее теперь также и на другую и притомъ несравненно болѣе значительную долю „государевыхъ“ дѣлъ областнаго управленія, важную отрасль которыхъ составляли денежные сборы въ той, конечно, мѣрѣ, въ какой финансовое вѣдомство оставалось за воеводами послѣ указовъ объ учре-

¹⁾ П. С. З. № 2018. Въ городахъ, въ которыхъ по отпуску изъ суднаго московскаго приказа по выбору тѣхъ городовъ жителей у челобитчиковыхъ дѣлъ съ воеводами были московскихъ чиновъ и городовые дворяне, быть имъ съ ними, воеводами по прежнему у челобитчиковыхъ дѣлъ, *да имъ же быть у всякихъ его государевыхъ дѣлъ и у денежныхъ всякихъ сборовъ*. А въ которыхъ городахъ съ воеводами товарищей нѣтъ и тѣмъ воеводамъ выбрать въ товарищи къ себѣ тѣхъ городовъ изъ помѣщиковъ, изъ московскихъ чиновъ и изъ городскихъ же, людей добрыхъ и заобычныхъ, челобѣка по два въ городѣ; и вѣдать имъ, воеводамъ съ тѣми выборными всякія его государевы и челобитчиковы дѣла и сборы денежные.... А буде которые воеводы или ихъ товарищи учинять по грамотамъ и въ денежныхъ сборахъ замедленіе и попорку и въ челобитчиковыхъ всякихъ дѣлахъ какую неправду и имъ, воеводамъ и товарищамъ ихъ за то учинено будетъ жестокое наказаніе.

жденіи бурмистерской палаты и земскихъ избъ. „Быть имъ (товарищамъ) съ ними, воеводами, по прежнему у челобитчиковыхъ дѣлъ, да имъ же быть и у всякихъ его, государевыхъ, дѣлъ и у денежныхъ всякихъ сборовъ“. Указъ грозилъ въ заключеніе, какъ воеводамъ, такъ и товарищамъ одинаково суровой отвѣтственностью за неправду въ челобитчиковыхъ всякихъ дѣлахъ и за „замедленіе и поноровку“ въ денежныхъ сборахъ. Такимъ образомъ, указъ 1705 г. расширялъ сферу вѣдомства уѣздной коллегіи, подчиняя ей всю совокупность дѣлъ уѣзднаго управленія.

Изъ нѣсколькихъ бумагъ разряда видно, что по этому указу появились воеводскіе товарищи въ слѣдующихъ городахъ: Данковѣ, Полатовѣ, Боровскѣ, Масальскѣ, Серпѣйскѣ, Брянскѣ, Муромѣ, Старомъ Осколѣ, Черни, Чернавскѣ, Хотмыжскѣ, Путивлѣ, Ефремовѣ и Ярославлѣ. Были, дѣйствительно, случаи назначенія товарищей самимъ воеводой, какъ того требовалъ законъ. „И по твоему, великаго государя, указу“, пишетъ въ разрядѣ данковскій воевода, „я, холопъ твой, изъ московскихъ чиновъ изъ дворянъ *выбралъ* Лукьяна Иванова сына Хомякова, Ивана Кондратьева сына Сафонова къ твоимъ, в. г., дѣламъ“. „Выбралъ я холопъ твой“, сообщаетъ ефремовскій воевода, „въ товарищи къ себѣ изъ ефремовскихъ номѣщиковъ, изъ городовыхъ людей отставныхъ Никифора Иванова сына Ковешникова, Ивана Сидорова сына Сапронова и велѣлъ имъ у всякихъ твоихъ, в. г., и у челобитчиковыхъ дѣлъ и у денежныхъ сборовъ быть въ Ефремовѣ съ собою вмѣстѣ мая 1 числа нынѣшняго 705 года“ ¹⁾. По гораздо болѣе часто встрѣчается иной порядокъ назначенія товарищей, непредусмотрѣнный совсѣмъ указомъ, а именно назначеніе ихъ непосредственно самимъ приказомъ, которымъ въ этомъ случаѣ является разрядъ. Такъ, иногда „отпускались“ изъ разряда вторые товарищи въ тѣ города, въ которыхъ воеводы выбрали себѣ только по одному человеку. По нерѣдки были также случаи „отпуска“ въ города и всего состава товарищей. По сохранившимся документамъ мы можемъ отчасти прослѣдить и самую процедуру такого назначенія изъ разряда. Въ юль 1705 г. въ этомъ приказѣ была сдѣлана справка, по которой оказалось, что въ нѣкоторыхъ городахъ, а именно въ Боровскѣ, Масальскѣ, Серпѣйскѣ, Брянскѣ и Муромѣ воеводы выбрали къ себѣ только по одному товарищу. Въ разрядѣ былъ составленъ

¹⁾ М. арх. мин. юст. Дѣла разрядныя, кн. 22, л. 591; кн. 24, л. 131; кн. 24, л. 830.

списокъ свободнаго служилаго контингента подъ заглавіемъ: „и для того, кому быть въ тѣхъ городахъ съ воеводами въ товарищахъ по другому человѣку, пописаны напимѣръ“, заключавшій въ себѣ всего 11 именъ. Изъ этихъ одиннадцати названныхъ въ докладѣ кандидатовъ тогдашній начальникъ разряда извѣстный Т. Н. Стрѣшневъ выбралъ пять человѣкъ, помѣчая противъ имени каждаго тотъ городъ, куда онъ назначался. Встрѣчаются также случаи, когда оба порядка назначенія сталкивались. Въ Хотмыжскѣ воевода выбралъ къ себѣ въ товарищи двоихъ изъ мѣстныхъ служилыхъ людей. Между тѣмъ въ городѣ явился товарищъ, назначенный изъ разряда, также изъ хотмыжанъ. Разрядъ, получивъ объ этомъ донесеніе воеводы, предписалъ послѣднему обоимъ выбраннымъ имъ къ себѣ товарищей отправить въ полковую службу и такимъ образомъ преимущество осталось за назначеніемъ изъ приказа. Наоборотъ, въ другомъ совершенно такомъ же случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ г. Ефремовѣ, отозванъ былъ товарищъ, присланный изъ разряда и оставлены выбраные воеводой двое изъ отставныхъ ефремовцевъ. Разница въ образѣ дѣйствій разряда объясняется экономіей относительно служилаго контингента: во второмъ случаѣ преимущество отдано было товарищамъ, выбраннымъ воеводою, потому, что они были отставные, тогда какъ посланный изъ разряда жилецъ Рославлевъ оказался еще годнымъ къ военной службѣ¹⁾. Кандидаты въ товарищи, имена которыхъ фигурируютъ въ спискахъ, составлявшихся въ разрядѣ при ихъ назначеніи, брались изъ разныхъ категорій служилыхъ людей. Здѣсь были и московскіе чины, и городовые, и отставленные уже отъ службы, и взятые изъ полковой службы, и „нѣтчики 1704 года“, т. е. служилые люди неявившіеся на службу въ годъ, предшествующій изданію указа. По документамъ, къ сожалѣнію, не всегда видно, насколько при этихъ назначеніяхъ принималась во вниманіе поземельная связь воеводскихъ товарищей съ тою мѣстностью, куда они назначались. Не видно также и ихъ челобитныхъ о назначеніи, подобныхъ тѣмъ, какія въ XVII в. подавались служилыми людьми, просившими мѣсть по областному управленію.

Итакъ, насколько можно судить по приведеннымъ даннымъ, указъ о выборѣ воеводскихъ товарищей мѣстными уѣздными дворянскими обществами на практикѣ не получилъ широкаго осуществленія. Товарищи были избраны далеко не вездѣ, и самая ихъ компетенція была

¹⁾ М. арх. мин. юст. Дѣл. разрядныя, кн. 24, л. 431, л. 830.

сѣужена. Черезъ нѣсколько лѣтъ выборы служилымъ обществомъ были замѣнены назначеніемъ, которое предоставлено было дѣлать самому воеводѣ изъ мѣстнаго служилаго общества. Назначеніе воеводой въ свою очередь уступало на практикѣ мѣсто непосредственному назначенію изъ приказа. Такимъ образомъ указъ 1702 г. не воскресилъ разрушающихся уѣздныхъ дворянскихъ міровъ и если оживилъ ихъ, то очень немного. Въ смыслѣ привлеченія мѣстнаго общества къ дѣлу мѣстнаго управленія его можно считать неудачнымъ.

Такъ же мало успѣха имѣла и другая сторона указовъ 1702 и 1705 гг., а именно введеніе коллегіальнаго порядка въ областное управленіе. Правда, этотъ порядокъ былъ теперь сдѣланъ общимъ и обязательнымъ для всѣхъ областныхъ единицъ Россіи. Но самое начало коллегіальности не было болѣе развито или точнѣе опредѣлено, чѣмъ какъ оно было извѣстно въ XVII в. Принципъ рѣшенія большинствомъ голосовъ не былъ еще введенъ, и весь ходъ дѣла представлялся единодушію коллегіи, уживчивости воеводы съ товарищами и умѣнью ихъ ладить другъ съ другомъ. Вотъ почему между воеводами и ихъ wybranными товарищами стали разыгрываться совершенно такія же сцены, какія извѣстны намъ изъ исторіи воеводскаго управленія XVII в. Въ товарищи къ великолужцкому воеводѣ Афанасію Тимирязеву были въ 1703 г. избраны двое великолужцкихъ дворянъ: Ѳеодоръ Обрютищъ и Сила Назимовъ. „И они де, Ѳеодоръ и Сила“, писалъ на нихъ въ приказъ воевода, „пришедъ въ приказную избу, подъячимъ и приставомъ говорятъ и всячески устранивають“, заставляя ихъ ходить ежедневно по нѣскольму разъ къ себѣ на домъ въ подгородную деревню. Дѣла челобитчиковы они слушаютъ и челобитныя подписываютъ безъ него, воеводы. „И отъ такихъ ихъ, Ѳеодоровыхъ и Силиныхъ, палогъ и утѣшенія“, заключаетъ воевода свой доносъ, „великаго государя всякимъ дѣламъ чинится остановка и замедленіе“. Въ свою очередь эти товарищи принесли жалобу на воеводу: онъ отстраняетъ ихъ отъ самаго производства дѣлъ, допуская только къ рѣшенію. „Только де вамъ вершить дѣла со мною“, сказалъ имъ воевода, прочтя государеву грамоту объ участіи товарищей съ нимъ въ управленіи, „а до вершенія дѣлъ и дѣла де вамъ нѣтъ“. Значитъ, воевода истолковалъ указъ о товарищахъ такъ, что послѣдніе должны вступать въ производство дѣла только въ моментъ его рѣшенія, а до всѣхъ предварительныхъ стадій имъ не должно было касаться. Далѣе товарищи писали, что воевода заперъ дѣла въ шкафахъ за свою печатью, въ приказную избу мало ходитъ, всякія дѣла

дѣласть одинъ, а имъ безъ себя въ приказную избу ходить не велить, подъячимъ запретилъ ихъ слушаться, такъ что тѣ отказываютъ имъ съ невѣжествомъ ¹⁾). Путивльскій воеводскій товарищъ жаловался въ приѣздъ, что у нихъ съ воеводой во всемъ несогласіе и ссора, отъ чего во всякихъ дѣлахъ чинится „моччанье“. Товарищъ написалъ было по одному дѣлу отписку въ приказъ, воевода „изодралъ“ эту отписку и запретилъ подъячимъ писать какія-либо бумаги по требованію товарища ²⁾).

Эта коллегіальная система областного управленія просуществовала, повидимому, недолго. По указамъ 1702 и 1705 гг. не устанавливалось опредѣленнаго срока должности воеводскихъ товарищей, и можно думать, что эта должность имѣла такой же безсрочный характеръ, какъ напр. должность губнаго старосты. Когда были выбраны мѣстнымъ дворянствомъ товарищи къ великолукскому воеводѣ, въ грамотѣ изъ суднаго приѣзда, санкціонировавшей эти выборы, повелѣвалось быть съ этими товарищами „у татныхъ и разбойныхъ, и убивственныхъ дѣлъ, и у истцовыхъ всякихъ исковъ“ настоящему великолукскому воеводѣ Афанасью Тимирязеву „и *впредь будущимъ воеводамъ*“ ³⁾). Значитъ, должность воеводскаго товарища разсматривалась, какъ постоянная относительно переменчивой должности воеводъ, которые назначались обыкновенно на два года. Итакъ, нельзя предполагать, чтобы должность товарищей исчезла потому, что товарищамъ, выбраннымъ въ 1702 или получившимъ назначеніе въ 1705 г. окончился какой-либо срокъ, а новыхъ выборовъ и назначеній не происходило. Полномочія товарищей 1702 и не прекращались. Но юридически не прекращенный и не отмѣненный институтъ заглохъ на практикѣ, не привившись къ жизни. Въ пониженіи дѣятельности уѣздныхъ дворянскихъ обществъ, подъ влияніемъ удара, нанесеннаго имъ учрежденіемъ регулярной арміи, замѣнившей прежніе уѣздные дворянскіе полки, въ отсутствіи изъ уѣзда служилыхъ людей, отвлеченныхъ войной, проходившей въ тѣ годы свою наиболѣе тяжелую фазу, наконецъ, въ непривычкѣ къ коллегіальному порядку воеводъ, насколько возможно старавшихся стѣснить и отстранить товарищей отъ раздѣленія съ ними власти и связанныхъ съ нею выгодъ—вотъ условія, въ которыхъ надо искать причинъ неудачи и кратковременности института.

¹⁾ М. арх. мин. юст. Дѣла разрядныя, кн. 12, л. 351—353.

²⁾ Ibid., кн. 21, л. 597 об.

³⁾ Ibid., кн. 12, л. 351.

Въ слѣдующіе за 1705 годы, еще до переименованія воеводъ въ коменданты, дѣятельности товарищей въ областномъ управленіи почти не замѣтно.

II.

Коменданты и оберъ-коменданты.

Иностраннѣй терминъ „комендантъ“ заимствованъ изъ администраціи прибалтійскаго края; его первое появленіе въ русскомъ административномъ языкѣ совпадаетъ именно со временемъ завоеванія этого края. Въ 1703 г. воеводамъ городовъ, приписанныхъ къ олонецкой верфи (Пошехонье, Бѣлоозеро, Каргополь), было велѣно быть во всемъ послушными указамъ губернатора новозавоеванной области кн. Меншикова, которые должны были передаваться имъ черезъ олонецкаго коменданта ¹⁾. Въ 1706 г. Яковъ Римскій-Корсаковъ, занимавшій еще въ 1703 г. должность копорскаго воеводы, называется копорскимъ комендантомъ ²⁾. Названіе „воевода“ постепенно замѣняется новымъ, сначала въ отдѣльныхъ случаяхъ; а затѣмъ съ 1711 г. названіе „комендантъ“ дѣлается общимъ для всей тогдашней Россіи. Въ 1709 и 1710 гг. Галичемъ управлялъ стольникъ и воевода А. Я. Новосильцевъ; но уже съ января 1711 г. онъ титулуется стольникомъ и комендантомъ ³⁾.

Какое значеніе имѣла эта перемѣна? Заключалось ли въ этомъ случаѣ все нововведеніе только въ перемѣнѣ административной номенклатуры? Сравненіе прежняго воеводы съ комендантомъ какъ будто подтверждаетъ эту мысль, и нельзя даже сказать, чтобы новое названіе упрочилось и чтобы старое замѣнилось имъ окончательно. И послѣ 1711 г. термины эти постоянно смѣшиваются, и одинъ появляется на мѣстѣ другого даже въ официальныхъ актахъ. Такъ напр., калужскій комендантъ Петръ Зыбинъ въ 1712 г. называется то комендантомъ, то воеводой въ одномъ и томъ же документѣ ⁴⁾.

Комендантовъ мы встрѣчаемъ въ тѣхъ городахъ, въ которые обыкновенно назначались воеводы и, какъ показываютъ приведенные выше примѣры, прежній воевода переименовывался въ коменданта. И обя-

¹⁾ П. С. З. № 1943.

²⁾ П. С. З. № 2097.

³⁾ М. арх. мин. юст. Дѣла галичскаго уѣзднаго суда.

⁴⁾ Доклады и приговоры въ Прав. Сен. II, № 951.

завности, возложенныя на комендантовъ, были совершенно тѣ же, какія возлагались и на воеводъ. Какой-нибудь общей регламентаціи комендантской должности издано не было, какъ ея не существовало и для воеводъ XVII в., получавшихъ каждый свой особый наказъ. Когда знакомый уже намъ М. Римскій-Корсаковъ былъ переименованъ изъ воеводъ въ коменданты, ему дана была инструкция, изъ которой можно видѣть, въ чемъ заключались обязанности коменданта. Ему предписывалось вообще всякія дѣла управлять, „примѣняясь къ наказамъ прежнихъ воеводъ“; а затѣмъ инструкция ближе опредѣляетъ его функціи. Какъ и у воеводъ, онѣ были главнымъ образомъ двоякаго рода: финансовыя и судебныя. Инструкция предписываетъ ему произвести перепись тяглаго населенія подвѣдомственной ему территоріи, далѣе возлагаетъ на него заботу о производствѣ всякихъ сборовъ, прямыхъ и косвенныхъ, съ тѣмъ, чтобы онъ выбралъ всю накопившуюся прежнюю недоимку и отнюдь не допускалъ образованія новой. Наконецъ, ему поручается также и судебное вѣдомство въ его округѣ ¹⁾).

Съ тою же фizioноміей финансоваго агента и судьи, напоминающей воеводу XVII столѣтія, выступастъ комендантъ и при наблюденіи его дѣятельности въ дѣйствительной жизни, какъ ее обрисовываютъ сохранившіеся до насъ документы комендантскаго управленія. Онъ наблюдаетъ за цѣлостью казеннаго имущества ²⁾. Онъ понуждастъ всѣ классы населенія отбывать лежащее на каждомъ изъ нихъ тягло, выставлять военный и рабочий контингентъ и исполнять прочія повинности, натуральныя и денежныя. Комендантъ исполняетъ также и экстраординарныя казенныя порученія: напр., сдаетъ въ подрядъ поставку корабельнаго лѣса, производитъ закупку лошадей, заготовляетъ сѣно для проходящихъ по его уѣзду воинскихъ командъ, отправляетъ далѣе къ Петербургу пришедшій по рѣкѣ корабельный лѣсъ и т. п. ³⁾).

Сохранилось также много памятниковъ и судебной дѣятельности комендантовъ. Комендантъ производитъ судебныя разбирательства по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. Съ другой стороны и въ судебной области онъ также дѣйствуетъ какъ исполнительный агентъ выс-

¹⁾ П. С. З. № 2097.

²⁾ Докл. и приг. П, № 662.

³⁾ М. арх. мп. юст. Дѣла угличской пров. канцеляріи, №№ 57, 450. Дѣл. сепата кн. 80, л. 266. Докл. и пригов. *passim*.

шаго правительства, осуществляя судебные приговоры высшихъ инстанцій. Такъ, напр., онъ производилъ „отказы“ имѣній по приговорамъ помѣстнаго приказа ¹⁾.

Такъ же мало, какъ у воеводы, въ рукахъ коменданта была развита полицейская функція, и едва ли во многихъ случаяхъ она переступала за предѣлы полиціи безопасности. Военною властью комендантъ обладалъ не всегда, а лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ его городѣ находился гарнизонъ. Гарнизоны и состояли обыкновенно подъ командою комендантовъ ²⁾. Но вообще вопреки своему военному названію, должность эта имѣла болѣе гражданскій, чѣмъ военный характеръ точно такъ же, какъ и должность воеводы въ XVII в. На ея гражданскій характеръ указываетъ между прочимъ обязанность коменданта выставлять „вмѣсто своей персоны“ въ ряды войска „да точнаго“—знакъ, что, служа комендантомъ, онъ не считался на двѣстилетней военной службѣ ³⁾.

Итакъ, по тѣмъ функціямъ, которыя комендантъ долженъ былъ исполнять, онъ ничѣмъ не разнится отъ воеводы середины XVII в.; а по тѣмъ отношеніямъ, въ какихъ стоялъ комендантъ къ посадскому населенію, онъ гораздо болѣе напоминаетъ воеводу именно середины, чѣмъ конца этого вѣка, когда изъ финансовою и судебною власти воеводъ было изъято посадское населеніе. Коменданту населеніе посадовъ оказывается подвѣдомственно въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, совершенно вопреки цѣлому ряду указовъ, изданныхъ въ эпоху учрежденія ратуши. Никакого особаго указа о подчиненіи посадскихъ людей комендантамъ не сохранилось и вѣриѣ объяснить дѣло такъ, что посадское населеніе оказалось въ вѣдомствѣ коменданта не вслѣдствіе изданія какого-нибудь новаго указа, а потому, что изданные не были въ силахъ отмѣнить порядки, сложившіеся долгимъ временемъ и съ одной стороны отучить прежняго воеводу налагать свою руку на городъ, а съ другою отучить горожанъ обращаться къ воеводѣ. Уцѣлѣвшее дѣлопроизводство „приказныхъ избъ“, т. е. комендантскихъ, и „земскихъ избъ“, т. е. бурмистерскихъ канцелярій, показываетъ ихъ взаимныя отношенія. Комендантъ понуждаетъ посадское населеніе къ отправленію казенныхъ повинностей такъ же, какъ и всякое другое. Такъ, напр., бѣжецкій комендантъ постоянно

¹⁾ П. С. З. № 2787. М. арх. мин. ист. Дѣла угличск. пров. канц. №№ 67, 59.

²⁾ Докл. и приг. II, №№ 416, 919.

³⁾ Докл. и приг. *passim*.

безпокоить бѣжецкихъ земскихъ бурмистровъ присылкою къ нимъ указовъ: то о выборѣ добрыхъ посадскихъ къ приему провіанта и фуража, то о выборѣ кузнецовъ, плотниковъ и другихъ работниковъ для отсылки ихъ въ Петербургъ, то объ изготовленіи подводъ „подъ шествіе царскаго величества“ или „свѣтлѣйшаго князя“ ¹⁾).

По комендантъ же и судить посадскихъ людей. Въ иныхъ случаяхъ онъ представляетъ изъ себя апелляціонную инстанцію, куда восходятъ дѣла по жалобамъ недовольныхъ на рѣшенія бурмистровъ. Вдова бѣжецкаго посадскаго человѣка Самоилова по дѣлу о наслѣдствѣ покойнаго мужа была челомъ бѣжецкимъ земскимъ бурмистрамъ на завладѣвшаго этимъ наслѣдствомъ деверя. Но когда ей показалось, что тѣ рѣшили дѣло несправедливо, „дружа и норова“ отвѣтчику, она перенесла его къ бѣжецкому коменданту, который и вытребовалъ къ себѣ все производство по этой тяжбѣ изъ бѣжецкой земской избы ²⁾. Комендантъ производитъ судъ между посадскими людьми также и въ качествѣ первой инстанціи по дѣламъ какъ уголовнымъ, такъ и гражданскимъ. Притомъ уголовныя дѣла, поступающія къ коменданту, — иногда самаго неважнаго свойства, разобрать которыя могли бы безпрепятственно и въ земской избѣ. Такъ въ 1712 г. двое бѣжецкихъ посадскихъ судились у коменданта въ нанесеніи одному другимъ побоевъ. Тотъ же комендантъ разбиралъ процессъ между посадскими людьми братьями Кузнецовыми, изъ которыхъ одинъ обвинялъ другого въ называніи его воромъ. Посадскіе люди ведутъ передъ комендантомъ тяжбы о приданомъ, о спорной дворовой землѣ, о займѣ и т. п. ³⁾. Наконецъ, посадскіе люди обращаются къ коменданту съ жалобами на неправильныя дѣйствія своихъ выборныхъ властей и по дѣламъ городского управления. Разумѣется, по большей части рѣчь въ этихъ жалобахъ идетъ о несправедливой раскладкѣ или неправильномъ сборѣ податей, что и было главнымъ предметомъ дѣятельности выборной городской администраціи. Такъ, напр., бѣжецкіе кузнецы жаловались на земскихъ бурмистровъ и земскихъ старостъ въ томъ, что эти бурмистры и старосты несправедливо отягощаютъ ихъ повинностями и „бьютъ на правожѣ смертно“. Другой примѣръ: въ 1714 г. къ тому же бѣжецкому коменданту поступило коллективное челобитіе всего

¹⁾ М. арх. мин. юст. Дѣла бѣжецк. уѣздн. суда описъ II, д. 112. Дѣла угличской пров. канц. № 57.

²⁾ М. арх. мин. юст. Дѣла бѣжецк. уѣздн. суда, оп. II, д. 92.

³⁾ М. арх. мин. юст. Дѣла бѣжецкаго уѣздн. суда оп. II, №№ 124, 127, 128. Дѣла угличск. пров. канц. №№ 68, 90, 127.

бѣжецкаго посада на своихъ же окладчиковъ, выбираемыхъ для раскладки податей, падавшихъ на посадъ. Въ этомъ челобитѣ посадскіе люди просили коменданта взять окладчиковъ въ приказную избу и допросить ихъ о неправильной раскладкѣ податей. Такимъ образомъ сами же посадскіе люди втягивали коменданта въ сферу своего самоуправления, и комендантъ вмѣшивался въ него не менѣе прежняго классическаго воеводы ¹⁾. Врѣзаясь клиномъ въ область городскихъ интересовъ, комендантская власть только увеличивала еще антагонизмъ между различными экономическими слоями посадскаго населенія, въ особенности если комендантъ позволялъ себѣ различныя злоупотребленія. Такъ „малоплательщики“ города Калуги жаловались въ сенатъ на своего коменданта, что онъ неравно относится къ интересамъ состоятельныхъ и маломочныхъ классовъ посада: большеплатежнымъ дружить и поровить, а имъ, малоплательщикамъ, чинить великую налогу, сковавъ держить ихъ въ приказной избѣ за рѣшеткою и бьеть на правожѣ босыхъ передъ приказомъ болѣе десяти недѣль ²⁾. Недаромъ жители города Ростова, освобожденные отъ нѣкоторыхъ сборовъ, хлопотали передъ сенатомъ объ отправкѣ изъ сената указа вновь назначенному коменданту съ извѣстіемъ о такой льготѣ для того, „чтобъ имъ впредь отъ того коменданта въ какой изневоленъ не быть“ ³⁾. При такомъ отношеніи коменданта къ посаду извѣстный указъ 1714 г. о порядкѣ судебныхъ инстанцій, которымъ повелѣвалось „всякихъ чиновъ людямъ“ (безъ всякаго исключенія для посадскихъ) о всякихъ дѣлахъ подавать свои челобитныя комендантамъ, не вводилъ ничего новаго сравнительно съ практикой; онъ только игнорировалъ совершенно прежніе указы объ изытїи посадскаго населенія изъ судебного вѣдомства воеводъ, не осуществленные жизнью ⁴⁾.

Итакъ, комендантъ начала XVIII столѣтія близко напоминаетъ собою воеводу середины XVII-го. Тѣ же обязанности, та же сфера вѣдомства; то же отношеніе къ управляемому населенію и тѣ же жалобы со стороны послѣдняго: „взялъ онъ, комендантъ, нападками своими хлѣба 25 четвертей, и тотъ хлѣбъ на мірскихъ подводахъ къ нему отвезли; да онъ жо, комендантъ, взялъ съ нихъ нападками своими денегъ 25 рублей, да вмѣсто праздничныхъ барановъ беретъ

¹⁾ М. арх. мин. юст. Дѣла бѣженц. уѣздн. суда, оп. II, дд. 102, 126, 101, 151. Дѣла угличск. пров. канц. №№ 96, 131. Всѣ эти примѣры относятся къ 1710—13 гг.

²⁾ Докл. и приг. V, № 210.

³⁾ Докл. и приг. IV, № 311.

⁴⁾ П. С. З. № 2787.

съ нихъ по полуполтинѣ за барана... да къ нему жѣ, коменданту ѣздить невѣдомо какая старица... въ дѣловую пору на ихъ мірскихъ подводахъ" и т. д. ¹⁾). Однако, какъ ни ясно изъ подъ оболочкой петровскаго коменданта сквозить московскій воевода—введеніе комендантскаго управленія не было простою перемѣною словъ. Оно стояло въ связи съ общимъ переустройствомъ областной администраціи въ ту эпоху.

По нѣкоторымъ удѣлѣвшимъ отрывочнымъ документамъ можно догадываться, что когда правительство Петра приступило къ первой, губернской областной реформѣ, у него былъ составленъ довольно стройный планъ губернскаго устройства, который и можно возстановить по этимъ документамъ. Планъ этотъ заключался въ слѣдующемъ. Во главѣ каждой изъ восьми громаднхъ областей, на которыя раздѣлена была Россія, долженъ былъ стать губернаторъ — правитель всей суммы губернскихъ дѣлъ во всей ихъ совокупности. Подъ нимъ среднее мѣсто должны были занять четыре „губернскія персоны“, а именно: оберъ-комендантъ, завѣдующій военнымъ управленіемъ, оберъ-комиссаръ и оберъ-провіантъ, дѣлящіе между собой управленіе губернскими доходами такъ, что въ руки перваго поступаютъ денежные, а въ руки втораго хлѣбные сборы и, наконецъ, ландрихтеръ, завѣдующій губернской юстиціей. Такимъ образомъ эти четыре персоны дѣлили на четыре доли всю совокупность губернскихъ дѣлъ, сосредоточенную въ рукахъ губернатора. Подъ ними предполагалось поставить низшіе органы областного управленія — уѣздныхъ комендантовъ, каждый изъ которыхъ, будучи подчиненъ каждой изъ губернскихъ персонъ по ея вѣдомству, сливаетъ въ своихъ рукахъ опять всѣ четыре вѣдомства въ одну совокупность, простирая свою власть на небольшое подраздѣленіе губерніи—уѣздъ ²⁾).

Этотъ планъ губернской іерархіи не осуществился на практикѣ, и устройство областной администраціи получило иной, менѣе сложный видъ. Было необходимо заполнить громадную пустоту между губернаторомъ и множествомъ подчиненныхъ ему уѣздныхъ комендантовъ. Проектъ правительства устанавливалъ для этой цѣли среднюю инстанцію изъ четырехъ губернскихъ персонъ, строя ее на началѣ раздѣленія между ними вѣдомства по роду дѣлъ. На практикѣ въ губерни-

¹⁾ Докл. и приг. V, № 609. Описан. архива морск. минист. № 229.

²⁾ Подробности этого плана см. у Милокова, Госуд. Хоз., 354—356. II. С. 3. №№ 2097, 2135.

скую схему вдвинулась средняя инстанція, построенная на иномъ началѣ, на началѣ территоріальнаго раздѣленія. Такою среднею инстанціей стала *провинція съ оберъ-комендантомъ* во главѣ.

Уже въ административной практикѣ XVII вѣка замѣчается стремленіе соединять города съ ихъ уѣздами въ особыя группы, „принимать“ нѣсколько городовъ къ одному какому-нибудь главному. Такія группы складывались иногда сами собою, естественнымъ путемъ, помимо правительственнаго воздѣйствія. Вокругъ значительнаго города, въ особенности если онъ находился на окраинѣ государства, возникали съ теченіемъ времени небольшіе городки, тѣсно связанные съ главнымъ экономическими и административными отношеніями. Нѣкоторые окраинные города, напр., Казань, Симбирскъ, Астрахань—были окружены цѣлыми плеядами такихъ пригородовъ¹⁾. Административное устройство пригородовъ бывало различно: иногда они не составляли отдѣльныхъ административныхъ цѣлыхъ и находились подъ непосредственнымъ управленіемъ воеводы главнаго города; иногда въ пригороды назначались особые воеводы, находившіеся въ различной степени подчиненія воеводѣ главнаго. Эта степень подчиненія проявлялась обыкновенно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ правѣ назначенія воеводы пригорода, иногда предоставляемомъ воеводѣ главнаго города, иногда оставляемомъ центральнымъ правительствомъ за собой; во-вторыхъ, въ большемъ или меньшемъ правѣ непосредственнаго сношенія съ центральнымъ правительствомъ.

Но кромѣ такого естественнаго образованія группъ изъ городовъ съ пригородами иногда правительство XVII вѣка ради военныхъ цѣлей или удобствъ администраціи прибѣгало къ искусственному соединенію отдѣльныхъ сосѣднихъ городовъ, даже и не находившихся между собою въ филиальныхъ отношеніяхъ пригорода къ главному городу. Были различныя мотивы для такого соединенія. Сюда относятся прежде всего разборы, верстанья и раздачи жалованья уѣзднымъ служилымъ людямъ. Обыкновенно эти операціи производились не въ каждомъ городѣ особо, а для служилаго населенія цѣлой группы городовъ изъ

¹⁾ Пригороды *Казани*: Сергіевъ, Тинскъ, Мензелинскъ, Новомешинскъ, Алексѣевскъ, Старомешинскъ, Билярскъ. Пригороды *Симбирска*: Тагаевъ, Уренскъ, Вольшая Корсунь, Малая Корсунь, Аргашъ, Сурскъ, Талекъ, Вѣлый Яръ, Веркинскъ. Пригороды *Астрахани*: Черный Яръ, Красный Яръ, Гурьевъ. Пригороды *Уфы*: Бирскъ, Каракуино. Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 102, л. 391; кн. 107, л. 899.

одного какого-нибудь центрального ¹⁾. Точно такимъ же образомъ нѣкоторые изъ городовъ дѣлались въ XVII вѣкѣ посредствующими станціями въ сношеніяхъ центрального правительства съ областями. Грамоты и указы разсылались изъ Москвы не во все города непосредственно. Такъ, напр., указъ отправлялся въ Серпуховъ и уже на обязанности серпуховской администраціи лежало озаботиться рассылкою его въ Каширу и Алексинъ точно такъ же, какъ калужскій воевода долженъ былъ переслать присылаемые къ нему экземпляры указа въ Перемышль, Мещовскъ, Воротыньскъ, Масальскъ, Козельскъ и Сергійскъ ²⁾. Въ обоихъ приведенныхъ примѣрахъ группы городовъ, соединяясь ради извѣстныхъ удобствъ, не складываются еще въ прочныя и постоянныя административныя системы, построенныя на началахъ субординаціи. Тѣмъ не менѣе создаются привычныя сочетанія сосѣднихъ городовъ, и въ этихъ группахъ выдвигаются города, играющіе роль главныхъ мѣстъ и центровъ. Г. Милуковъ показалъ, какъ на окраинахъ государства подъ вліяніемъ военныхъ потребностей изъ такихъ группъ образовались объединенные военнымъ и финансовымъ управленіемъ округа. Но въ концѣ вѣка начинаютъ слагаться такія административныя системы и безъ военныхъ потребностей, исключительно въ административныхъ цѣляхъ въ центральныхъ мѣстностяхъ государства. Такъ въ 1692 г. города Ростовъ и Переяславль-Залѣвскій были приписаны къ Ярославлю. Ярославскому воеводѣ было предоставлено, во-первыхъ, назначать отъ себя въ эти города воеводу, во-вторыхъ, вѣдать эти города „всякими расправными и татными, и разбойными, и убивственными дѣлами“—формула, которою обозначалась тогда юрисдикція по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, составлявшая, главнымъ образомъ, функцію воеводы въ 90-хъ годахъ XVII вѣка, когда финансовое управленіе было изъято изъ его рукъ ³⁾. Черезъ два года къ вѣдомству ярославскаго воеводы на тѣхъ же основаніяхъ были присоединены еще два близкихъ къ Ярославлю городка: Угличъ и Романовъ ⁴⁾. Когда были заведены воронежская, а затѣмъ олонецкая верфи, по нѣскольку городовъ, доходы съ которыхъ были назначены на кораблестроеніе, были приписаны къ Воронежу и къ Олонцу, сдѣлавшіяся административными центрами для приписанныхъ городовъ.

¹⁾ Милуковъ, Госуд. Хоз., 302.

²⁾ Дворц. Разр. IV, 1005—6; 1135—6

³⁾ П. С. З. № 1412.

⁴⁾ Дворц. Разр. IV, 870.

Такъ понемногу административная практика создала здѣсь и тамъ комплексы городовъ съ уѣздами, административныя системы, которыя вызывались, очевидно, назрѣвшею потребностью въ большей стройности іерархіи съ одной стороны и въ нѣкоторой децентрализаціи управленія съ другой. Въ центральномъ вѣдомствѣ, приказѣ, накоплялась масса мелкихъ и неважныхъ дѣлъ, рѣшить которыя однако представлялось затруднительнымъ вдали отъ мѣстности, но передать всецѣло во всемъ ея объемѣ власть центрального вѣдомства въ руки мѣстнаго воеводы не рѣшались; поэтому въ отдѣльныхъ случаяхъ и устанавливалась средняя инстанція въ лицѣ воеводы большого, главнаго города.

Въ самомъ концѣ XVII в. предпринята была въ болѣе широкихъ размѣрахъ попытка децентрализаціи посредствомъ составленія городовыхъ группъ въ сферѣ, впрочемъ, не воеводскаго, а ратушскаго управленія. Въ томъ же году, когда управленіе торговопромышленнымъ классомъ городовъ было сосредоточено въ московской бурмистерской палатѣ, ратушѣ, былъ изданъ указъ, направленный къ разредоточенію той массы дѣлъ изъ городовъ, которая, очевидно, стала скопляться въ этой ратушѣ, по мѣстнымъ центрамъ путемъ приписки къ этимъ послѣднимъ группы близъ лежащихъ городовъ. Было повелѣно „учинить провинціи къ Великому Новгороду, Пскову, Астрахани и инымъ такимъ городамъ малые города и уѣзды приписать, которые къ которымъ надлежатъ“. Земскіе бурмистры „приписныхъ“ городовъ, поставленные въ зависимость отъ бурмистровъ „настоящихъ“, были лишены права непосредственнаго сношенія съ московской ратушей; по всемъ дѣламъ они должны были получать указы отъ бурмистровъ „настоящихъ“ городовъ. И только уже эти послѣдніе могли писать въ Москву въ томъ случаѣ, если дѣло превышало ихъ компетенцію¹⁾.

Въ этомъ указѣ впервые было упомянуто слово „провинція“, и изъ него же ясно значеніе этого слова въ то время. Такъ стали называть группу городовъ, приписанныхъ къ одному главному „въ присудство“, какъ тогда выражались. При словѣ „провинція“ у насъ возникаетъ представленіе о нѣкоторомъ территориальномъ цѣломъ, рисующееся намъ, можетъ быть, даже въ видѣ цвѣтнаго пятна съ опредѣленными очертаніями на употребляемой нами географической картѣ. Затѣмъ мелькаетъ представленіе объ извѣстной совокупности учреждений, объ-

¹⁾ П. С. З. № 1706, 27-го октября 1699 г. *Дитяингъ*, Устройство п управленіе городовъ Россіи I, 162.

единающихъ это географическое цѣлое въ административную единицу. При чтеніи приведеннаго выше указа въ воображеніи его современника не возникало ни географическаго представленія, такъ какъ онъ не пользовался географическою картою, ни представленія о совокупности административныхъ учреждений, такъ какъ для управленія провинціей въ 1699 г. не заводилось особыхъ провинціальныхъ учреждений, а оно поручалось мѣстнымъ ратушамъ главныхъ городовъ подобно тому, какъ и самый центральный органъ городского управленія, общій для всей Россіи—московская ратуша—былъ въ то же время мѣстнымъ органомъ, вѣдающимъ дѣла города Москвы. Въ умѣ этого современника при словѣ „провинція“ должны были мелькать лишь имена городовъ, приписанныхъ къ главному, и отъ его памяти зависѣло, насколько полнымъ могъ ему представляться этотъ списокъ ¹⁾.

Это раздѣленіе городовъ на провинціи по указу 1699 г. не было общимъ; оно было только специальнымъ дѣленіемъ городского вѣдомства, министерства городовъ, если можно такъ выразиться, подобно тому, какъ теперь существуютъ спеціальныя территориальныя подраздѣленія въ различныхъ министерствахъ, напримѣръ, военные, судебные, учебные и т. п. округа. Но во второмъ десятилѣтіи XVIII в. вмѣстѣ съ появленіемъ комендантовъ мы встрѣчаемъ такого же рода провинцію и съ общедминистративнымъ характеромъ. До насъ не сохранилось никакого общаго указа о введеніи такихъ провинцій, какъ не дошло съ другой стороны и указа о повсемѣстномъ введеніи комендантовъ. Да появленіе провинцій въ этотъ періодъ вовсе и не было общимъ. Не слѣдуетъ думать, что восемь губерній были правильно подраздѣлены на провинціи, какъ это было послѣдствіемъ въ 1719 г. Теперь же только тамъ и сямъ составились группы городовъ, получившія названія провинцій. Можно замѣтить, что въ провинціи складывались города, удаленные отъ губернскаго центра. Такъ въ петербургской губерніи группа верхневолжскихъ городовъ во главѣ съ Ярославлемъ ²⁾ составила ярославскую провинцію, округъ, настолько выдѣляющійся изъ губерніи, что при перечисленіи губерній онъ иногда упоминается наряду съ послѣдними, въ видѣ особой областной единицы. Въ дѣло-

¹⁾ Терминомъ „провинція“ называлась вообще группа городовъ. Докл. и приг. IV, № 1138: „посланы для смотру и свидѣтельства и переписки дворовъ... ландраты... и дано имъ для того дѣла не по одному городу, но по провинціямъ, города по 2, и по 3, и по 4, и по 5“.

²⁾ Сюда вошли: Ярославль, Угличъ, Тверь, Кашия, Бѣжецкій Верхъ, Торжокъ, Романовъ. Докл. и приг. I, №№ 3, 183, 108, 353; III, № 183.

выхъ отмѣткахъ говорилось, напримѣръ, такъ: указы посланы во все губерніи и въ Ярославскую провинцію ¹⁾). Но это и была единственная провинція въ петербургской губерніи; по крайней мѣрѣ группа городовъ, приписанныхъ къ олонцкой корабельной верфи, такого названія не носила. Въ архангелогородской губерніи организовались двѣ провинціи изъ городовъ, наиболѣе удаленныхъ отъ губернскаго города: галичская и устюжская ²⁾). Всего болѣе образовалось провинцій въ московской губерніи, цѣлыхъ восемь, а именно: владимірская ³⁾, ростовская, костромская ⁴⁾, рязанская ⁵⁾, каширская ⁶⁾, серпуховская ⁷⁾, калужская ⁸⁾, звенигородская ⁹⁾). Изъ этого перечня видно, что нѣкоторыя, намѣтившіяся во второмъ десятилѣтіи XVIII в. въ этой губерніи провинціи сохранились и при раздѣленіи 1719 г. и продолжаютъ существовать въ видѣ губерній и въ настоящее время. Въ азовской губерніи находимъ двѣ провинціи съ центрами въ Тамбовѣ и въ Воронежѣ ¹⁰⁾). Въ казанской обозначились двѣ группы городовъ

¹⁾ Докл. и приг. I, № 70; II, № 197.

²⁾ *Галичская*: Галичь, Чухлома, Соль-Галицкая, Нарфешевъ, Кологривъ, Унжа, Судай. М. арх. мн. юст. Дѣла сената кн. 81, л. 676. *Устюжская*: Устюгъ, Соль-Вычегодская, Тотма. Ibid.

³⁾ Владимиръ и Суздаль. Она также иногда называется суздальской. Что это была одна провинція, а не двѣ разныхъ, видно изъ того, что она управлялась однимъ оберъ-комендантомъ. Затѣмъ, если въ перечнѣ провинцій упомянута владимірская провинція, то суздальской не встрѣчаемъ и наоборотъ. Докл. и приг. III, №№ 122, 321; IV, №№ 1419, 470, 182.

⁴⁾ Докл. и приг. II, № 943: „важно ему костромской провинціи въ городахъ“ и т. д. Вѣроятно, подъ этими городами разумѣлись костромскіе пригороды: Буй, Судиславъ, Любимъ и Кадуи.

⁵⁾ Переяславль-Рязанскій, Коломна, Зарайскъ, Михайловъ, Пронскъ, Печерники, Гремячій. Докл. и приг. IV, № 159. Она же называется иногда коломненской. Докл. и приг. IV, № 1199. Но что Коломна и Рязань входили въ составъ одной и той же провинціи, видно изъ Докл. и приг. III, № 719: „ризанской провинціи въ г. Коломну“. Одного и того же оберъ-коменданта П. Я. Левашова мы видимъ въ Коломнѣ и въ Рязани. Докл. и приг. III, №№ 716, 776.

⁶⁾ Докл. и приг. IV, №№ 110; III, №№ 715, 1094.

⁷⁾ Серпуховъ, Алексинъ, Тула. Докл. и приг. III, №№ 1015, 1280.

⁸⁾ Калуга, Боровскъ и, вѣроятно, калужскіе пригороды, упомянуто выше. Докл. и приг. II, №№ 589, 620.

⁹⁾ Верей, Можайскъ, Звенигородъ, Волоколамскъ, Вязьма. Докл. и приг. IV, № 549.

¹⁰⁾ *Тамбовская*: Тамбовъ, Шацкъ, Рязскъ, Темниковъ, Верхній и Нижній Ломовы, Красная Слобода, Керенскъ, Козловъ, Касимовъ, Елатьма, Троицкій Острогъ, Наровчатъ. Докл. и приг. II, №№ 971, 985, 1036. *Воронежская*: Скопинъ, Романовъ, Чернь, Воронежъ, Лебедянь. Ibid.

на сѣверной и южной ея окраинахъ съ довольно самостоятельнымъ управленіемъ и мѣстными центрами въ Нижнемъ и Астрахани, которые потомъ составили отдѣльныя губерніи: нижегородскую и астраханскую. Тотъ же процессъ наблюдается въ смоленской губерніи, которая впоследствии и распалась на двѣ самостоятельныя губерніи: рижскую и смоленскую. Въ кievской губерніи въ періодъ времени, о которомъ идетъ рѣчь, не находимъ провинцій, вѣроятно, потому, что здѣсь сохранилось старинное дѣленіе на полки ¹⁾).

Итакъ одновременно съ появленіемъ комендантскаго управления возникаютъ въ различныхъ губерніяхъ особыя второстепенныя областныя единицы—провинціи. Это провинціальное дѣленіе не было еще такимъ всеобщимъ, какое было введено позже въ 1719 г.; тѣмъ не менѣе, оно было болѣе общимъ явленіемъ, чѣмъ группы приписныхъ городовъ XVII вѣка. Вся Россія еще не была размежевана на правильныя небольшія областныя единицы, подобныя болѣе позднимъ провинціямъ; но провинціи сложились уже тамъ, гдѣ въ нихъ чувствовалась особая потребность.

Теперь предстоитъ показать, что эти провинціи 1712—15 гг. представляли изъ себя подраздѣленіе общедминистративнаго характера. Мы уже видѣли выше, что въ каждомъ городѣ съ уѣздомъ появился съ 1711 г. комендантъ, сосредоточившій въ своихъ рукахъ управленіе всеми классами общества по финансовымъ и судебнымъ дѣламъ. Ему же принадлежала и военная власть надъ гарнизонами въ тѣхъ городахъ, гдѣ они были. Тамъ, гдѣ образовались провинціи, въ каждой изъ нихъ появляется особое должностное лицо, которому подчинены всѣ коменданты провинцій: это—оберъ-комендантъ. Оберъ-коменданты встрѣчаются также и въ главныхъ городахъ, бывшихъ губернскими, но не провинціальными центрами, какъ Москва, Казань, Кіевъ, гдѣ они были начальниками крѣпостей и гарнизоновъ, нося титулъ оберъ-комендантовъ въ виду важности мѣстъ, гдѣ они находились и вовсе не будучи областными правителями. Но оберъ-коменданты, стоявшіе во главѣ провинцій, имѣли именно этотъ послѣдній характеръ. Это были провинціальныя начальники, и каждая провинція имѣла непременно своего оберъ-коменданта ²⁾. Впрочемъ, эта высшая провинціальная долж-

¹⁾ Тѣ провинціи 1715—1718 гг., о которыхъ упоминаетъ г. Мрочекъ-Дроздовскій (Областное управленіе въ Россіи въ XVIII в., стр. 24), представляютъ изъ себя ландратскія доли, которыя въ кievской губерніи носили почему-то названіе провинцій.

²⁾ Докл. и приг. IV, № 610, 1037: „О посылахъ указовъ въ губернаторамъ, а

ность не была свободна отъ одной черты, которой отличалась администрація того времени, а именно: будучи для всей провинціи общимъ высшимъ органомъ, которому были подчинены уѣздные коменданты, оберъ-комендантъ въ то же время въ одномъ изъ городовъ провинціи исполнялъ иногда обязанности и мѣстнаго коменданта, совершенно такъ же, какъ и прежде воевода главнаго города былъ второю инстанціей для городовъ приписныхъ и только первую для главнаго. Только въ ярославской провинціи мы встрѣчаемъ въ Ярославлѣ кромѣ оберъ-коменданта еще и коменданта, но, судя по сохранившимся остаткамъ дѣлопроизводства, этотъ комендантъ имѣлъ скорѣе значеніе помощника или товарища оберъ-коменданта, чѣмъ самостоятельнаго администратора ярославскаго уѣзда.

Такимъ образомъ оберъ-комендантъ является высшею инстанціей для подчиненныхъ ему комендантовъ по всѣмъ отраслямъ ихъ управленія: финансовой, судебной и въ тѣхъ городахъ, гдѣ были гарнизоны, военной. Сношенія центральныхъ учреждений и губернской канцеляріи съ комендантами производятся черезъ оберъ-коменданта провинціи. Такъ указы изъ петербургской губернской канцеляріи направляются къ ярославскому оберъ-коменданту, который уже и передаетъ ихъ угличскому и кашинскому комендантамъ. Этотъ порядокъ однако еще не твердо налаженъ, и можно иногда встрѣтить случаи прямого сношенія комендантовъ съ высшими мѣстами. Въ финансовомъ отношеніи, какъ мы видѣли, комендантъ былъ агентомъ центрального правительства въ мѣстности. Но комендантъ въ этомъ качествѣ дѣйствовалъ не по своей инициативѣ; его приводитъ въ движеніе указъ, полученный отъ оберъ-коменданта, который является передаточнымъ звеномъ въ движеніи указа отъ высшихъ инстанцій. Произведи какой-либо предписанный ему сборъ, комендантъ былъ обязанъ выслать предметъ сбора вмѣстѣ съ отчетами въ провинціальный городъ, къ оберъ-коменданту, и послѣдній уже переправлялъ собранное въ губернский центръ ¹⁾.

Въ судебныхъ дѣлахъ оберъ-комендантъ также является слѣдующею вышею инстанціей по отношенію къ коменданту. Правда, въ извѣстномъ указѣ 21-го марта 1714 г., установившемъ порядокъ инстанцій, по которому должно восходить челобитье, чтобы дойти до

съ провинціи къ оберъ-комендантамъ и въ города къ комендантамъ, чтобы указъ учинить".

¹⁾ М. арх. мин. юст. Дѣла угличской пров. канц., № 57.

государя, оберъ-комендантъ не составляетъ высшей инстанціи и не различенъ отъ коменданта; однако на практикѣ это было именно такъ, и можно привести цѣлый рядъ случаевъ, когда комендантъ обращается къ оберъ-коменданту за рѣшеніемъ по такимъ судебнымъ дѣламъ, по которымъ не считаетъ себя компетентнымъ постановить приговоръ. которыхъ ему было „вершить немочно“, какъ тогда выражались. Вотъ примѣры: въ 1713 г. въ угличской приказной набѣ комендантъ разбиралъ дѣло о крестьянской дѣвкѣ, обвиняемой въ дѣтоубійствѣ. Комендантъ, произведя слѣдствіе, не рѣшился постановить приговоръ и обратился за этимъ послѣднимъ къ ярославскому оберъ-коменданту. Точно такъ же онъ обратился къ тому же оберъ-коменданту по дѣлу драгуна съ крѣпостныхъ дѣлъ надсмотрщикомъ (нотариусомъ) о ложномъ доносѣ. Какъ это перѣдко бывало въ то время съ трибуналами высшихъ инстанцій, въ обоихъ этихъ случаяхъ ярославскій оберъ-комендантъ не вывелъ угличскаго коменданта изъ затрудненія, приказавъ ему „указъ учинить самому по его, великаго государя, указамъ и по новоизданнымъ статьямъ“. Оберъ-комендантъ нашель, слѣдовательно, что рѣшеніе по этимъ дѣламъ могло быть постановлено на основаніи уже существующаго законодательства; однако онъ предписалъ коменданту о постановленномъ приговорѣ немедленно донести себѣ, и такимъ образомъ, дѣло восходило къ оберъ-коменданту, какъ ко второй инстанціи, въ ревизіонномъ порядкѣ ¹⁾.

Кромѣ оберъ-коменданта въ провинціи 1711—15 г. можно замѣтить другое высшее должностное лицо съ титуломъ оберъ-инспектора. Оберъ-комендантъ и оберъ-инспекторъ называются иногда „оберъ-командирами“ провинціи. Какъ и оберъ-коменданты, оберъ-инспекторы были учреждены „для лучшаго въ городахъ всякихъ сборовъ управленія“ ²⁾. Сколько можно судить по изданнымъ документамъ сената, эти обязанности провинціальныхъ оберъ-инспекторовъ не совсѣмъ были сходны съ возложенными на инспектора московской ратуши Курбатова или на рижскаго оберъ-инспектора Плью Исаева, которые были поставлены во главѣ купческаго управленія. На провинціальныхъ оберъ-инспекторовъ возлагались заботы о сборахъ также съ уѣзднаго населенія. Такъ, напримѣръ, оберъ-инспекторъ рязанской провинціи Поливановъ производить „досмотръ и сыскъ“ о пустыхъ дворахъ въ помѣстьѣ Ртищева ³⁾. Совмѣстно съ оберъ-комендантами оберъ-ин-

¹⁾ М. арх. мин. юст. Дѣла угличской пров. канц., №№ 63, 101 и passim.

²⁾ Докл. и приг. II. № 443.

³⁾ Ibid. III. № 59.

спекторы рязанской и владимірской провинцій получаютъ изъ московской губерніи предписаніе освидѣтельствовать пустоту въ посадахъ и въ уѣздахъ ¹⁾. Такой же оберъ-инспекторъ дѣйствуетъ кромѣ названныхъ выше провинцій еще въ калужской ²⁾. Въ 1712 г. азовская губернія жаловалась сенату, что въ нее такіе управители не назначены ³⁾. Но изъ этого самаго ходатайства азовской губерніи о введеніи въ ней оберъ-инспекторовъ можно заключать, что по крайней мѣрѣ предполагалось ввести эту должность во всѣхъ провинціяхъ ⁴⁾.

Итакъ провинція 1711—15 г. представляла изъ себя административный округъ, снабженный особою провинціальною администраціей въ лицѣ „оберъ-командировъ“, т. е. оберъ-коменданта и оберъ-инспектора. Изъ нихъ положеніе перваго обрисовывается современными актами яснѣе. Исполняя комендантскія обязанности въ провинціальному городѣ съ уѣздомъ, онъ по отношенію къ комендантамъ другихъ городовъ съ уѣздами представляетъ изъ себя высшую инстанцію по всѣмъ дѣламъ ихъ управленія ⁵⁾. Со введеніемъ должности оберъ-комендантовъ до нѣкоторой, незначительной впрочемъ степени усиливалась децентрализація управленія. Нѣкоторая часть дѣлъ, главнымъ образомъ судебныхъ, могла теперь разрѣшаться ближе къ мѣсту

¹⁾ Ibid. IV, № 1199.

²⁾ Ibid. II, № 954.

³⁾ Ibid. II, № 443.

⁴⁾ Ср. Докл. и приг. II, № 632.

⁵⁾ Однако назначеніе и увольненіе комендантовъ не входило въ компетенцію оберъ-коменданта. Первое предоставлено было губернатору съ тѣмъ, чтобы онъ выбиралъ на эту должность „годовыхъ и умныхъ людей“, удовлетворяющихъ притомъ извѣстному возрастному цензу; а именно въ коменданты не могли назначаться люди моложе 40 лѣтъ. П. С. З. №№ 2484, 2754. Докл. и приг. III, № 180. О каждомъ такомъ сдѣланномъ имъ назначеніи губернаторъ долженъ былъ уведомлять сенатъ. Такой порядокъ не всегда впрочемъ примѣнялся. Иногда коменданты назначались именнымъ высочайшимъ указомъ. Докл. и приг. IV, № 57 (въ Саратовѣ), иногда сенатомъ: Докл. и приг. III, № 180, 396; V, № 60. Въ послѣднихъ трехъ случаяхъ самое опредѣленіе назначенныхъ сенатомъ кандидатовъ на мѣста предоставляется губернатору. Въ 1714 г. сенатъ назначилъ Бахметева комендантомъ въ Саратовѣ, но казанскій губернаторъ назначилъ его оберъ-комендантомъ въ Уфу, обратившись впрочемъ къ сенату за утвержденіемъ. М. арх. мин. юст. Дѣла сената кн. 104, л. 101. Слѣдуетъ коменданта своею властью не могъ даже и губернаторъ. Въ случаѣ жалобы на коменданта или усмотрѣвъ за нимъ какія-нибудь упущенія по должности, губернаторъ обязанъ былъ предать коменданта суду особаго присутствія, которое подъ предсѣдательствомъ губернатора состояло изъ вице-губернатора, ландрихтера и оберъ-комендантовъ губерніи. Приговоръ этого присутствія долженъ былъ сообщаться въ подлинникѣ сенату.

ихъ возникновенія, не доходя даже до губернскаго центра. Затѣмъ, благодаря этой должности, развилась болѣе послѣдовательная іерархія администраціи, обезпечивавшая большую быстроту и силу въ дѣйствіи правительственнаго механизма. Надъ группами отдаленныхъ отъ губернатора уѣздныхъ комендантовъ были поставлены въ лицѣ оберъ-комендантовъ особы, если не руководители, то ускорители ихъ движенія и наблюдатели за нимъ. Между большимъ губернскимъ колесомъ, какимъ былъ губернаторъ, и десятками мелкихъ, приводимыхъ первымъ въ движеніе, оберъ-коменданты были средними колесами, назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы возбуждать и ускорять движеніе этихъ мелкихъ. вмѣсто сотни отдѣльныхъ воеводствъ, связанныхъ непосредственно съ столицей, губернская реформа Петра создала восемь отдѣльныхъ центровъ, съ которыми были связаны отдѣльныя ячейки. Этотъ процессъ разчлененія пошелъ дальше, и въ огромныхъ рѣіонахъ, какими были петровскія губерніи, эти уѣздныя ячейки стали складываться въ особыя группы—оберъ-комендантскія провинціи. И если комендантской системѣ было далеко еще до совершенства въ отношеніи іерархической стройности, то въ ней по крайней мѣрѣ выразилось напряженное *стремленіе* къ этому совершенству.

III.

Ландраты.

Института ландратовъ касались всѣ изслѣдователи, занимавшіеся какъ исторіей русскаго областного управленія, такъ и исторіей реформы учреждений при Петрѣ Великомъ. Первый очеркъ этого учрежденія былъ сдѣланъ Кавелинымъ въ 1844 г.; затѣмъ о немъ говорили Неволинъ, Дмитріевъ, Андреевскій, Градовскій и гг. Романовичъ-Славатинскій, Мрочекъ-Дроздовскій и Милюковъ ¹⁾. И тѣмъ не менѣе въ вопросѣ о ландратахъ остается до сихъ поръ много невыясненнаго. Можно указать два главные недостатка, благодаря которымъ

¹⁾ *Кавелинъ*, Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства, сочиненія, пед. 1859 г. I, 229. *Неволинъ*, Сочиненія VI, 243. *Дмитріевъ*, Исторія судебныхъ инстанцій, 443. *Андреевскій*, О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ, 111. *Градовскій*, Высшая администрація и генераль-прокуроры, 76; Начала русскаго государственнаго права III, часть 1, стр. 88. *Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство въ Россіи, 403. *Мрочекъ-Дроздовскій*, Областное управленіе Россіи въ XVIII в., 55—56. *Милюковъ*, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в., 511—512.

приведенной литературѣ не удалось рѣшить вопроса во всей его полнотѣ. Во-первыхъ, всё безъ исключенія названные авторы касаются ландратуры только мимоходомъ и поэтому говорятъ о ней вскользь, не считая нужнымъ входить въ подробности; во-вторыхъ, источникомъ для значительнаго большинства авторовъ (кромѣ гг. Мрочекъ-Дроздовскаго и Милюкова) служилъ лишь напечатанный матеріалъ, заключающійся въ Полномъ Собраніи Законовъ, по количеству очень ограниченный, а по качеству очень односторонній. Все это главнымъ образомъ памятники законодательства, а не документы практическаго дѣлопроизводства, поэтому они и знакомятъ насъ болѣе съ тѣми идеями, которыя возникали въ головѣ законодателя, чѣмъ съ конкретными фактами, которые происходили въ дѣйствительности. Большинство изслѣдователей изъ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ было лишь Полное Собраніе Законовъ, и ограничиваются только послѣдовательнымъ изложеніемъ находящихся въ немъ законодательныхъ актовъ, какъ бы не предполагая возможною какую-либо разницу между мыслью законодателя и ея практическимъ осуществленіемъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, очерки ландратуры, какіе находятся въ сочиненіяхъ Кавелина, Неволіна, Дмитріева и Андреевскаго—не болѣе, какъ простой пересказъ актовъ, находящихся въ Полномъ Собраніи Законовъ. Двое другихъ писателей, не имѣвшихъ подъ рукой архивныхъ документовъ, Романовичъ-Славатинскій и въ особенности Градовскій, обладавшій какою-то удивительною способностью почуять истину при всей неясности найденныхъ ея слѣдовъ, отнеслись къ дѣлу съ большою осторожностью, вѣрно оцѣнивая достоинство находившагося въ ихъ распоряженіи матеріала, и поэтому снабдили свое изложеніе оговорками и указаніями на спорность данныхъ и невозможность сказать ничего положительнаго по нѣкоторымъ возникавшимъ при изслѣдованіи ландратуры вопросамъ, какъ, на примѣръ, о способѣ назначенія ландратовъ (Градовскій) и о дѣятельности ландратовъ на практикѣ (Романовичъ-Славатинскій) ¹⁾.

Такія положительныя свѣдѣнія до насъ не доходили только бли-

¹⁾ Градовскій, Высшая админ., 76: „ничего нельзя сказать положительнаго о способѣ назначенія ландратовъ“. Начала русск. госуд. права III, 1, 88: „вопросъ о выборахъ въ ландраты представляется спорнымъ“. Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, 403: „до насъ не дошло свѣдѣній о дѣятельности ландратскихъ коллегій, и мы не можемъ судить, насколько онѣ привились къ жизни. По аналогіи мы можемъ думать, что ихъ постигла такая же судьба, какъ и многія другія заморскія учрежденія Петра Великаго“.

годаря тому, что оставались нетронутыми документы, хранящіеся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. За ихъ разработку, къ небольшой, впрочемъ, выгодѣ для занимающаго насъ вопроса, взялся въ 70-хъ годахъ проф. Мрочекъ-Дроздовскій. Свѣжій матеріалъ, который попалъ въ руки этого изслѣдователя, показывалъ ему совершенно иное положеніе дѣла, чѣмъ какимъ оно рисовалось по законодательнымъ памятникамъ Полнаго Собранія, но какаѣ-то робость въ выводахъ и преклоненіе передъ предыдущими авторитетами мѣшали ему отрѣшиться вполне отъ прежнихъ взглядовъ и разомъ покончить съ ними. Онъ предпочелъ держаться середины и старался сочетать прежніе взгляды съ новыми полученными имъ заключеніями. Такъ, до г. Мрочекъ-Дроздовскаго существовало мнѣніе, что должность ландрата была выборною, какъ можно было думать по законодательнымъ памятникамъ. Документы практическаго характера показывали автору, что ландраты всегда назначались правительствомъ; но онъ не рѣшался все-таки выступить противъ такихъ авторитетовъ, какъ Неволинъ и Дмитріевъ—и вотъ является у него мнѣніе, что „порядокъ назначенія и смѣны ландратовъ соединялъ въ себѣ, какъ начала общественныя, такъ и начала правительственныя. Выборы не всегда были необходимымъ условіемъ для назначенія въ ландраты: иногда сенатъ самъ безъ выборовъ назначалъ то или другое лицо ландратомъ“¹⁾. Вторымъ недостаткомъ, свойственнымъ методѣ этого изслѣдователя, была излишняя догматичность изложенія. Онъ рассказываетъ о ландратурѣ такимъ тономъ, какъ будто это учрежденіе просуществовало неизмѣнно по крайней мѣрѣ нѣсколько десятковъ, если не сотенъ лѣтъ, и было строго опредѣлено законодательствомъ или приобрѣло постоянство своихъ формъ благодаря долговременному обычаю. Авторъ совершенно упустилъ изъ вида, что это учрежденіе просуществовало всего едва-едва пять лѣтъ, никогда не было сколько-нибудь точно регламентировано и даже за этотъ короткій промежутокъ своего существованія совершенно измѣнило то значеніе, которое было ему придано законодателемъ при его установленіи. Такъ, напримѣръ, характеризуя дѣятельность ландратовъ, г. Мрочекъ-Дроздовскій повѣствуетъ, „что ландратъ былъ обязанъ время отъ времени переписывать дворы своей доли... эти періодическія переписи, предшественницы позднѣйшихъ болѣе правильныхъ ревизій народона-

¹⁾ Мрочекъ-Дроздовскій, Областное управленіе, 61—62.

селенія, были однимъ изъ главныхъ занятій ландратовъ“¹⁾). Между тѣмъ хорошо извѣстно по архивнымъ памятникамъ, что ландраты едва-едва успѣли за все мимолетное время своего существованія сдѣлать одну перепись—ту самую, которая была имъ поручена при реформѣ ландратуры въ 1715 г. Извѣстно, что древне-русскія переписи были дѣломъ весьма сложнымъ и труднымъ, тянувшимся иногда по нѣскольку лѣтъ; возможно ли при такихъ условіяхъ говорить объ ихъ многократности и даже періодичности за какія-нибудь пять лѣтъ?

При такомъ положеніи вопроса въ литературѣ не будетъ лишнимъ вновь пересмотрѣть сохранившійся матеріалъ и попытаться разъяснить существующія недоразумѣнія. Двѣ стороны вопроса должны при этомъ привлечь къ себѣ особенное вниманіе изслѣдователя. Во-первыхъ, необходимо рѣшить окончательно, были ли ландраты выборною должностію; во-вторыхъ, слѣдуетъ подробнѣе характеризовать два различные момента въ дѣятельности этого учрежденія, только намѣченные нѣкоторыми изъ прежнихъ изслѣдователей.

1.

Назначеніе ландратовъ.

Можно считать вполне принятой мысль, высказанную Кавелинымъ, что самая идея учрежденія ландратовъ появилась у преобразователя благодаря знакомству его съ администраціей остзейскаго края. Въ 1710 г. были завоеваны Лифляндія и Эстляндія, и тогда же были заключены такъ называемые аккордные пункты съ этими провинціями, при чемъ послѣдняя просила о возвращеніи 12 ландратамъ ихъ прежней почести, достоинства и чиновъ. Еще болѣе могло привлечь вниманіе правительства къ этому учрежденію ходатайство Лифляндіи, получившее удовлетвореніе въ 1712 г. въ видѣ „Дополненія къ аккорднымъ пунктамъ 4-го іюля 1710 г.“ Въ это время Лифляндія домогалась пожалованія лифляндскимъ ландратамъ чиновъ, выдачи имъ жалованья, допущенія ихъ ко всѣмъ дѣламъ управленія и учрежденія верховнаго провинціального судебнаго трибунала, членами котораго были бы ландраты. Кое-что изъ этихъ требованій русскимъ правительствомъ было удовлетворено, кое-что даровано съ ограниченіями, иное отложено на неопредѣленное будущее — такъ или иначе

¹⁾ Ibid., стр. 57.

въ 1712 г. русскому правительству пришлось заниматься институтомъ остзейскихъ ландратовъ. И вотъ — не далѣе, какъ въ слѣдующемъ 1713 г. является первый указъ о введеніи ландратовъ въ Россіи. Происхожденіе идеи института изъ остзейскихъ провинцій такимъ образомъ ясно до очевидности ¹⁾).

Припомнимъ теперь прежде всего ходъ законодательства о ландратахъ. „Объявить господамъ сенаторамъ“, читаемъ мы въ одной изъ записокъ, уцѣлѣвшихъ въ дѣлахъ кабинета Петра, къ сожалѣнію не помѣченной никакою датой, „чтобъ учинили ландратовъ во всякой губерніи изъ тамошнихъ жителей дворянъ самыхъ добрыхъ и честныхъ людей челоуѣка по четыре или больше, смотря по препорціи губерній и чтобъ безъ ихъ совѣту губернаторы ничего не дѣлали“ ²⁾. Это, очевидно, зародышъ мысли о ландратахъ. 24-го апрѣля 1713 г. эта мысль облачается въ законодательную форму: повелѣвалось „учинить ландратовъ“ (такъ переименованъ былъ этотъ терминъ). Число ихъ въ каждой губерніи поставлено было въ зависимость отъ ея величины, но вообще оно болѣе значительно, чѣмъ въ первоначальной запискѣ: для большихъ губерній было установлено — 12, для среднихъ—10 и для малыхъ—8 ландратовъ. Губернаторамъ предписывалось прислать въ сенатъ списки кандидатовъ въ ландраты въ двойномъ числѣ сравнительно съ числомъ послѣднихъ, положеннымъ на губернію. Въ этомъ указѣ 24-го апрѣля 1713 г. нѣтъ ни слова о томъ, чтобы ландраты должны были избираться мѣстнымъ обществомъ; избраніе кандидатовъ было, какъ видимъ, поручено губернатору, назначеніе изъ нихъ ландратовъ было предоставлено сенату ³⁾.

Исполненіе по этому указу шло съ обычной медленностью, съ какой исполнялись и другіе указы Петра. Къ 14-му сентябрю того же 1713 года, т.-е. почти черезъ полгода, были присланы въ сенатъ требуемые списки кандидатовъ, но только изъ четырехъ губерній: московской, кіевской, смоленской и архангелогородской. Притомъ вполне удовлетворила требованіямъ только одна московская: изъ нея былъ присланъ списокъ дѣйствительно съ двойнымъ числомъ кандидатовъ. Три другихъ прислали списки, но не съ двойнымъ числомъ: кіевская—8, смоленская—12 и архангелогородская—13 именъ. Неизвѣстно, какъ шло дѣло въ петербургской губерніи, о назначеніи

¹⁾ П. С. З. № 2299, 2496.

²⁾ Госуд. архивъ, каб. д. I, 33, л. 469.

³⁾ П. С. З. № 2673.

ландратовъ въ которой пока не найдено извѣстій въ бумагахъ сената. Остальныя три губерніи: сибирская, казанская и азовская вовсе не прислали никакихъ списковъ къ сентябрю 1713 г. Сибирская не знала, какую считать себя,—большою, среднею или малою и какому быть въ ней комплекту ландратовъ, о чемъ и спрашивала сенатъ. Изъ казанской и азовской отвѣтили, что тамъ не могутъ приступить къ назначенію кандидатовъ вслѣдствіе отсутствія губернаторовъ. 25-го сентября 1713 г. состоялся приговоръ сената. Сенатъ вычеркнулъ нѣкоторыя имена изъ списка московской губерніи, предписавъ замѣнить ихъ другими; кievской губерніи указалъ дополнить свой списокъ до двойнаго числа, а тремъ неприславшимъ спискамъ губерніямъ велѣлъ избрать кандидатовъ немедленно же безъ всякаго отлагательства и проволочекъ ¹⁾. Ни въ этомъ дѣлѣ о присылкѣ кандидатскихъ списковъ изъ губерній, разсматривавшемся сенатомъ въ сентябрѣ 1713 г., ни въ самомъ сенатскомъ приговорѣ нѣтъ никакого намека на то, чтобы выборъ ландратовъ былъ предоставленъ мѣстному дворянскому обществу. Изъ этого дѣла видно, напротивъ, что выборъ этотъ порученъ былъ губернаторамъ и за отсутствіемъ послѣднихъ въ двухъ губерніяхъ не могъ состояться. Видно также ясно, какъ затягивалось назначеніе ландратовъ. Если принять во вниманіе, что приведенный выше сенатскій приговоръ 25-го сентября 1713 г. не скоро могъ быть сообщенъ губерніямъ (разсылка указовъ по нему состоялась только 5-го октября), и что губерніи въ свою очередь не скоро могли его исполнить, то можно заключать, что до конца 1713 г. это назначеніе не могло состояться. Дѣйствительно, списокъ кандидатовъ московской губерніи не былъ еще выработанъ въ концѣ ноября 1713 г. ²⁾.

Дѣло о назначеніи ландратовъ такимъ образомъ еще тянулось, какъ вдругъ резолюціями 20-го января 1714 г. способъ этого назначенія измѣняется. Въ этихъ резолюціяхъ, „пунктахъ“ содержатся нѣсколько распоряженій преобразователя по самымъ разнообразнымъ предметамъ, можетъ быть данныхъ въ отвѣтъ на предыдущіе запросы сената: здѣсь находится запрещеніе жениться дворянскимъ дѣтямъ, не обучившимся цыфри и геометріи, далѣе распоряженіе о томъ, чтобы не дѣлать болѣе мѣдныхъ денегъ, и о томъ, куда употребить предназначенный для ихъ выдѣлки запасъ смолы и, наконецъ, со-

¹⁾ Докл. и приг. III, № 769, 1713 г. 25-го сентября.

²⁾ Докл. и приг. III, № 1093.

вершено безъ всякой связи съ предыдущимъ коротенькая фраза: „ландраторовъ выбирать въ каждомъ городѣ или провинціи всѣми дворяны за ихъ руками“ ¹⁾. Это распоряженіе дѣйствительно предписывало выборы ландратовъ мѣстными дворянскими обществами и шло совершенно въ разрѣзъ съ порядкомъ, принятымъ на практикѣ при исполненіи указа 24-го апрѣля 1713 г. Само собою разумѣется, что это новое распоряженіе вызывало большія неудобства. Во-первыхъ, оно было очень неясно, такъ какъ очень противорѣчиво опредѣляло тѣ округа, по которымъ должны были теперь избираться ландраты; предписывая ихъ выбирать „въ каждомъ городѣ или провинціи“. Провинціями назывались тогда группы городовъ съ уѣздами, приписанныхъ къ одному главному для административныхъ цѣлей, и слѣдовательно, если надо было избирать ландратовъ по провинціямъ, то нельзя было говорить въ то же самое время объ избраніи ихъ въ каждомъ городѣ, т.-е. по уѣздамъ. Во-вторыхъ, губерніи были поставлены въ недоумѣніе относительно тѣхъ кандидатовъ, имена которыхъ были уже представлены въ сенатъ, и московскій губернаторъ тотчасъ же послѣ распоряженія 20-го января обратился въ сенатъ съ запросомъ: „ландратамъ тѣмъ ли быть, которыхъ имена поданы въ канцелярію правительствующаго сената, или выбирать по провинціямъ“ ²⁾. Итакъ, въ первыхъ шагахъ законодательства объ учрежденіи ландратовъ надо отмѣтить два акта: указъ 24-го апрѣля 1713 г., не говорившій ни слова о выборахъ въ ландраты мѣстными дворянскими обществами, предоставлялъ этотъ выборъ сенату изъ двойнаго числа кандидатовъ, намѣченныхъ губернаторами; изданный черезъ 9 мѣсяцевъ указъ 20-го января 1714 г. устанавливалъ выборы въ ландраты дворянствомъ. Дмитріевъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что ландраты, какъ выборная должность, были установлены только послѣднимъ указомъ 20-го января 1714 г. Только съ этого момента ландратура по закону становится выборной.

Но закона было еще мало для того, чтобы ландраты стали избираться и въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, *на практикѣ законъ 20-го января 1714 г. о выборахъ въ ландраты никогда не применялся, такъ что ландраты никогда не были выборною должностью.* Это положеніе доказывается сохранившимися документами самымъ строжайшимъ образомъ. Въ назначеніи ландратовъ надобно различать

¹⁾ Докл. и приг. IV, № 66. II. С. З. № 2762.

²⁾ Докл. и приг. IV, № 114.

два момента: во-первыхъ, общее назначеніе ихъ при введеніи этой должности въ началѣ 1714 г. и затѣмъ послѣдующія частныя назначенія въ отдѣльныхъ случаяхъ взамѣнъ прежнихъ ландратовъ, выбывавшихъ по тѣмъ или инымъ причинамъ. Посмотримъ теперь, какъ производились на практикѣ первое и вторыя.

При общемъ введеніи института ландратовъ были назначены сенатомъ ландраты изъ тѣхъ кандидатовъ, которые были представлены губерніями по указу 24-го апрѣля 1713 г. Указъ же Петра о ландратскихъ выборахъ дворянствомъ былъ оставленъ сенатомъ безъ исполненія. Весь этотъ разнообразный по содержанію указъ 20-го января 1714 г. сохранился въ дѣлахъ сената подъ заглавіемъ: „копія съ пунктовъ царскаго величества“, при чемъ за пунктами слѣдуютъ отмѣтки о томъ, „что противъ сихъ пунктовъ учинено“. И какъ разъ противъ пункта о ландратскихъ выборахъ находится отмѣтка, краснорѣчиво гласящая: *„указовъ о томъ не послано, а выбраны по разсмотрѣнію сенатскому по присланнымъ изъ губерній росписимъ... И о томъ въ губерніи при указѣ имени ихъ посланы и велико тѣмъ ландраторамъ съ губернаторами сидѣть“*¹⁾. Это ясное свидѣтельство не оставляетъ болѣе никакихъ сомнѣній въ томъ, что распоряженіе 20-го января 1714 г. осталось мертвой буквой при общемъ назначеніи ландратовъ.

Такъ медленно тянувшееся назначеніе это состоялось, наконецъ, въ февралѣ 1714 года. Двумя приговорами сената 10-го и 23-го февраля были назначены ландраты по губерніямъ: московской, кievской, Смоленской, архангелогородской, казанской, азовской и сибирской. Сравнивая назначенныхъ ландратовъ съ представленными въ сентябрѣ 1713 г. кандидатскими списками изъ губерній, нельзя не замѣтить, что большинство ландратовъ было назначено именно изъ этихъ кандидатовъ. Такъ какъ сенатъ по разнымъ соображеніямъ вычеркивалъ нѣкоторыхъ лицъ изъ кандидатскихъ списковъ, то очевидно, что губерніи должны были въ періодъ времени съ сентября 1713 г. по февраль 1714 г. представить дополнительные списки, изъ которыхъ

¹⁾ Докл. и приг. IV, № 66. Къ какому времени относится эта отмѣтка? Назначеніе ландратовъ, о которомъ въ ней говорится, состоялось 10-го--23-го февраля 1714 г. Но отмѣтка сдѣлана во всякомъ случаѣ послѣ 6-го марта: въ ней упоминаются отдѣльные ландраты для казанской и для нижегородской губерній. Последняя была выдѣлена изъ Казанской 26-го января 1714 г. (Докл. и приг. IV, № 87), а часть ландратовъ изъ списка казанской губерній была выдѣлена для нижегородской 6-го марта, Докл. и приг. IV, № 215.

и были назначены въ ландраты лица, не значащіяся въ сентябрьскихъ спискахъ 1713 г. ¹⁾). Притомъ и числа ландратовъ по губерніямъ оказывались не совсѣмъ такими, какія были установлены указомъ 24-го апрѣля 1713 г., предполагавшимъ для большихъ губерній 12, для среднихъ 10 и для малыхъ 8 ландратовъ. Назначено было въ дѣйствительности въ московскую губернію 13, въ казанскую 14, въ кievскую, смоленскую, азовскую и сибирскую по 8 и въ архангелогородскую 10. Что въ двухъ губерніяхъ число назначенныхъ ландратовъ превышало установленный закономъ комплектъ — это также служить вѣрнымъ признакомъ назначенія ландратовъ сверху, а не выбора снизу самимъ обществомъ. Тогда всякія выборныя должности разсматривались, какъ тяжелая повинность, и всякіе выборы имѣли шансы скорѣе оканчиваться недоборомъ, а ужь никакъ не переборомъ излишнихъ кандидатовъ. Наконецъ, среди распоряженій, которыя находятся въ приговорѣ сената 23-го февраля 1714 г. о назначеніи ландратовъ, есть распоряженіе о приводѣ ихъ къ присягѣ и о присылкѣ присяжныхъ листовъ въ канцелярію сената, но нѣтъ ни слова о высылкѣ въ сенатъ „выборовъ за руками“, т. е. протоколовъ объ избраніи. А между тѣмъ присылка такихъ протоколовъ въ центральныя учрежденія была обязательной въ случаѣ какихъ бы то ни было общественныхъ выборовъ — лишній знакъ, что ландраты не были избраны мѣстнымъ обществомъ ²⁾). Итакъ, во-первыхъ, приведенная выше канцелярская от-

¹⁾ Докл. и приг. III, №№ 769, 1093. IV, №№ 140, 184. Такъ, въ московскую губернію были назначены ландраты: М. П. Измайловъ, С. И. Лихаревъ и Г. П. Зиновьевъ, по значащіяся въ сентябрьскомъ спискѣ. Докл. и приг. III, № 769.

²⁾ Разница въ цифрахъ ландратовъ по губерніямъ въ приговорахъ 10-го—23-го февраля (Докл. и приг. IV, №№ 140, 184 и приписки *ibid.* IV, № 66) объясняется перемѣнами, происшедшими въ этихъ цифрахъ за время, протекшее между 23 февраля и моментомъ, когда была сдѣлана приписка. Такъ, для Казанской губерніи приговоръ 23-го февраля даетъ 14 ландратовъ, а приписка — 8: это потому, что 6-го марта изъ 14 казанскихъ ландратовъ 8 назначены въ нижегородскую, которую приговоръ не имѣлъ еще въ виду. Изъ прежняго состава для казанской губерніи оставлено 5 ландратовъ, но число ихъ дополнено тремя новыми назначеніями до 8, какъ и показано въ припискѣ. Въ нижегородской губерніи приговоръ 6-го марта перечисляетъ 8 ландратовъ, а приписка показываетъ ихъ тамъ — 9. Дѣйствительно, девятый ландратъ былъ назначенъ въ нижегородскую губернію 17-го іюня 1714 г. Докл. и приг. IV, № 657. Это показываетъ, что приписка сдѣлана послѣ 17-го іюня 1714 г. Есть разница въ цифрахъ для сибирской губерніи: приговоръ 23-го февраля говоритъ о 8 ландратахъ, приписка считаетъ ихъ — 10. Нѣкоторое недоумѣніе возбуждаютъ заключительныя слова приговора 23-го февраля „и писаться имъ товарищами, а не ланддраторами“, тогда какъ въ началѣ приговора читаемъ: „онихъ чиновъ людемъ“

мѣтка о томъ, что указъ 20-го января 1714 г. оставленъ былъ сенатомъ безъ измѣненія, а затѣмъ и самая практика дѣла: совпаденіе именъ назначенныхъ ландратовъ съ именами представленныхъ кандидатовъ, назначеніе ихъ въ числѣ, превышавшемъ установленную указомъ норму, отсутствіе присылки „выборовъ за руками“—все эти обстоятельства ведутъ къ тому заключенію, что при общемъ заполненіи ландратскихъ должностей въ 1714 г.—выборы ихъ не имѣли мѣста на практикѣ, что первоначальный составъ ландратовъ, такъ сказать ландратовъ перваго призыва, не былъ избирательнымъ.

За все время существованія института этотъ составъ не былъ однако постояннымъ и не оставался безъ перемѣнъ. Какъ ни коротокъ былъ періодъ этого существованія, въ личномъ составѣ ландратовъ, назначенныхъ въ 1714 г., происходили измѣненія. Выбывшіе изъ ландратовъ по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ, хотя такихъ случаевъ и не могло быть особенно много, именно благодаря краткости срока, замѣнялись другими. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ первоначально установленное число ландратовъ было увеличено, благодаря чему состоялся цѣлый рядъ замѣненій вновь открывшихся ландратскихъ вакансій. Переберемъ теперь эти частныя ландратскія назначенія послѣ февраля 1714 г. и посмотримъ, не было ли когда-нибудь выборовъ въ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ. Быть можетъ, повелѣніе 20-го января 1714 г., которое было сочтено неудобнымъ примѣнять при общемъ назначеніи ландратовъ, стало исполняться впоследствии въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ?

Изъ первоначальнаго состава ландраты выбывали и составъ ихъ обновлялся по различнымъ причинамъ. Нѣсколько изъ назначенныхъ въ 1714 г. ландратовъ умерли. Въ казанской губерніи въ томъ же самомъ 1714 г. умеръ ландратъ Ѡ. Есиповъ; въ слѣдующемъ 1715 г. умеръ ландратъ нижегородской губерніи Ив. Молоствовъ; въ 1716 г. умерло двое ландратовъ въ архангелогородской губерніи; въ 1717 г. одинъ въ петербургской ¹⁾. Нѣсколько принуждено было выйти въ отставку по болѣзни, между прочими одинъ изъ ландратовъ москов-

быть въ ландраторахъ по прошенію его в. государя указу съ губернаторами въ товарищахъ“. Во всякомъ случаѣ перечисленные въ Докл. и приг. IV, № 184 ландраты все время на практикѣ носили названіе ландратовъ, а не товарищей.

¹⁾ Моск. арх. мин. вост. дѣла сената, кн. 106. л. 36; кн. 81, л. 946; кн. 78, л. 731 и сл.; кн. 191, л. 261—265; кн. 131, л. 686.

ской губерніи потому, что оказался „въ изступленіи ума“ ¹⁾. Иныхъ увольняли отъ ландратской должности потому, что они получали другія назначенія, бывали „отлучены къ другимъ дѣламъ“ ²⁾. Наконецъ, составъ ландратовъ обновлялся не только потому, что изъ него выбывали отдѣльныя лица, но также и потому, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ увеличивались штаты ландратуры. Такъ, въ 1715 г. число ландратовъ петербургской губерніи было увеличено однимъ, которому притомъ предписывалось „быть особливо въ ландратахъ въ с.-петербургской губернской канцеляріи“. Въ 1714 г. вскорѣ послѣ учрежденія нижегородской губерніи скончался только что назначенный въ нее губернаторъ А. П. Измаиловъ. Тогда къ прежнимъ ландратамъ былъ присоединенъ еще одинъ, кн. Ст. И. Путятинъ, который и былъ сдѣланъ предсѣдателемъ ландратскаго совѣта. Реформа ландратуры въ 1715 г., о которой будетъ рѣчь ниже, создавшая отдѣльныя ландратскія доли, вызвала въ нѣкоторыхъ губерніяхъ необходимость увеличить число ландратовъ, такъ какъ это послѣднее превышалось тамъ числомъ вновь организованныхъ долей, и состоявшихъ по штату 1714 г. ландратовъ не хватало на всѣ доли. Такъ, въ нижегородскую губернію было первоначально назначено 8 ландратовъ; девятый, назначенный лѣтомъ 1714 г., исполнялъ обязанности губернатора. Между тѣмъ въ 1715 г. губернія была раздѣлена на 12 долей, такъ что пришлось добавить четырехъ ландратовъ. Въ московскую губернію, гдѣ первоначальный комплектъ ландратовъ былъ 13, пришлось ихъ прибавить еще 31, такъ какъ эта огромная и густо населенная губернія раздѣлилась на 44 доли ³⁾.

Какимъ же образомъ совершались назначенія ландратовъ во всѣхъ этихъ случаяхъ? Можно положительно сказать, что ни въ одномъ изъ нихъ не было никакихъ дворянскихъ выборовъ, и всѣ ландраты, занявшіе эту должность послѣ февраля 1714 г., были назначаемы правительственною властью, а не избраны мѣстнымъ обществомъ. Въ одномъ случаѣ это назначеніе состоялось по именному высочайшему указу, объявленному сенату доношеніемъ одного изъ его членовъ, кн. Долгорукаго, это именно назначеніе ландрата Каблукова въ пе-

¹⁾ Докл. п приг. IV, № 303. Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 106, л. 36; кн. 81, л. 720.

²⁾ Докл. п приг. IV, № 1190. Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 81, л. 942; кн. 111, л. 94.

³⁾ Докл. п приг. V, № 361; IV, № 657. Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 131, л. 686; кн. 122, л. 184; кн. 122, л. 212; кн. 126, л. 289.

тербургскую губернію въ 1715 г. ¹⁾). Въ большинствѣ случаевъ ландраты назначались приговорами сената ²⁾; такой порядокъ и слѣдуетъ считать нормальнымъ. Но нерѣдко встрѣчаются случаи назначенія въ ландраты самимъ же губернаторомъ, представлявшимъ затѣмъ такое назначенное имъ лицо на утвержденіе сената, которое всегда и давалось. Такъ бывало обыкновенно въ случаѣ освобожденія ландратскаго мѣста вслѣдствіе болѣзни или смерти ландрата, и такой порядокъ мотивировался неудобствомъ прерывать теченіе дѣлъ долговременной перепиской съ сенатомъ о назначеніи новаго ландрата. Такъ, въ 1714 г. казанскій губернаторъ доносилъ сенату, что „изъ опредѣленныхъ ландратовъ изъ указаго числа изъ восьми человекъ столыпики: Леонтіи Хрущовъ за старостью и за ножною болѣзнию лежитъ боленъ въ Свіяжскѣ и въ канцелярію ходитъ ему немочно; Федоръ Есиповъ въ томъ 714 г. умре“. На ихъ мѣста онъ и назначилъ самъ двухъ ландратовъ впредь до сенатскаго указа ³⁾). Точно такъ же архангелогородскій вице-губернаторъ доносилъ сенату въ 1717 г., что ландратъ А. О. Уваровъ „за болѣзнию по осмотру лѣкарскому учиненъ свободенъ“, а до указа на его, Уварова, мѣсто опредѣленъ изъ подполковниковъ П. Ф. Лыковъ. Лыковъ вскорѣ послѣ назначенія, такъ и не дождавшись утвержденія сената, умеръ. „И на его, умершаго ландрата Лыкова, мѣсто“, продолжаетъ вице-губернаторъ, „опредѣлилъ я, низайшій, съ товарищи до присланнаго изъ канцеляріи правительствующаго сената указа быть ландратомъ же князю П. М. Вадбольскому. А ежели до присланнаго указу и безъ приказу васъ, сіятельныхъ господъ, ландрата въ галицкую долю не опредѣлится, то во всякихъ настоящихъ и въ перенесенныхъ дѣлахъ будетъ остановка“—такъ заканчиваетъ вице-губернаторъ доношеніе, оправдывая свой образъ дѣйствій ⁴⁾). Такимъ же губернаторскимъ распоряженіемъ были въ 1716 г. опредѣлены въ архангелогородской губерніи ландраты: А. К. Курбаговъ и кн. М. Ст. Вадбольскій на мѣсто умершихъ кн. Н. П. Дябринскаго и Д. Ф. Черевина, а въ 1717 г. въ петербургской Н. Т. Квашиинъ-Самаринъ на мѣсто умершаго Ру-

¹⁾ Докл. и приг. V, № 361.

²⁾ Докл. и приг. IV, №№ 303, 657, 1190; V, № 648. Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 122, л. 184; кн. 641, л. 697; кн. 81, л. 912; кн. 122, л. 201; кн. 131, л. 686; кн. 191, л. 103. Выражаясь о своемъ назначеніи въ ландраты, эти послѣдніе вездѣ употребляютъ слово „опредѣленъ“, а не „выбранъ“.

³⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 106, л. 36.

⁴⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 81, л. 720.

дина ¹⁾. Въ одномъ случаѣ сенатъ, даже какъ бы отрекаясь отъ принадлежавшаго ему права, предоставилъ губернатору самому избрать и назначить ландратовъ. Въ мартѣ 1717 г., когда кievская губернія довела до свѣдѣнія сената, что въ ней недостаетъ до положеннаго комплекта ландратовъ трехъ человекъ, сенатъ приказалъ: „въ кievской губерніи въ ландраты и въ комиссары выбрать людей добрыхъ кievскому губернатору по своему разсмотрѣнію“, сообщивъ затѣмъ сенату имена назначенныхъ ²⁾. Итакъ и послѣ общаго назначенія ландратовъ въ 1714 г. въ отдѣльныхъ случаяхъ никогда мы не встрѣчаемъ никакихъ выборовъ ландратовъ мѣстнымъ дворянствомъ. Они назначаются или верховной властью, или приговоромъ сената, или губернаторомъ съ утвержденія сената.

Рѣшеніе вопроса о томъ, изъ какого общественнаго класса назначались ландраты, также подтверждаетъ намъ, что ни о какихъ ландратскихъ выборахъ не могло быть и рѣчи. Первый указъ 24-го апрѣля 1713 г. умалчиваетъ о томъ, кого именно надо въ губерніяхъ „учинить“ ландратами. Изъ повелѣнія 20-го января 1714 г., предписывавшаго избирать ландратовъ „всеми дворяны“, можно было бы заключить, что и избираемые будутъ также изъ „всѣхъ дворянъ“, т. е. вообще изъ уѣзднаго дворянства, подобно тому какъ это было съ прежними губными старостами и должно было быть съ выборными воеводскими товарищами 1702 г. На практикѣ, однако, вышло иначе. Уже въ первые кандидатскіе списки, представленные губернаторами въ теченіе 1713 г., были внесены служилые люди тѣхъ чиновъ, которые и прежде играли большую роль въ центральной и мѣстной администраціи, управляя приказами и сядя воеводами въ городахъ, и которые въ XVIII в. получили общее названіе „царедворцевъ“. То были контингентъ высшаго дворянства, дробившійся на четыре „московскихъ“ чина: стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ ³⁾. Со времени введенія регулярныхъ полковъ и раздѣленія Россіи на губерніи эта старинная московская дворянская гвардія также испытала на себѣ перемѣны. Часть ея вошла въ качествѣ офицеровъ въ регулярные полки, другая часть благодаря усложненію мѣст-

¹⁾ Ibid., кн. 81, л. 946; кн. 191, л. 261—265: „а въ ландраты онъ опредѣленъ по указу, каковъ присланъ къ нему изъ с.-петербургской губернской канцеляріи за рукою вице-губернатора Клокачева“.

²⁾ Ibid., кн. 111, л. 94.

³⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 114, л. 491: „служилъ же онъ въ царедворцахъ: въ житѣ и въ стряпчихъ, и въ стольникахъ“.

ной администраціи, вызвавшему потребность въ гораздо большемъ персоналѣ въ области, чѣмъ было прежде, была распределена по губерніямъ и отдана въ распоряженіе губерискихъ начальствъ. Такимъ образомъ, восемь губерній Петра не только оттянули отъ центральной кассы стекавшіеся туда денежные ресурсы, распредѣляя ихъ между восемью областными кассами, но точно такъ же отвлекали отъ Москвы и распредѣляли по восьми губерискимъ центрамъ и высшій классъ дворянства, представлявшій изъ себя личный запасъ для административной машины. При распределеніи всего группировавшагося прежде въ Москвѣ состава царедворцевъ по губерніямъ принималась во вниманіе связь ихъ съ губерніями по землевладѣнію. Царедворецъ посылался именно въ ту губернію, въ которой находились его помѣстья и вотчины. По крайней мѣрѣ одинъ документъ перечисляетъ въ видѣ исключенія царедворцевъ, написанныхъ по списку московской губерніи, за которыми, однако, помѣстій и вотчинъ въ этой губерніи не было „сыскано“ ¹⁾. Такимъ образомъ, въ каждомъ губерискомъ центрѣ образовался извѣстный запасъ царедворцевъ, которымъ губернаторъ постоянно и пользовался, частью для замѣщенія открывающихся должностей въ губериской администраціи, частью для отдѣльныхъ порученій. Изъ нихъ обыкновенно назначались оберъ-комисданты и комисданты въ городахъ; они отправлялись комиссарами въ тѣ полки, содержаніе которыхъ было возложено на губернію. Имъ давались также и временныя порученія: одного посылали наблюдать за доставкой „тялочныхъ (лодочныхъ) припасовъ“, другому поручалось произвести какую-нибудь понадобившуюся перепись, на третьяго возлагался разборъ недоразумѣній между „большеплатежными и малоплатежными“ членами купечества въ какомъ-либо городѣ и т. п. Изъ этихъ-то царедворцевъ и брались ландраты, какъ при общемъ ихъ назначеніи, такъ и затѣмъ при дополнительныхъ. Такъ, изъ 13 ландратовъ, назначенныхъ въ 1714 г. въ московскую губернію, 12 имѣли чинъ стольника и 1 былъ жилецъ; изъ 8 ландратовъ кievской губерніи одинъ былъ комнатнымъ стольникомъ, остальные стольниками; изъ 10 ландратовъ архангелогородской—было 2 стольника, 4 стряпчихъ и 4 жильца ²⁾. Назначать царедворцевъ въ ландраты было, очевидно, обязательно: казанская губернія потому именно не представила къ сентябрю 1713 г. кандидатскихъ списковъ и доносила о невозмож-

¹⁾ Ibid., кн. 122, л. 204.

²⁾ Докл. и приг. IV, ММ 140, 245.

пости выбрать ландратовъ, что, какъ писали оттуда, „царедворцы той губерніи были на службѣ въ походѣ съ губернаторомъ“ ¹⁾). Назначенные въ 1714 г. ландраты были люди уже не молодаго возраста, но большей части прошедшіе очень разнообразную карьеру „царедворца“, побывавшіе въ придворной, военной и гражданской службѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ ландратскихъ біографій. Ландратъ Мясининъ началъ службу въ 1688 г., когда онъ 15-ти лѣтъ отъ роду былъ написанъ въ царицыны стольники. Придя въ возрастъ, онъ изъ вѣдомства мастерской палаты, управлявшей придворнымъ штатомъ царицы, былъ переданъ въ разрядъ, откуда посылался въ походы подъ Азовъ и подъ Нарву, перемѣнивъ, такимъ образомъ, спокойную придворную должность на тяжелую службу боеваго офицера. Возвратясь благополучно изъ нарвскаго похода, онъ получилъ порученіе по дипломатической части и былъ изъ посольскаго приказа назначенъ провожать до границы уѣзжавшаго польскаго посла. Затѣмъ его не разъ командировали по различнымъ дѣламъ гражданского управленія: поручали произвести перепись ностоялыхъ дворовъ въ Москвѣ и уѣздѣ, назначали неоднократно членомъ учреждавшихся по разнымъ отдѣльнымъ случаямъ специальныхъ комиссій. По учрежденіи петербургской губерніи губернская канцелярія послала его сначала къ приему „рабочныхъ людей“, т. е. поручила ему завѣдывать наборомъ работниковъ, поставки которыхъ лежала на населеніи особою повинностью, а затѣмъ, когда онъ это порученіе исполнилъ, назначила его „къ управленію подводъ“ для шествія царицы Наталіи Алексѣевны. Прослуживъ нѣкоторое время опять въ военной службѣ, онъ попалъ въ морское вѣдомство и былъ опредѣленъ къ „корабельному строенію“ въ качествѣ надзирателя за рабочими и завѣдующаго раздачей провіанта. Съ этой послѣдней должности онъ получилъ назначеніе въ ландраты ²⁾). Другой ландратъ Н. Т. Квашининъ-Самаринъ началъ службу жильцомъ въ 1700 г. въ адъютантахъ при бояринѣ князѣ Н. Ю. Трубецкомъ, съ которымъ участвовалъ въ нарвскомъ сраженіи. Онъ побывалъ затѣмъ во многихъ битвахъ, между прочимъ при взятіи Канцевъ, и съ кратковременными отпусками домой служилъ попеременно въ нѣсколькихъ полкахъ до тѣхъ поръ, пока въ 1708 г. „за переломкою ноги“ не былъ отставленъ отъ полковой службы. Года три его не беспокоили, онъ сидѣлъ дома, лѣча свою ногу, но

¹⁾ Докл. и приг. III, № 789.

²⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената. кн. 191, л. 103.

уже въ 1711 г. онъ назначенъ былъ „къ дѣламъ“, т. е. въ штатскую службу, а именно: былъ опредѣленъ „къ пропуску дубовыхъ лѣсовъ и тялокъ, и буеровъ изъ Вышняго Волочка въ Повгородъ и Ладугу. Потомъ онъ получалъ какія-то командировки изъ петербургской губернской канцеляріи въ Смоленскъ и, наконецъ, былъ назначенъ ландратомъ петербургской губерніи ¹⁾. Карьера третьяго ландрата Чирикова была нѣсколько проще. Пройдя обычнымъ порядкомъ всѣ чины съ жильца до стольника, онъ затѣмъ былъ посланъ воеводою въ захолустное мѣстечко Каменный Затонъ, послѣ чего и назначенъ старооскольскимъ ландратомъ ²⁾. Большая половина царедворцевъ, назначенныхъ въ ландраты въ московскую губернію при увеличеніи штата ея ландратовъ въ 1715 г., были ранѣе оберъ-комендантами въ той же губерніи ³⁾.

Итакъ, безспорнымъ можно считать тотъ фактъ, что въ ландраты назначались обыкновенно царедворцы изъ того запаса ихъ, который состоялъ въ каждой губерніи. А разъ это такъ, не могло быть никакихъ ландратскихъ выборовъ. Какой смыслъ, въ самомъ дѣлѣ, могли бы имѣть эти послѣдніе, если кругъ кандидатовъ для избранія былъ такъ малъ и ограниченъ, что его едва могло хватать для замѣщенія опредѣленнаго на губернію комплекта ландратовъ? Дѣйствительно, царедворцевъ не хватало при той напряженной дѣятельности, которую задавала губерніямъ реформа, и нерѣдко можно встрѣтить жалобы губерній на „умаленіе царедворцевъ“ и неисполненіе той или другой возложенной на губернію обязанности вслѣдствіе того, что „отъ дѣлъ свободныхъ царедворцевъ въ губерніи нѣтъ“. Этотъ недостатокъ служебнаго персонала—одна изъ характерныхъ сторонъ петровской реформы, и благодаря ему при назначеніи ландратовъ устранялась совершенно возможность выборовъ: выбирать было не изъ кого, когда приходилось довольствоваться скуднымъ запасомъ, имѣвшимся въ наличности. Съ трудомъ находили губернаторы то количество царедворцевъ, которое требовалось для ландратскихъ должностей, отвлекая ихъ отъ разныхъ другихъ порученныхъ имъ дѣлъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ихъ все-таки не хватало, и пришлось прибѣгнуть къ назначенію ландратовъ изъ городского дворянства. Это

¹⁾ Ibid., кн. 191, л. 261—265.

²⁾ Ibid., кн. 114, л. 491. Ср. также Дѣла сената, кн. 78, л. 757—66; кн. 1339, л. 816.

³⁾ Ibid., кн. 122, л. 184.

было въ двухъ: въ смоленской, гдѣ изъ восьми ландратовъ четверо были стольпики, а другіе четверо принадлежали къ простой „смоленской шляхтѣ“, какъ тогда называлось дворянство областей, присоединенныхъ отъ Польши при царѣ Алексѣѣ,—и въ казанской, гдѣ изъ 14 ландратовъ 1714 года шестеро были „казанцы“, т. е. служили по городу Казани ¹⁾). Отдѣльные случаи назначенія не изъ царедворцевъ встрѣчаются и потомъ при частныхъ назначеніяхъ опять—таки по недостатку царедворцевъ. Такъ, на мѣсто казанскаго ландрата Л. Хрущова, отставленнаго по болѣзни, былъ назначенъ губернаторомъ до указа подполковникъ Федоръ Нармацкій, котораго, какъ оказалось, „по справкѣ съ разряднымъ столомъ въ московскихъ чинѣхъ съ царедворцы не написано“ ²⁾). Встрѣчается даже случай назначенія въ ландраты изъ простыхъ дьяковъ губернской канцеляріи. Въ нижегородской губерніи четырьмя дворцовыми волостями: толокнецвской, дрюковской, керженской и хохломской управлялъ дьякъ С. Нестеровъ. Въ 1715 г., когда губернія дѣлилась на доли, старосты и крестьяне этихъ волостей подали въ сенатъ челобитную, въ которой просили не назначать къ нимъ другого правителя, кромѣ Нестерова, который пришелся имъ по душѣ, потому что оказался человекъ добрый и не чинилъ, какъ свидѣтельствовали челобитчики, никакихъ обидъ и разоренія. Ходатайство это было уважено: изъ четырехъ волостей было предписано составить особую долю, и С. Нестеровъ былъ назначенъ въ нее ландратомъ ³⁾). Это былъ, кажется, единственный случай назначенія ландрата по ходатайству мѣстнаго общества, притомъ общества крестьянскаго. Приведенные случаи показываютъ, что и при замѣщеніи ландратскихъ должностей лицами не изъ московскихъ чиновъ выборы точно такъ же не имѣли мѣста.

Впрочемъ вскорѣ послѣ 1714 г. ландратская должность перестала быть выборною *и по закону*. Въ 1716 г. Петръ предписалъ сенату назначать въ ландраты офицеровъ, получившихъ отставку за старостью или за ранами, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣютъ за собою никакихъ населенныхъ земель. Такое назначеніе получало слѣдовательно характеръ пенсіи въ награду за военную службу, „ибо не безъ грѣха есть въ томъ“, признавался царь, „что такіе, которые много служили, тѣ забыты и скитаются, а которые нигдѣ не служп-

¹⁾ Докл. и приг. IV, № 140.

²⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 106, л. 36.

³⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 129, л. 160.

ли—тунеядцы—тѣ многіе по прихотямъ губернаторскимъ въ губерніяхъ взысканы чинами и получаютъ жалованье довольное“. По этому указу ландраты уже не только не должны были избираться мѣстнымъ дворянствомъ, но даже могли совсѣмъ не принадлежать къ мѣстному землевладѣльческому классу, такъ какъ указъ рекомендовалъ преимущественно назначать въ ландраты такихъ офицеровъ, у которыхъ не было земельной собственности ¹⁾. Въ немъ совершенно игнорировалось такимъ образомъ предыдущее, неисполнявшееся на практикѣ повелѣніе 20 января 1714 г. о выборахъ въ ландраты мѣстными дворянскими обществами. Въ свою очередь указъ 1716 г. находилъ собѣ практическое осуществленіе, и мы встрѣчаемъ нѣсколько назначеній ландратовъ изъ отставныхъ офицеровъ по челобитнымъ, подававшимся этими послѣдними. Въ 1717 г. въ сенатъ подаль челобитную капитанъ Лукьянъ Мисоѣдовъ, который, объяснивъ, что онъ за старостью отъ полковой службы отставленъ, указывалъ, что въ азовской губерніи сидитъ другой годъ въ Шацкѣ ландратомъ неслужащій (т. е. не бывшій въ военной службѣ) Пв. К. Микшинъ, просился на его мѣсто въ ландраты. Въ томъ же году по такому же челобитію былъ назначенъ ландратомъ въ московскую губернію изъ отставныхъ офицеровъ майоръ кн. Вяземскій. Въ слѣдующемъ году кромѣ двухъ случаевъ, указанныхъ уже г. Мрочекъ-Дроздовскимъ, въ сенатъ поступило еще два ходатайства въ такомъ же родѣ. Майоръ ярославскаго полка кн. М. Мещерскій, перечисливъ свои прежнія службы съ 1700 г., указывалъ, что ему за ранами и за увѣчемъ ѣхать въ сибирскую губернію, куда его было назначали, за дальностью пути невозможно и просилъ назначить его ландратомъ въ Симбирскъ на мѣсто Д. М. Татищева, который „нигдѣ не служивалъ въ нынѣшнихъ походахъ“. Князь ссылался на то, что за нимъ ни помѣстій, ни вотчинъ ни въ которыхъ городахъ нѣтъ, такъ какъ онъ былъ „кадетъ“, и всѣ отцовскія имѣнья по указу о единонаслѣдіи перешли къ старшему брату. Другой претендентъ на ландратство былъ отставной капитанъ псковскаго драгунскаго полка К. Е. Чернышевъ, участвовавшій „во многихъ свейскихъ походахъ“ и потерявшій лѣвую ногу при осадѣ Дерпта. Онъ просился на мѣсто мещовскаго ландрата Н. А. Яковлева на томъ основаніи, что онъ, Яковлевъ, въ арміи нигдѣ не бывалъ. За мѣтательно, что всѣ эти просьбы сенатомъ были уважены, и прежніе ландраты, мѣста которыхъ стремились занять просители, были смѣ-

¹⁾ П. С. З. № 3003, 22 марта 1716 г.

щены, хотя ни изъ чего не видно, чтобы сенатъ могъ быть недоволенъ ихъ дѣятельностью въ качествѣ ландратовъ ¹⁾).

Итакъ, если до указа 1716 г., какъ мы видѣли, не было ни одного случая ландратскихъ выборовъ, то еще менѣе можно говорить о нихъ послѣ этого указа. Вся эта легенда о ландратахъ, какъ выборной должности, сложилась благодаря съ одной стороны излишней довѣрчивости къ законодательнымъ актамъ Петра, а съ другой недостаточно полному изученію памятниковъ практическаго дѣлопроизводства учреждений той эпохи. Намъ кажется, что всѣхъ приведенныхъ аргументовъ вполне довольно, чтобы показать несоотвѣтствіе легенды съ дѣйствительностью. Жизнь дала совсѣмъ иные результаты, чѣмъ замышлялъ законодатель, и дворянское общество, самостоятельности котораго онъ ожидалъ, оказалось не въ силахъ удовлетворить этимъ ожиданіямъ: ни въ 1714 г., при общемъ назначеніи, ни позже при дополнительныхъ—ландраты не были избираемы обществомъ. Они постоянно назначались правительственною властью.

2.

Губернскій совѣтъ ландратовъ до 1715 г.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть, какъ дѣйствовалъ на практикѣ институтъ, съ введеніемъ котораго мы только что познакомились. Въ исторіи его дѣятельности надо различать два періода, гранью между которыми служитъ указъ 28 января 1715 г. Такимъ образомъ первый періодъ продолжался всего только годъ или вѣрнѣе 11 мѣсяцевъ, если припомнимъ, что ландратскія назначенія состоялись лишь въ февраль 1714 г. Второй періодъ, открываясь указомъ 28 января 1715 г., продолжается до конца самаго существованія ландратовъ, т. е. до 1719 г. Какъ увидимъ ниже, указъ этотъ рѣзко измѣнилъ значеніе и характеръ института, и это было уже давно замѣчено въ литературѣ вопроса еще Неволлинымъ, мнѣніе котораго приняли позже Градовскій (въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ: „Начала русскаго государственнаго права“; въ болѣе раннемъ: „Высшая администрація и генераль-прокуроры“ онъ не различалъ еще двухъ моментовъ въ дѣятельности ландратовъ) и П. П. Милуковъ.

¹⁾ Моск. арх. мн. юст. Дѣла сената, кн. 641, л. 980; кн. 105, л. 307; кн. 641, л. 1029.

По указу 24 апрѣля 1713 г., учредившему ландратовъ, эти послѣдніе должны образовать губернскойій совѣтъ, и ландратъ перваго періода былъ не болѣе, какъ членомъ губернскаго совѣта. Тотъ же указъ опредѣлялъ и сферу компетенціи ландратской коллегіи, и ея отношеніе къ губернатору. Первымъ состоитъ въ томъ, что „имъ всѣ дѣла съ губернаторомъ дѣлать и подписывать“. Такимъ образомъ въ рукахъ ландратскаго совѣта сосредоточивается весь кругъ дѣлъ губернскаго управленія. Единичная власть губернатора должна прекратиться; онъ становится теперь не болѣе, какъ предсѣдателемъ коллегіи, къ членамъ которой долженъ относиться „не яко властитель, но яко президент“, и ему воспрещается рѣшать какія либо дѣла безъ участія ландратовъ. Опредѣленіе числа голосовъ, которыхъ губернатору принадлежало два, а каждому ландрату по одному, указываетъ на большую опредѣленность устройства ландратской коллегіи, гдѣ слѣдовательно дѣла должны были рѣшаться по большинству голосовъ, сравнительно съ прежней коллегіей воеводскихъ товарищей, въ которой способа рѣшенія дѣлъ при разногласіи установлено не было. Такимъ образомъ учрежденіе ландратовъ является попыткой замѣнить личное начало въ области администраціи коллегіальнымъ. Къ этому послѣднему Петръ всегда былъ неравнодушенъ — и вотъ прежде, чѣмъ создать его въ центрѣ, онъ пытался ввести его въ области.

Надо при этомъ замѣтить, что апрѣльскій указъ 1713 г. предполагалъ учрежденіе такихъ же ландратскихъ совѣтовъ не при однихъ только губернаторахъ. По мысли указа такіе же совѣты должны были быть образованы и при другихъ второстепенныхъ областныхъ правителяхъ, подчиненныхъ губернатору, которые имѣли однако значительную долю самостоятельности, управляя отдѣльными частями территоріи губерніи: при вице-губернаторахъ и оберъ-комендантахъ ¹⁾. Но составъ совѣтовъ при второстепенныхъ правителяхъ долженъ былъ быть нѣсколько уже губернскаго, а именно: при вице-губернаторахъ полагалось $\frac{3}{4}$, а при оберъ-комендантахъ $\frac{1}{2}$ того количества ландратовъ, которое было назначено для губернскаго центра. Такимъ образомъ коллегіальный принципъ не ограничивался только губерніей; онъ долженъ былъ быть проведенъ также и въ тѣ части, на которыя

¹⁾ П. С. З. № 2673: „вице-губернаторамъ по три доли, а оберъ-комендантамъ волюмъ противъ своихъ губернаторовъ имѣть ландратовъ, гдѣ будутъ оныя въ особыхъ городахъ той губерніи, а не при губернаторѣ“.

дѣлилась губернія, каковы были провинціи, управляемыя оберъ-комендантами. На практикѣ однако этотъ пунктъ указа 1713 г. не осуществился. Какъ мы уже видѣли, при общемъ назначеніи ландратовъ въ 1714 г. они были назначены только въ губернскіе центры. Едва ли такіе совѣты могли возникнуть и впоследствии: намъ совершенно не встрѣтилось документовъ, которые бы указывали на назначеніе ихъ при оберъ-комендантахъ, тѣмъ болѣе, что въ 1715 г. и число самыхъ оберъ-комендантовъ должно было значительно сократиться.

Въ связи, вѣроятно, съ этой замѣной единоличной власти губернатора коллегіальнымъ учрежденіемъ въ видѣ губернскаго совѣта ландратовъ былъ изданъ вскорѣ послѣ назначенія этихъ послѣднихъ особый законъ, подробно устанавливающій порядокъ веденія дѣлъ въ губернской коллегіи. Вотъ въ главныхъ чертахъ этотъ порядокъ. Засѣданіе должно было начинаться чтеніемъ стоящаго на очереди дѣла, что исполняется секретаремъ. Затѣмъ, члены губернскаго совѣта, занимавшіе мѣста по порядку старшинства, „по разрядному списку, кто какъ написанъ въ чинахъ“ ¹⁾, должны были подавать мнѣнія, начиная съ младшихъ. Мнѣнія эти слѣдовало записывать и закрѣплять каждое подписью его подавашаго. Послѣ подачи и подписи всѣми своихъ мнѣній предписывалось „имѣть диспуты“ и только затѣмъ уже производить баллотировку, рѣшая дѣло большинствомъ голосовъ—„и съ той диспуты, куда болѣе голосовъ явится, такъ и вершить“. Меньшинство должно было подписывать общую „сентенцію“, содержащую мнѣніе большинства, „понеже болѣе голосовъ туда стало“. Впрочемъ члены меньшинства могли, подписавъ общую сентенцію, прилагать особыя мнѣнія. Въ заключеніе подѣ угрозой смертной казни запрещалось секретарямъ и дьякамъ крѣпить указы о рѣшеніи дѣлъ однимъ „по приказу своихъ принципаловъ“. Такая тяжкая угроза нужна была, чтобы поддерживать введеніе коллегіального порядка въ губерніи ²⁾.

Губернскіи совѣтъ ландратовъ подѣ предсѣдательствомъ губернатора и долженъ былъ стать главнымъ губернскимъ правительственнымъ органомъ. Ему была теперь подчинена вся существующая уже губернская іерархія, подчиненная прежде губернатору: оберъ-коменданты, стоявшіе во главѣ провинцій, и коменданты, правившіе городами съ

¹⁾ Докл. и приг. IV, № 66: „ландраторамъ съ губернаторами слѣдѣть по разрядному списку, кто какъ написанъ въ чинахъ; а смоленской шляхтѣ и казанцамъ по спискамъ же тѣхъ городовъ“ (въ смоленской и казанской губерніяхъ).

²⁾ П. С. З. № 2791, 4 апрѣля 1714 г.

ихъ уѣздами. Указъ 26 февраля 1714 г., вышедшій какъ разъ въ моментъ назначенія ландратовъ, предписывалъ неисправнымъ въ сборахъ комендантамъ чинить наказаніе и штрафовать ихъ „губернаторамъ обще съ ландраторами, смотря по винамъ“ ¹⁾.

Таковы были намѣренія законодателя. Разумѣется, весьма любопытнымъ является вопросъ о томъ, насколько осуществились эти намѣренія на практикѣ до реформы ландратуры въ 1715 г., о которой рѣчь ниже. Въ уцѣлѣвшихъ архивныхъ бумагахъ можно найти кое-какіе слѣды существованія и дѣятельности ландратскихъ совѣтовъ за 1714 г. Такъ въ архангелогородской губерніи комиссара, котораго губернія обязана была выслать къ строенію домовъ въ Кронштадтъ, назначили въ этомъ году правившій губерніею вице-губернаторъ Лодыженскій „съ ландраты“ ²⁾. Въ декабрѣ того же года въ московской губерніи подрядъ на поставку овса и сухарей производится ландратскимъ совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ губернатора. По отъѣздѣ губернатора въ Петербургъ совѣтъ продолжалъ дѣйствовать, приостановилъ почему-то сданный уже подрядъ подъ предлогомъ болѣе точной справки о цѣнахъ, но затѣмъ опять сдалъ его тому же подрядчику ³⁾. Тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностью сказать, что въ теченіе 1714 г. ландратскіе совѣты не вездѣ еще составились. Въ самомъ дѣлѣ, въ нижегородской губерніи ландратскаго совѣта не существовало еще и осенью 1714 г. Эта губернія была выдѣлена изъ казанской 26 января 1714 г. 25 марта туда прибылъ назначенный губернаторомъ А. П. Измайловъ, который вскорѣ, 31 мая, умеръ. Губерніей повелѣно было править ландратскому совѣту въ томъ составѣ, въ какомъ онъ былъ при покойномъ губернаторѣ. 17 іюня предсѣдателемъ этого совѣта былъ назначенъ вновь опредѣленный въ дополненіе къ прежнимъ въ нижегородскую губернію ландратъ кн. Ст. Путятинъ. Вотъ что доносилъ сенату этотъ кн. Путятинъ, прибывъ въ Нижній 20 августа: „ландраторовъ, которымъ повелѣно было быть для управленія всякихъ дѣлъ въ нижегородской губерніи съ губернаторомъ А. П. Измайловымъ, онъ никого не излѣхалъ“. Оказалось, что ни при губернаторѣ, ни послѣ его смерти ландраты вовсе не являлись въ Нижній, и о томъ, чтобы явиться, имъ даже не было ни разу послано повѣстенъ. Путятинъ тотчасъ же по приѣздѣ разослалъ ландратамъ повѣ-

¹⁾ П. С. З. № 2776.

²⁾ Моск. арх. мѣн. юст. Дѣла сената, кн. 80, л. 472.

³⁾ Ibid., кн. 122, л. 225.

стки, но по нимъ явилось ихъ къ началу сентября всего только четверо. Изъ остальныхъ трое еще совсѣмъ не пріѣзжали изъ Казани, хотя указъ объ ихъ назначеніи въ Нижній былъ имъ давно уже объявленъ, а одинъ по распоряженію сената былъ посланъ въ Москву съ отчетомъ о рекрутскомъ наборѣ. Только къ ноябрю были высланы изъ казанской губерніи два зажившіеся тамъ нижегородскіе ландрата, а третьяго сенатъ еще предписывалъ выслать отсюда въ Нижній въ началѣ января 1715 г. Такимъ образомъ нижегородскій ландратскій совѣтъ, на имя котораго адресовались челобитныя населенія и указы изъ сената, никогда не собирався въ теченіе года въ полномъ составѣ, да и въ далеко неполномъ могъ собираться всего только въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ, оставшихся до указа 28 января 1715 г. ¹⁾

Образованію и дѣйствию ландратскихъ совѣтовъ мѣшали двѣ причины. Во-первыхъ, они существовали слишкомъ короткое время, чтобы успѣть составиться и развить сколько-нибудь правильную дѣятельность. Какъ видимъ въ предыдущемъ случаѣ, едва только ландраты съѣхались осенью 1714 г., чтобы образовать совѣтъ, какъ вдругъ въ началѣ слѣдующаго года они должны были разбѣжаться по долямъ, на которыя раздѣлялась губернія и правителями которыхъ они становились. Съ другой стороны коллегіальный порядокъ въ областномъ управленіи не могъ скоро привиться. Губернаторы не могли сразу оставить старыя привычки тѣмъ болѣе, что, несмотря на лишеніе ихъ прежней единоличной власти, отвѣтственность за исправное отбываніе губерніей повинности продолжала тяготѣть надъ ними и теперь. Поэтому они не перестаютъ смотрѣть на ландратовъ, какъ на прикомандированныхъ въ ихъ распоряженіе и подчиненныхъ имъ чиновниковъ, которыхъ они могутъ посылать по разнымъ порученіямъ, и вовсе не желаютъ считать ихъ равноправными съ собою членами губернскаго коллегіальнаго правленія, гдѣ губернаторъ долженъ былъ быть по закону не болѣе, какъ *primus inter pares*. На вопросъ московскаго губернатора о томъ, можно ли посылать ландратовъ въ провинціи для самыхъ нужныхъ дѣлъ и для осмотрѣнія пустоты, сенатъ 4-го февраля 1714 г. разрѣшилъ посылать ихъ только въ случаяхъ самой необходимой нужды, притомъ не иначе, какъ по постановленію всего ландратскаго совѣта, письменному, скрѣпленному руками всѣхъ его

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 180, л. 1023; кн. 98, л. 302; кн. 104, л. 106. Докл. и приг. IV. №№ 504, 657, 783, 861, 866, 880, 978.

членовъ ¹⁾). Но уже лѣтомъ того же 1714 г. ландраты архангелогородской губерніи оказались разосланными по всѣмъ городамъ губерніи „для смотру и свидѣтельства, и переписки дворовъ, и сбору допмочныхъ рекрутныхъ денегъ“. Губернаторъ писалъ, что и къ октябрю имъ съ этимъ дѣломъ управиться едва ли будетъ возможно, такъ какъ на долю каждаго досталось исполнить означенныя работы не въ одномъ городѣ, а въ трехъ, четырехъ и пяти городахъ ²⁾). Очевидно, что засѣданія ландратскаго совѣта архангелогородской губерніи, если и могли состояться въ 1714 г., то развѣ только въ самомъ его концѣ. Да и у самого сената замѣтна иногда та же тенденція возлагать на членовъ ландратской коллегіи отдѣльныя порученія, лишавшія ихъ возможности присутствовать въ ея засѣданіяхъ. Уже лѣтомъ 1714 г. сенатъ предписалъ послать ландратовъ по городамъ для набора ямщиковъ, которыхъ предполагалось поселить на р. Волховѣ ³⁾). Въ началѣ 1715 г. за нѣсколько дней до указа 28-го января ландрату московской губерніи Гр. Комышину было поручено сенатскимъ указомъ отправить заготовленные въ московской губерніи продовольственные принасы въ Петербургъ ⁴⁾). Итакъ, ландратская коллегія не могла повсемѣстно начать дѣйствовать во всю широту своихъ полномочій въ 1714 г. Но уже въ январѣ слѣдующаго года былъ изданъ указъ, измѣнявшій значеніе ландратской должности. Теперь и слѣдуетъ перейти къ анализу этого указа.

3.

Ландратская доля 1715—1719 и.

Указъ 28-го января 1715 г. ⁵⁾ прежде всего уничтожалъ должности оберъ-комендантовъ и комендантовъ въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ не было гарнизоновъ. Такимъ образомъ, существовавшая до 1715 г. губернская іерархія комендантовъ и оберъ-комендантовъ, подчиненныхъ губернскому ландратскому совѣту, разрушалась. Комендантская должность получала теперь исключительно военное значеніе командира гарнизона. Какъ для командировъ гарнизона, для нихъ ино-

¹⁾ Докл. и приг. IV, № 114; П. С. З. № 2770.

²⁾ Докл. и приг. IV, № 1138.

³⁾ П. С. З. № 2833.

⁴⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 122, л. 225.

⁵⁾ П. С. З. № 2879.

слѣдствіи была выработана въ военной коллегіи инструкція, „какимъ образомъ опредѣленные имъ гарнизоны, а именно крѣпости, гарнизонные полки и артиллерию содержать надлежитъ“ ¹⁾. Только въ пограничныхъ мѣстностяхъ изъ опасенія непріятельскихъ набѣговъ коменданты, командуя гарнизономъ города, получали и административное значеніе и становились вмѣстѣ съ тѣмъ и правителями уѣзда. На этомъ основаніи архангелогородскій вице-губернаторъ Лодыженскій ходатайствовалъ передъ сенатомъ о порученіи управленія Кольскимъ и Пустозерскимъ острогами комендантамъ изъ военныхъ людей, указывая, что эти города пограничные и что къ послѣднему „приходить для разоренія воровская карачевская самоядъ“ ²⁾.

Второю новостью указа было учрежденіе новой административной единицы—доли. Правителями этихъ новыхъ областей и были назначены ландраты. Такимъ образомъ, эти послѣдніе изъ простыхъ членовъ губернскаго совѣта дѣлались теперь самостоятельными правителями второстепенныхъ областей, на которыя дѣлилась губернія. Впрочемъ, въ указѣ видно намѣреніе законодателя сохранить коллегіальное начало въ высшемъ губернскомъ управленіи. Единичная власть не возвращалась губернатору. При немъ въ губернской канцеляріи всегда должны были находиться двое изъ ландратовъ, чередуясь черезъ одинъ или два мѣсяца. Въ концѣ года всѣ ландраты должны были съѣзжаться къ губернатору „для исправленія дѣлъ всѣмъ вмѣстѣ“ и для отчета. Итакъ, постоянный губернскій совѣтъ переставалъ существовать, замѣняясь двумя коллегіальными органами: постоянной малой коллегіей изъ двухъ ландратовъ подъ предсѣдательствомъ губернатора и временнымъ ежегоднымъ съѣздомъ всѣхъ ландратовъ. Указъ 28-го января 1715 г. не приводитъ тѣхъ мотивовъ, которые повели къ его изданію, но причины произведенныхъ имъ реформъ чувствуются сами собою. Во-первыхъ, назрѣвала насущная потребность въ болѣе правильномъ подраздѣленіи громадной губерніи на второстепенныя областныя единицы; этой потребности указъ прежде всего и удовлетворялъ. Затѣмъ, такъ какъ учрежденіе новыхъ административныхъ дѣленій должно было повлечь за собою увеличеніе личнаго административнаго состава, а въ немъ при Петрѣ всегда ощущался недостатокъ, то ради экономіи и приходилось жертвовать такимъ громоздкимъ и многолюднымъ учрежденіемъ, каковъ былъ губернскій со-

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената. кн. 376, л. 328.

²⁾ Ibid.. кн. 78, л. 222.

вѣтъ, и совмѣстить, насколько это было возможно, функціи ландрата, какъ товарища губернатора по губернской коллегіи, съ функціями самостоятельнаго областного правителя.

Доля, какъ подраздѣленіе губерніи, существовала уже ранѣе указа 28-го января 1715 г. Еще въ 1710 г., когда составлялась табель полковъ, содержаніе которыхъ возлагалось на губерніи, во всѣхъ губерніяхъ дворовое число было расписано на доли ¹⁾. Но это раздѣленіе имѣло тогда иной, особый смыслъ. Долею по указу 1710 г. называлась извѣстная сумма тяглыхъ дворовъ, взятая за единицу, именно 5536. Эта единица, значеніе самой цифры которой предстоитъ еще выяснитъ, употреблялась для упрощенія разверстки податей, падавшихъ на тяглые дворы по губерніямъ. Съ ея помощью было довольно удобно распредѣлить всю сумму извѣстнаго налога по губерніямъ пропорціонально количеству дворовъ по переписи 1678 г., заключающемуся въ каждой губерніи. Такимъ образомъ, въ московской губерніи, всего гуще населенной, считалось $44\frac{1}{2}$ доли; второю за ней была петербургская— $32\frac{1}{5}$ доли, самой меньшей оказывалась кievская съ 5-ю долями ²⁾. вмѣсто того, чтобы дѣлать пропорціональную разверстку налога по цифрамъ самыхъ дворовъ, оперируя съ громадными цифрами въ десятки и сотни тысячъ, т. е. съ пяти и шести-значными цифрами, расчетъ производился по числу долей, которыхъ сумма выражалась всего трехзначной (146), а отдѣльныя слагаемая лишь двузначными цифрами. слѣдовательно, доля была въ этомъ случаѣ отвлеченною счетною единицею, которой не соответствовало какое-нибудь территориальное дѣленіе губерніи, представляла изъ себя явленіе ариметическое, а не географическое, была опредѣленнымъ числомъ податныхъ дворовъ, а не опредѣленнымъ земельнымъ округомъ. Указъ 28-го января 1715 г. и превращалъ эту отвлеченную счетную ариметическую долю въ конкретную административно-географическую. Долей теперь становилась извѣстная территория, охватывавшая собою приблизительно 5536 тяглыхъ дворовъ. Новое раздѣленіе губерніи строилось, такимъ образомъ, на статистическомъ основаніи.

Оно производилось въ теченіе всего 1715 года. На практикѣ приходилось, конечно, отступать при образованіи доли отъ указанной нормы дворовъ. Встрѣчаются и такія доли, въ которыхъ цифра дворовъ превосходитъ нормальную, и такія, въ которыхъ первая уступаетъ вто-

¹⁾ П. С. З. № 2305.

²⁾ П. С. З. № 2305.

рой. Въ солигалицкой долѣ архангелогородской губерніи оказывалось 8.280 дворовъ, тогда какъ въ сосѣдней унженской почти вдвое меньше—4.651. Это отклоненіе количества дворовъ въ долѣ вверхъ или внизъ отъ нормальной цифры въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и удобствъ, напр., разстояній, путей сообщенія и др. предоставлено было при организаціи долей усмотрѣнію губернатора ¹⁾).

Любопытно прослѣдить, въ какое отношеніе стала прежняя административно-географическая единица, уѣздъ, къ долѣ и какъ перекраивалась теперь, административная карта Россіи. Опредѣлителемъ этого отношенія было, разумѣется, количество тяглыхъ дворовъ въ уѣздѣ. Здѣсь надо различать три случая. Иногда уѣздъ просто переименовывался въ долю, и доля составлялась изъ одного прежняго уѣзда. Такъ, напр., прежній казанскій уѣздъ настолько подошелъ по количеству тяглаго населенія къ нормѣ, положенной на долю, что, не потерявъ измѣненій, продолжалъ оставаться въ видѣ доли. Въ спискахъ долей казанской губерніи эта доля иногда просто и называется казанскимъ уѣздомъ ²⁾). Во второмъ случаѣ, если уѣздъ былъ очень великъ, онъ раздѣлялся, на двѣ или болѣе долей. Такъ, напр., симбирскій уѣздъ былъ подраздѣленъ на двѣ доли: симбирскую первую и симбирскую вторую. Точно то же мы видимъ въ уѣздахъ: вологодскомъ, шацкомъ, коломенскомъ, тамбовскомъ, арзамасскомъ, пошехонскомъ. Уѣзды: нижегородскій, новгородскій и ярославскій распались каждый на три доли, а московскій даже на четыре ³⁾). Наконецъ, въ третьемъ случаѣ доля составлялась изъ нѣсколькихъ уѣздовъ, входившихъ въ нее цѣликомъ или частями, если цифры тяглыхъ дворовъ въ этихъ уѣздахъ значительно не достигали нормы. Такъ по одной долѣ составили уѣзды: тверской и новоторжскій; клинскій, волоколамскій и рузскій; можайскій, звенигородскій и мало-ярославецкій. Курмышская доля нижегородской губерніи составила слѣдующимъ образомъ: въ нее вошелъ курмышскій уѣздъ, въ которомъ считалось 2.643 двора, да была отдѣлена и приписана сюда же часть алатырскаго уѣзда, а именно 878 дворовъ, такъ что всего въ кур-

¹⁾ И. С. З. № 2879: „5.536 дворовъ или по сколько будетъ удобнѣе по разстоянію мѣста больше или меньше по разсужденію губернаторскому“.

²⁾ Моск. арх. мн. юст. Дѣла сената, кн. 99, л. 1338. Такіе же случаи, уѣзды: московскій, бѣжецкій, кашинскій, угличскій, романовскій.

³⁾ Нижегородскій уѣздъ распался на доли: княгининскую, мурашкинскую и спаскую. Доли, на которыя раздѣлялись остальные изъ названныхъ уѣздовъ, не носили особыхъ названій, а назывались по ландратамъ: доля ландрата такого-то.

мышской долѣ получило 3.431 дворъ. Иногда доля составлялась изъ нѣсколькихъ волостей. Таковы были „дворцовыя доли“, образовавшіяся изъ дворцовыхъ волостей. Мы уже видѣли выше такую долю въ нижегородской губерніи; другая подобная возникла въ московской губерніи въ тогдашней владимірской провинціи и состояла изъ яропольской и всегодичской дворцовыхъ волостей ¹⁾).

Можно было ожидать, что это новое административное раздѣленіе Россіи на доли, какъ мы видѣли выше, перекраивавшее въ большинствѣ случаевъ старое дѣленіе на уѣзды и стиравшее ихъ границы, уничтожить уѣздное дѣленіе? Долю, сдѣлавшуюся административно-географической единицей, не предполагалось уже дробить на болѣе мелкія единицы, и уѣздъ, лишившись уѣзднаго правителя, коменданта, пересталъ быть административной единицей. Ландраты получали значеніе первой, низшей инстанціи губернской іерархіи. Замѣнивъ собою уѣздъ въ административномъ отношеніи, доля, однако, ничего не могла подѣлать съ его географическими границами. Старинное вѣковое дѣленіе на уѣзды настолько вкоренилось въ жизнь, что уѣздныя границы не только не выпѣбли, но иногда довольно рѣзко выступали въ очертаніяхъ тѣхъ долей, которыя были составлены изъ нѣсколькихъ уѣздовъ. Эта живучесть уѣзда была въ особенности замѣтна въ сферѣ финансоваго управленія доли. Въ податномъ отношеніи уѣздъ продолжаетъ быть до нѣкоторой степени самостоятельнымъ цѣлымъ. По уѣздамъ производится сборъ податей и ведется этому сбору отчетность. Такъ, на-примѣръ, ландратъ двинской доли ведетъ книги доходовъ и составляетъ отчетныя вѣдомости по каждому изъ уѣздовъ своей доли: двинскому, кеврольскому и мезенскому въ отдѣльности ²⁾. Точно такой же приемъ въ тульской долѣ, состоявшей изъ трехъ уѣздовъ: тульского, веневскаго и епифанскаго ³⁾. Курмышская доля, о которой была уже рѣчь выше, составила изъ курмышскаго уѣзда, вошедшаго въ нее цѣликомъ (2.643 дв.), и небольшой части сосѣдняго алатырскаго уѣзда (878 дв.), и тѣмъ не менѣе сборамъ податей ведется счетъ отдѣльно съ „курмышскаго уѣзда“ и отдѣльно съ „алатырскаго приписи“.

Какъ размѣщались ландраты по вновь учрежденнымъ областнымъ дѣленіямъ? Было уже выше указано, что служилые люди назнача-

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 106, лл. 334, 359; кн. 129, л. 160; кн. 78, л. 492 и сл.; кн. 111, л. 199; кн. 69, л. 446; кн. 98, л. 275; кн. 192, л. 28; кн. 125, л. 7; кн. 127, л. 73.

²⁾ Моск. архивъ мин. юст. Дѣла сената, кн. 78, л. 1003 и сл.

³⁾ Ibid., кн. 126, л. 920.

лись въ губернскіе ландраты въ большинствѣ случаевъ сенатомъ. Самое же распредѣленіе ландратовъ по долямъ производилъ губернаторъ. Такъ, напримѣръ, ландратъ доли Устюга Великаго А. М. Даниловъ-Домнинъ, излагая свою біографію передъ сенатомъ въ 1718 г., рассказывалъ, что онъ въ архангелогородской губерніи въ долѣ Устюга Великаго „опредѣленъ по опредѣленію вице-губернатора господина Курбатова“ ¹⁾. Петербургскій вице-губернаторъ Ст. Клокачевъ, въ рукахъ котораго находилось все дѣйствительное управленіе петербургской губерніей, состоявшей подъ высшимъ начальствомъ генералъ-губернатора кн. Меншикова, показывалъ въ допросѣ по дѣлу объ одномъ изъ подчиненныхъ ему ландратовъ Ст. Лопухинѣ, правившемъ псковскою долей, что во Псковѣ ландратомъ онъ, Лопухинъ, опредѣленъ „великаго государя указомъ за подписью руки свѣтлѣйшаго князя“ ²⁾. Слова „великаго государя указомъ“ не служатъ доказательствомъ противнаго, такъ какъ губернаторскіе указы имѣли форму указовъ отъ высочайшаго имени. Но это была только форма, и разъ что указъ былъ подписанъ Меншиковымъ, это значить, что онъ былъ изданъ имъ. Въ дѣлахъ курмышской воеводской канцеляріи сохранился подлинный указъ нижегородскаго вице-губернатора курмышскому ландрату кн. А. А. Болховскому, въ которомъ читаемъ: „по его, великаго государя указу, а по опредѣленію нижегородской губерніи вице-губернатора кн. Ст. И. Путятина повелѣно вамъ быть въ долѣ въ городѣ Курмышѣ“ ³⁾. Ландратъ казанской губерніи Жданъ Кудрявцевъ доносилъ въ 1718 г. сенату, что „опредѣленъ онъ быть по опредѣленію ближняго боярина и казанскаго губернатора съ товарищи въ уржумской долѣ“ ⁴⁾. Встрѣчаются случаи назначенія въ опредѣленную долю и сенатомъ. Быть можетъ, исключительнымъ случаемъ было назначеніе сенатомъ ландрата въ дворцовую долю нижегородской губерніи по ходатайству жителей этой доли. Но ландраты изъ отставныхъ офицеровъ, просившіеся на эту должность вслѣдствіе указа 1716 г. въ опредѣленные, ими самими указанныя доли, обыкновенно и были назначаемы въ эти доли сенатомъ. Однако этими случаями, имѣвшими все-таки чрезвычайный характеръ, вмѣшательство сената въ распредѣленіе ландратовъ по долямъ и ограничивалось. Обыкновенно же во

¹⁾ Ibid., кн. 78, л. 757.

²⁾ Ibid., кн. 189, л. 859.

³⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла курмышской воев. канц. опись III, л. 329.

⁴⁾ Ibid. Дѣла сената, кн. 106, л. 1.

всѣхъ остальныхъ случаяхъ назначеніе ландрата въ ту или иную долю зависѣло отъ губернатора, какъ лица, ближе стоящаго къ мѣстности и могущаго принять при этомъ въ соображеніе различныя мѣстныя условія. Разсматривая отдѣльные случаи назначенія ландратовъ по долямъ, мы можемъ нерѣдко замѣтить тѣ мотивы, которыми руководствовались при этихъ назначеніяхъ. Въ качествѣ ландратовъ продолжали иногда оставаться въ долѣ прежніе коменданты, правившіе тою же мѣстностью. Можайскій комендантъ Д. П. Дохтуровъ, занимавшій эту должность нѣсколько лѣтъ до 1715 года, съ этого года былъ назначенъ ландратомъ можайской доли ¹⁾. Съ 1710 по 1715 г. Угличемъ правилъ комендантъ А. И. Нарышкинъ; съ этого года онъ править угличскою долей въ качествѣ ландрата вплоть до 1719 г., когда ландраты были отмѣнены и когда онъ самъ былъ сдѣланъ ярославскимъ воеводой ²⁾. При дополнительныхъ назначеніяхъ въ московскую губернію около половины вновь назначенныхъ ландратовъ служили уже здѣсь въ качествѣ оберъ-комендантовъ и комендантовъ; разумѣется, проще всего и было оставлять ихъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они сидѣли, такъ какъ такой порядокъ не вызывалъ перерыва въ и безъ того медленномъ теченіи губернскихъ дѣлъ, связаннаго со всякою переменною въ административномъ персоналѣ. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ вся перемена сводилась только къ переменѣ названій при неподвижности лицъ, ихъ носившихъ, подобно тому какъ и раньше уѣздный воевода перепменовывался въ коменданты. Мы видѣли одинъ случай, когда при назначеніи ландрата въ долю была принята во вниманіе симпатія къ нему жителей. Но если принималась во вниманіе симпатія, то не оставалась иногда безъ вниманія и антипатія управляемыхъ или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе сильныхъ изъ нихъ. Ландратъ А. П. Шетневъ, доля котораго состояла изъ части московскаго уѣзда, не умѣлъ поладить съ властями Троице-Сергіевскаго монастыря. Монастырь билъ челомъ сенату объ изъятіи его земель и крестьянъ изъ вѣдѣнія этого ландрата и о запрещеніи ему вѣзжати въ монастырскія слободы и деревни, ссылаясь на „ссору“ съ ландратомъ и на „налоги“, чинимые имъ крестьянскому населенію монастырскихъ земель. Монастырь оказался настолько силенъ, что сенатъ предписалъ московскому губернатору Шетнева изъ той доли,

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 125, л. 218.

²⁾ Ibid. Дѣла угличской воев. канц., *passim*.

которою онъ правилъ, вывести и назначить въ другую долю, притомъ въ такую, въ которой бы не было владѣній монастыря ¹⁾).

Самъ собою возникаетъ вопросъ, не руководился ли губернаторъ при назначеніи ландрата въ извѣстную долю земельной связью ландрата съ послѣднимъ, другими словами, не назначался ли въ долю тотъ ландратъ, чьи помѣстья въ ней находились? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно указать и такую связь. Кн. Вадбольскому, ландрату архангелогородской губерніи, была дана солигалицкая доля. Князь владѣлъ землей въ нѣсколькихъ уѣздахъ: ярославскомъ, костромскомъ, дмитровскомъ и, между прочимъ, въ галицкомъ уѣздѣ за нимъ состояло 6 крестьянскихъ дворовъ ²⁾. Но вообще земельная связь не была правиломъ. Другой ландратъ той же губерніи А. М. Даниловъ-Домнинъ правилъ велико-устюжской долей, въ которой землю не владѣлъ, такъ какъ его имѣнія находились въ вологодскомъ, ярославскомъ и кинешемскомъ уѣздахъ. Итакъ ландратомъ въ долю не назначался непременно землевладѣлецъ доли. По большей части ландратъ, владѣя двумя-тремя десятками дворовъ, принадлежа къ среднему землевладѣльческому классу, какимъ были „царедворцы“, былъ связанъ земельными владѣніями лишь съ той губерніей, въ которой онъ служилъ. Но даже и въ этомъ случаѣ можно указать исключенія. Ландратъ темниковской доли азовской губерніи имѣлъ недвижимое имущество только въ тульскомъ и дѣдиловскомъ уѣздахъ тогдашней московской губерніи, гдѣ у него было 11 дворовъ ³⁾. При назначеніи въ ландраты съ 1716 г. отставныхъ офицеровъ, какъ уже показано было выше, попадали въ эту должность лица, не владѣвшія нигдѣ никакими недвижимыми имуществами, и даже самое это отсутствіе земельного имущества служило мотивомъ ихъ назначенія. Итакъ ландратъ — по большей части землевладѣлецъ той губерніи, въ которой онъ служилъ, только иногда той доли, которою онъ правилъ, а въ рѣдкихъ случаяхъ онъ не связанъ землею ни съ губерніей, ни съ долей, потому что и не былъ вовсе землевладѣльцемъ. Вообще связь у ландрата съ долей была чаще по прежней службѣ его въ качествѣ коменданта, чѣмъ по землѣ. При такомъ отношеніи ландрата къ долѣ нельзя смотрѣть на него, какъ на представителя мѣстнаго землевладѣльческаго класса доли.

¹⁾ Ibid. Дѣла сената, кн. 117, л. 692.

²⁾ Ibid., кн. 78, л. 731 и сл.; кн. 641, л. 328; кн. 78, л. 757.

³⁾ Ibid., кн. 68, л. 53.

4.

Административная и судебная дѣятельность ландрата въ доли.

Реформа 28-го января 1715 г. вызвала во многих мѣстах большое неудовольствіе среди сельскаго населенія. Едва только были образованы доли, и ландраты изъ членовъ губернскаго совѣта сдѣлались самостоятельными областными правителями, какъ уже сенатомъ получены были свѣдѣнія, что эти новые областные правители вѣдять по уѣздамъ, ставятъ въ селахъ и въ деревняхъ на крестьянскихъ дворахъ, берутъ подводы и кормы, гонятъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ они останавливаются по недѣлѣ и больше, отчего крестьянамъ чинятся раззореніе и великіе убытки. Въ этихъ тягостяхъ, причиняемыхъ крестьянамъ, самъ ландратъ былъ менѣе всего виновенъ. Дѣло въ томъ, что, будучи назначенъ правителемъ доли, онъ оказывался въ ней совершенно безъ пристанища, въ особенности когда онъ не былъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ. Не имѣя постоянного мѣстожителства, онъ принужденъ былъ скитаться по своей долѣ и перѣзжать изъ деревни въ деревню, возобновляя, такимъ образомъ, въ началѣ XVIII в. древнее „полюдьѣ“ первыхъ русскихъ князей. Указъ сената 1-го іюня 1716 г., излагающій тягости сельскаго населенія отъ этого кочеванья бродячей администраціи, и былъ направленъ къ тому, чтобы дать ей осѣдность. Тѣмъ ландратамъ, въ доляхъ которыхъ находились города, предписывалось жить и открытъ свои присутствія въ оказавшихся теперь свободными комендантскихъ дворахъ. Для остальныхъ, доли которыхъ не включали въ себѣ городовъ съ комендантскими домами, должны были быть выстроены особые дворы .посреди самой доли, въ дворцовыхъ или монастырскихъ селахъ. Въ такой ландратской резиденціи, кромѣ „хоромъ“ для житья самого ландрата, должны были находиться еще: „приказъ“, т.-е. канцелярія и судебная камера ландрата и тюрьма для колодниковъ. Средства на постройку этихъ ландратскихъ дворовъ въ доляхъ должно было собрать населеніе доли по 200 руб. на каждый дворъ, и затѣмъ уже запрещалось ландратамъ подъ опасеніемъ суроваго взысканія стоять на крестьянскихъ дворахъ или брать подводы отъ деревни до деревни ¹⁾).

Какого-нибудь общаго наказа или инструкціи, опредѣляющихъ под-

робно обязанности ландрата, въ родѣ воеводскихъ наказовъ, издано не было. Поэтому очеркъ ихъ обязанностей приходится конструировать изъ отрывочныхъ данныхъ: отдѣльныхъ указовъ и памятниконъ ихъ дѣлопроизводства. На ландрата, какъ областного правителя, возлагались нѣкоторыя обязанности общаго полицейскаго характера. Во-первыхъ, ему поручалось непосредственное исполненіе различныхъ распоряженій губернской или центральной власти. Во-вторыхъ, на ландрата возлагался также и надзоръ за исполненіемъ указовъ со стороны населенія доли. Такъ, напр., ландраты должны были наблюдать за исполненіемъ указа о дѣланіи широкихъ полотентъ; имъ предписывалось смотрѣть за соблюденіемъ законовъ о винокурени; они же должны были слѣдить за хожденіемъ подвѣдомственнаго населенія ежегодно на исповѣдь и налагать штрафъ на неходящихъ ¹⁾. Далѣе полиція безопасности уже давно входила въ кругъ дѣятельности областной администраціи и, разумѣется, включалась въ составъ обязанностей ландратовъ, которымъ и поручалось заботиться объ искорененіи воровскихъ людей, бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ ²⁾. Подобно прежнимъ воеводамъ ландраты въ чрезвычайныхъ случаяхъ должны были принимать мѣры и санитарной полиціи, а именно въ случаяхъ моровой язвы. Въ 1718 г. къ ландратамъ двухъ долей кievской губерніи, гдѣ появилась повальная болѣзнь, были командированы лѣкаря изъ аптекарскаго приказа. По пріѣздѣ послѣдніе должны были явиться къ ландратамъ и съ ними отправиться въ неблагополучныя мѣста, при чемъ имъ предписывалось во всемъ быть послушнымъ ландратамъ. Медицинскій персоналъ командировался на мѣсто заразы вовсе не затѣмъ, чтобы принести какую-нибудь медицинскую помощь пострадавшему населенію: онъ обязанъ былъ только произвести діагнозъ болѣзни, „на людяхъ оной моровой язвы осмотрѣть и освидѣтельствовать подлинно“ и донести сенату. Не ему даже поручалось и принятіе санитарныхъ мѣръ. Объ этихъ мѣрахъ должны были уже позаботиться сами ландраты. Онѣ были все тѣ же, какія принимались и въ XVII в.: пораженная мѣстность оцѣплялась заставами для прекращенія всякихъ сношеній, и здѣсь и тамъ „въ пристойныхъ мѣстахъ“ сооружались вясѣлицы, видъ которыхъ долженъ былъ предотвращать попытки со стороны оцѣпленныхъ прорваться черезъ окружавшее ихъ кольцо ³⁾.

¹⁾ П. С. З. № 2943, 2991, 3101, 3107.

²⁾ П. С. З. № 2900.

³⁾ П. С. З. № 3234.

Но не полицейскія обязанности занимали первое мѣсто въ дѣятельности ландрата. Изучая подробно эту дѣятельность, нельзя не замѣтить въ ней преобладающаго развитія двухъ функцій. Въ 1715 г. протопопу московскаго успенскаго собора было предписано привести къ присягѣ вновь назначенныхъ въ дополненіе къ прежнему числу ландратовъ московской губерніи. При этомъ протопопу указано было при этомъ обрядѣ имъ объявить, что имъ, ландратамъ, слѣдуетъ передъ Господомъ Богомъ, сотворшимъ всяческая, исполнять свое званіе честно, чисто, нелицемерно, но паче ревностно, а далѣе въ указѣ разъяснялось, въ чемъ состояли обязанности этого званія. Оказывается, что ихъ было двѣ: во-первыхъ— правда и правый судъ между людьми; во-вторыхъ— крѣпкое сохраненіе казны и прочаго всего, чего государя и государства его интересы требуютъ ¹⁾. Если мы переставимъ эти двѣ обязанности въ порядкѣ обратномъ тому, въ какомъ ихъ перечисляетъ указъ о присягѣ, мы получимъ истинное представленіе о значеніи дѣятельности ландрата. Финансовое управленіе и правосудіе— вотъ два главные предмета этой дѣятельности.

Въ области финансоваго управленія надзору ландрата прежде всего поручается всякое казенное имущество. Вотъ примѣры. Ландратамъ предписывается охранять заповѣдныя лѣса ²⁾. Въ 1716 г. въ угличской долѣ правительствомъ былъ конфискованъ хлѣбъ, принадлежавшій Афанасьевскому монастырю, и были запечатаны монастырскія житницы. Этотъ хлѣбъ въ запечатанныхъ житницахъ и находится подъ вѣдѣніемъ угличскаго ландрата, къ которому игуменъ монастыря и крестьяне монастырскихъ вотчинъ обращаются съ челобитною о выдачѣ нѣкоторой части хлѣба на посѣвъ ³⁾. Ландрату принадлежитъ также распоряженіе различными статьями, представлявшими тогда предметъ казеннаго дохода. Только съ разрѣшенія ландрата можно было, на примѣръ, построить въ уѣздѣ баню, мельницу или кабакъ ⁴⁾. Какъ извѣстно, указами 1699 г. таможенное и питейное управленіе было передано особымъ таможеннымъ и кабацкимъ бурмистрамъ, которые были подчинены земскимъ бурмистрамъ. Тѣмъ не менѣе и ландратамъ предоставлено было нѣкоторое вмѣшательство въ область этого управленія. Земскіе бурмистры города Бѣжецка распорядились

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла юстицъ-коллегии, вѣзка 1955, д. 30.

²⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 69, л. 100.

³⁾ Ibid. Дѣла угличской пров. канцеляріи, № 150.

⁴⁾ Ibid. Дѣла угличской пров. канцеляріи, № 140.

въ 1716 г. перевести кабакъ изъ села Теблеши въ вотчину Симонова монастыря—села Еско. Но подьячіе, посланные исполнить это распоряженіе, встрѣтили со стороны крестьянъ села Еска самый упорный отказъ, такъ какъ эти посланные не захватили съ собой „послушнаго указа“ о переводѣ кабака на ихъ землю отъ бѣжецкаго ландрата ¹⁾). Указомъ того же 1716 г. было предоставлено ландратамъ право разрѣшать винокуреніе частнымъ лицамъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ. Они должны были для установленія этихъ размѣровъ осматривать привезенную просителями посуду для куренія вина и, измѣривъ ее семи-вершковымъ ведромъ, налагать на нее казенныя клейма. Имъ же вмѣнялось въ обязанность штрафовать нарушителей указа о частномъ винокуреніи ²⁾).

Ландраты вѣдали и всякіе казенные сборы съ уѣзднаго населенія доли, прямые и косвенные, кромѣ таможенныхъ и кабацкихъ, находившихся въ сферѣ вѣдомства городской администраціи ³⁾). Такъ ландратъ двинской доли съ подвѣдомственного ему населенія собиралъ прямые сборы двухъ видовъ: во-первыхъ, постоянные, *окладные*, куда относились: а) старые: стрѣлецкія деньги, сборъ въ военный приказъ, сборъ въ адмиралтейскій приказъ на починку кораблей, сборъ въ земскій приказъ на содержаніе рекрутъ и, наконецъ, сборъ въ ямской приказъ, и б) „новоположенные“: на дѣло кирпича, на покупку всякихъ припасовъ къ городовымъ дѣламъ, на известное жженіе и на дачу драгунамъ и солдатамъ въ мясоѣдные дни; во-вторыхъ, экстренные, *запросные*: за петербургскій и рижскій провіантъ, за адмиралтейскій провіантъ, на дачу петербургскимъ работникамъ и плотникамъ, на покупку припасовъ къ строенію архангелогородской крѣпости, на содержаніе рекрутъ. Въ эту же категорію запросныхъ сборовъ отнесенъ почему то и сборъ на содержаніе ландратовъ и комиссаровъ.

¹⁾ Ibid. Дѣла бѣжецкаго уѣздн. суда, оп. II, д. 206.

²⁾ II. С. З. № 2990.

³⁾ Иногда, впрочемъ, въ предѣлахъ доли появляются особые чрезвычайные сборщики. Это можно наблюдать въ трехъ случаяхъ: 1) для взиманія какого-либо чрезвычайнаго сбора. Такъ сборъ денегъ на канальное дѣло былъ порученъ въ азовской губерніи помимо ландратовъ особымъ сборщикамъ, жаловавшимся, что ландраты не чинятъ имъ вспоможенія (М. арх. мин. юст. Дѣла. сен. кн. 69, л. 306), 2) когда правительство было недовольно медленностью ландратовъ, 3) въ случаѣ отсутствія ландратовъ и комиссаровъ изъ доли. Такъ кievская губернія въ 1717 г. доносила на запросъ сената, что въ ней находится нѣсколько нарочныхъ сборщиковъ, назначенныхъ вмѣсто тѣхъ ландратовъ, которые „забраны въ Курскъ по слѣдственному дѣлу“. М. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 112, л. 431.

Косвенные сборы, которые поступали въ кассу доли, состояли изъ оброчной платы за содержаніе различныхъ статей, считавшихся регла-ліями. Таковы были сборы съ бань, съ мельницъ, съ рыбныхъ ловель, съ оброчныхъ земель. Сюда же относились и всякаго рода пошлины, какъ-то: конскія (съ пятнанія коней), гербовый сборъ и разнаго рода пошлины, взимавшіяся въ ландратской канцеляріи при производствѣ частныхъ дѣлъ, напримѣръ, печатныя пошлины съ явочныхъ и мировыхъ челобитныхъ и т. п. ¹⁾ Какъ сказано выше, важнѣйшіе изъ косвенныхъ сборовъ: таможенные и питейные были изъяты изъ вѣдѣнія ландратовъ; однако это дѣленіе не всегда послѣдовательно соблюдалось правительствомъ. Такъ въ 1717 г. было предписано ландратамъ вмѣстѣ съ переписными книгами привезти также въ Петербургъ, для соображеній по поводу подготовлявшейся тогда реформы всѣхъ государственныхъ учрежденій по шведскому образцу, вѣдомости за предыдущіе годы по всѣмъ видамъ сборовъ, въ томъ числѣ по таможеннымъ и питейнымъ. По этому указу губернаторами было предписано городскимъ бурмистрамъ составить такія вѣдомости и представить ихъ ландратамъ ²⁾.

Собранныя съ доли деньги ландратъ долженъ былъ переправить въ губернской или столичный центръ. Большая часть шла въ губернію, на которой лежала уже въ свою очередь доставка въ ту или другую изъ центральныхъ кассъ ³⁾. Но нѣкоторые сборы ландраты должны были отправлять прямо въ столичный центръ и, такимъ образомъ, въ финансовомъ управленіи стройность областной іерархіи иногда нарушалась. Въ 1717 г. было указано ландратамъ собрать въ своихъ

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 78, л. 1003.

²⁾ Ibid. Дѣла сената, кн. 78, л. 730 и слѣд.; кн. 112, л. 107.

³⁾ Нити управленія долями сходились въ губернской канцеляріи, и доли распредѣлялись между ея столами сверхъ всѣхъ прочихъ дѣлъ, сосредоточенныхъ въ столахъ и, повидимому, безъ всякой связи съ этими дѣлами. Такъ 10 долей архангелогородской губерніи были слѣдующимъ образомъ раздѣлены между столами ея канцеляріи по двѣ на каждый: въ завѣдываніи денежнаго стола: двинская и устюжская; въ отчетномъ столѣ: тотемская и важская; остальные распредѣлялись между столами: провіантскимъ, суднымъ и переписнымъ. Особенностью устройства этой губерніи были двѣ губернскія канцеляріи: одна въ Архангельскѣ, другая въ Вологдѣ. Губернаторъ присутствовалъ въ той и въ другой поочередно. Долями (кроме двинской) завѣдывали также и столы вологодской канцеляріи. Здѣсь онѣ были расписаны по столамъ уже совсѣмъ иначе. А именно, слѣдующіе столы завѣдывали каждой одною долей: счетный столъ—киношеская д.; денежный—унженская; рекрутскій—солигалицкая; провіантскій—тотемская; судный—устюжская; фискальскій—важская; столъ безъ названія—обѣ вологодскія доли. Дѣла сената, кн. 78, л. 492 и сл.

доляхъ по рублю со двора на провіантъ для арміи и выслать эти деньги прямо въ Петербургъ въ особую канцелярію подрядныхъ дѣлъ, не отправляя ихъ къ губернаторамъ. Этимъ же самымъ указомъ ландратамъ предписывалось выслать съ особыми счетчиками и комиссарами недоимку провіантскихъ сборовъ прошлыхъ лѣтъ прямо въ канцелярію сената ¹⁾. Благодаря этимъ непосредственнымъ отправкамъ денегъ въ Петербургъ и возникла непосредственная переписка сената съ ландратами помимо губернской инстанціи.

Только микроскопическая часть сборовъ расходовалась ландратомъ на мѣстѣ: она шла на содержаніе ландратскаго управленія, на жалованье самому ландрату и его подчиненнымъ и на канцелярію. Такимъ образомъ, ландратъ, какъ и прежній воевода, являлся финансовымъ агентомъ центрального правительства, а не хозяиномъ области, который бы могъ затрачивать нѣкоторую долю собранныхъ ресурсовъ на ея благоустройство. Но важное отличіе института ландратовъ отъ прежнихъ воеводъ и заключалось въ томъ, что ландратамъ назначены были опредѣленные оклады содержанія, частью деньгами (ландрату 120 руб. въ годъ, комиссару 60), частью натурой (120 четв. хлѣба первому и 60 второму). Это назначеніе областной администраціи опредѣленнаго содержанія слѣдуетъ считать очень важнымъ моментомъ въ ея развитіи, такъ какъ этой мѣрой ей сообщался новый, европейскій характеръ. Въ воеводѣ XVII вѣка было все-таки гораздо больше стариннаго кормленщика, чѣмъ европейскаго чиновника. Для ландрата, получавшаго опредѣленное жалованье, „кормъ“ уже былъ излишнимъ; онъ обращался въ запретное „лакомство“, отъ котораго могъ пострадать самый „животъ“ ландрата, такъ какъ суровые указы грозили за взяточничество лишеніемъ жизни. Впрочемъ, содержаніе ландрата имѣло нѣкоторое сходство со стариннымъ кормомъ волостеля, а именно то, что оно было положено на управляемую имъ мѣстность, на которую падало въ видѣ особаго налога. Именно на содержаніе ландратскаго управленія былъ назначенъ специальный сборъ по гривнѣ съ двора, кромѣ натурального сбора хлѣбомъ. Весь излишекъ отъ этого сбора за раздачей жалованья долженъ былъ дѣлиться въ качествѣ награды между ландратомъ и другими чинами доли пропорціонально ихъ окладамъ. Чтобы показать наглядно размѣры стоимости содержанія ландратскаго управленія, приведемъ нѣсколько цифръ. По двинской долѣ архангелогородской губерніи въ

¹⁾ П. С. З. № 3113.

1716 г. было отправлено въ губернскую канцелярію: съ двинскаго уѣзда 15.012 руб., съ кеврольскаго 5.426 руб. и съ мезенскаго 4.432 руб., всего—24.870 руб., а на жалованье штату ландратскаго управленія доли было израсходовано 177 руб. Сверхъ того на содержаніе самой канцеляріи ландрата, на покупку свѣчъ сальныхъ, чернилъ, дровъ и „другіе мелочныя приключающіеся расходы, безъ которыхъ пробыть неможно“, было издержано 67 руб. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что гривенный сборъ на содержаніе мѣстной администраціи производился только съ одного изъ уѣздовъ доли, съ двинскаго. Такъ какъ его оказалось вполне достаточно для этого содержанія, то съ другихъ уѣздовъ такой же сборъ уже не взимался. Замѣтимъ еще, что ландратское жалованье, попавъ въ руки ландратамъ, иногда скоро выскальзывало изъ нихъ. Дѣло въ томъ, что чины областной администраціи могли его получать только послѣ того, какъ они исполнили предъявлявшіяся къ губерніи финансовыя требованія и выслали всю причитавшуюся съ нея сумму. Если при счетѣ въ Петербургѣ оказывалось, что губернія не выслала положенныхъ съ нея денегъ, взятое ландратами жалованье предписывалось взыскать съ нихъ обратно. Такъ въ 1717 г. было повелѣно въ губерніяхъ, оказавшихся неисправными въ высылкѣ денегъ за три послѣдніе года: 1714, 1715 и 1716, вернуть полученное за эти года жалованье. Подъ дѣйствіе этого указа подпала и двинская доля, и эти 177 руб., взятые ея администраціей въ 1716 г., были съ нея доправлены обратно ¹⁾.

Итакъ ландратская доля была только второстепенною и притомъ чисто служебною частью того болѣе усовершенствованнаго аппарата, который былъ введенъ Петромъ для болѣе энергичнаго вытягиванія изъ населенія ресурсовъ, необходимыхъ на высшія государственныя задачи. Никакого самостоятельнаго значенія въ финансовомъ отношеніи она не имѣла и изъ ея кассы не шло ни единой копѣйки на то, что мы называемъ мѣстными пользами и нуждами. Въ ней оставалось только нѣсколько крохъ на содержаніе самаго персонала администраціи, но даже и эта ничтожная сумма часто опять отбиралась въ казну. Ландратъ, лишенный всякихъ ресурсовъ, не могъ быть заботливымъ хозяиномъ мѣстности, не могъ предпринимать какихъ либо улучшеній въ ея интересахъ, что входитъ теперь въ обязанности мѣстнаго управленія. По финансовому управленію онъ былъ только простымъ исполнителемъ распоряженій высшаго правительства, про-

¹⁾ Моск. арх. инв. вст. Дѣла сената, кн. 78, л. 1003. П. С. З. №№ 3034, 3078.

стымъ его финансовымъ агентомъ, обязаннымъ собрать съ населенія положенную на это послѣднее сумму и доставить ее въ центральную кассу.

Но была въ дѣятельности ландрата и другая функція, которая была обращена на пользу мѣстнаго населенія. Это былъ судъ. Мы и должны перейти теперь къ изученію судебной дѣятельности ландрата.

Указъ 28-го января 1715 г. проводилъ рѣзкую границу въ судебной компетенціи ландрата, подчиняя ему въ этомъ отношеніи только сельское населеніе и исключая изъ сферы его вѣдомства посадское населеніе города: „посадскихъ людей во всѣхъ губерніяхъ ландратамъ ни въ чемъ не вѣдать и ни въ какія ихъ дѣла не вступать... А въ искахъ своихъ бить челомъ посадскимъ на крестьянъ ландратамъ, а крестьянамъ на посадскихъ земскимъ бурмистрамъ“. Передъ судебскимъ столомъ ландрата въ его приказной избѣ появлялись оба класса сельскихъ жителей: и помѣщики, и крестьяне. Помѣщики судились у ландрата между собою и съ чужими крестьянами, иногда впрочемъ и съ своими крестьянами. Крестьянскія тяжбы подлежали ландратской юрисдикціи тогда, когда сторонами были крестьяне разныхъ владѣльцевъ, такъ какъ крестьяне одного владѣльца въ тяжбахъ между собою, кромѣ важныхъ уголовныхъ дѣлъ, судились вотчиннымъ судомъ помѣщика или его приказчика. Эта социальная среда, въ которой дѣйствовала ландратская юрисдикція, не могла не отразиться на характерѣ судебныхъ дѣлъ, сохранившихся до насъ въ архивахъ ландратскихъ канцелярій. Дѣла о важнѣйшихъ уголовныхъ преступленіяхъ: убійствахъ, грабежахъ и разбояхъ, статистика которыхъ могла бы поразить насъ ихъ значительнымъ количествомъ, все-таки тонутъ въ массѣ дѣлъ о завладѣніи землей, о бѣглыхъ крестьянахъ, о потравахъ, покосахъ, порубкахъ, угнанныхъ лошадей и тому подобныхъ тяжбъ чисто сельскаго характера. Изъ 56 взятыхъ наудачу дѣлъ, сохранившихся отъ угличской ландратской канцеляріи съ № 144 по № 200 по реэстру этихъ дѣлъ, 50 дѣлъ судебныхъ. Изъ нихъ 25 приходится на поземельныя дѣла и производства о бѣглыхъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, остальная половина состоитъ изъ дѣлъ очень разнообразныхъ видовъ. Тутъ есть и гражданскіе иски по торговымъ дѣламъ, и дѣла о кражахъ, и отыскиваніе свободы крѣпостнымъ, и приводъ пойманныхъ невѣдомыхъ людей, и дѣло объ увозѣ крестьянской дѣвки, и побѣгъ жены отъ мужа, и извѣтъ свекора о беременности снохи, имѣющій цѣлью выгородить

его отъ подозрѣнія въ этомъ обстоятельствѣ, и всевозможныя формы кулачной расправы, и, наконецъ, дѣла по преступленіямъ политическимъ. Къ этому послѣднему роду дѣлъ относятся обыкновенно случаи заявленія за собою „сударева слова и дѣла“, оканчивавшіеся двоякимъ образомъ: или отправкой сдѣлавшаго такое заявленіе въ Москву въ преображенскій приказъ въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно имѣлъ что нибудь показать, или же расправой въ ландратской канцеляріи и отдачею на поруки, когда заявлявшій, протрезвившись въ тюрьмѣ, объяснялъ, что онъ сказалъ за собою „сударево слово“ пьянымъ дѣломъ ¹⁾).

На ландратѣ лежало также производство дѣлъ въ охранительномъ порядкѣ. При переходѣ земли по наслѣдству онъ, получивъ указъ изъ помѣстнаго приказа, отправлялъ изъ своей канцеляріи подьячаго производить „отказъ“ имѣніи, т. е. совершать ввѣдъ во владѣніе того лица, къ которому оно переходило. Въ его же распоряженіи состояла и нотаріальная часть—подьячіе у крѣпостныхъ дѣлъ и надсмотрщики надъ крѣпостными дѣлами, какъ назывались тогдашніе нотаріусы. Наконецъ, ему же принадлежало и завѣдываніе межевою частью. Хотя указъ 28 января 1715 г. и пытался сосредоточить межевыя дѣла въ вѣдомствѣ ландрихтера, предписывая губернатору посылать его въ ландратскія доли въ тѣхъ случаяхъ, если „споръ какой въ земляхъ будетъ—для межеванья“, однако на практикѣ, какъ видно изъ сохранившихся документовъ, межеванье производилось ландратами. Въ 1716 г. въ московскомъ уѣздѣ въ долѣ ландрата А. П. Шетнева произошелъ „споръ въ земляхъ“ между Троицкимъ-Стромынскимъ монастыремъ, подчиненнымъ Троице-Сергіеву, и братьями Вяземскими, изъ коихъ старшій, Никифоръ, былъ преподавателемъ царевича Алексѣя. Братья обратились въ помѣстный приказъ съ просьбой ихъ земли досмотрѣть, измѣрить и отъ смежныхъ земель отмежевать. Межеванье и производилъ ландратъ Шетневъ, на котораго монахи жаловались, что онъ при этомъ не обратилъ вниманія на поданныя ими челобитныя о захватѣ братьями Вяземскими монастырскихъ пустошей Козина, Митнева и Сетова, и ходатайствовали передъ сенатомъ о томъ, чтобы ландрату Шетневу „у онаго межеваго дѣла за означенными ссорами не быть“ ²⁾).

Въ судебномъ отношеніи ландратъ былъ первой инстанціей. Слѣ-

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла угличской пров. канц.

²⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 117, л. 692.

дующей высшей былъ губернаторъ по указу 28 января 1715 г., предписывавшему: „буде изъ ландратовъ кто нападками своими учинить кому какую обиду или судъ неправый сдѣлаеть, и на того обидимому (о судѣ) бить челомъ губернатору“. Этими словами указа устанавливается апелляция отъ ландрата къ губернатору. Въ своихъ распоряженіяхъ относительно ландратовъ сенатъ выдвигаетъ губернатора, какъ непосредственно высшую инстанцію надъ ними, занимающую середину между ландратами и сенатомъ. Въ 1718 г. стольникъ Сумароковъ обратился въ сенатъ съ жалобой на ландрата одной изъ долей казанской губерніи, который не удовлетворилъ его въ дѣлѣ о бѣглыхъ его крестьянахъ. Сенатъ предписалъ разобрать дѣло казанскому губернатору ¹⁾. Эти жалобы сопровождались различными послѣдствіями для ландратовъ: изъятіемъ просителя изъ подсудности ландрату вслѣдствіе недружелюбныхъ отношеній за нимъющеюся между ними „приказною ссорой“, т. е. гражданскимъ процессомъ, и передачей дѣла другому ландрату, а иногда и возбужденіемъ слѣдствія противъ ландрата. Въ 1715 г. у Троицкаго монастыря возникло дѣло съ однимъ изъ сосѣдей помѣщиковъ по монастырской вотчинѣ въ юрьевъ-польскомъ уѣздѣ окольныхчичимъ Акинфіевымъ. Дѣло заключалось въ томъ, что приказчикъ Акинфіева, пріѣхавъ на поля монастырскихъ крестьянъ „наряднымъ дѣломъ съ ружьемъ“, загналъ къ себѣ монастырское стадо, а пастуховъ билъ смертнымъ боемъ, и „за такимъ лошадинымъ отогнаніемъ“, какъ жаловался монастырь, учинилась имъ, крестьянамъ, въ ихъ работѣ остановка и разореніе. Монастырь обратился къ мѣстному ландрату М. Трусову, но затѣмъ принужденъ былъ жаловаться на него губернатору въ томъ, что онъ, „дружа и норовя“ приказчику Акинфіева, не рѣшилъ дѣла. Былъ назначенъ вполнѣ согласно съ указомъ 28 января 1715 г. ландрихтеръ ѣхать въ юрьевскую долю для разслѣдованія по этому дѣлу ²⁾.

Въ качествѣ первой инстанціи ландратъ не могъ „вершить“ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ, приводившихъ къ смертному приговору, не снесясь съ губернской инстанціей, и потому, напримѣръ, угличскій ландратъ Нарышкинъ, разобралъ въ 1718 г. дѣло объ убійствѣ крестьяниномъ его доли неизвѣстнаго человѣка, пущеннаго убійцей переночевать въ свою избу, произведя „розыскъ“, т. е. допросъ съ

¹⁾ Ibid. Дѣла сената, кн. 105. л. 868.

²⁾ Докл. и приг. V, № 411. Моск. арх. мин. юст. Дѣла юст. колл. влз. 1954, л. 13. Дѣла сената, кн. 121, л. 227.

пыткой виновному, за приговоромъ обратился въ петербургскую губернскую канцелярію ¹⁾). Въ этомъ случаѣ ландратъ, подготовивъ дѣло къ приговору, самъ обращается за нимъ къ высшей инстанціи, по тѣмъ или инымъ причинамъ не считая себя компетентнымъ для его постановленія. Но въ другихъ случаяхъ ландратъ подготавливаетъ дѣло по порученію высшей же инстанціи, являясь ея исполнительнымъ органомъ. Ему поручалось произвести на мѣстѣ слѣдствіе, результаты котораго онъ долженъ былъ сообщить въ высшую инстанцію. Въ 1715 г. Спасоприлуцкій монастырь билъ челомъ архангелогородскому вице-губернатору на посадскихъ людей тотемцевъ въ неправильной разверсткѣ казеннаго тягла между городскими и монастырскими владѣніями, и изъ губернской канцеляріи отправляется къ ландрату тотемской доли указъ съ предписаніемъ „ихъ, тотемцевъ, допросить и сыскать въ чемъ надлежитъ о всемъ подлинно, и тѣ допросы, и сыски, и свидѣтельства прислать въ Вологду въ канцелярію“ ²⁾). Дворцовые крестьяне чамеровской волости новоторжскаго уѣзда, которыми правил особый комендантъ, выведенные изъ терпѣнія его притѣсненіями и поборами, обратились на него съ жалобой въ петербургскую губернскую канцелярію, и эта послѣдняя поручаетъ произвести слѣдствіе по этому дѣлу угличскому ландрату ³⁾). Такія судебныя порученія даются ландрату не только губернской инстанціей, но также иногда и совершенно посторонними вѣдомствами. Такъ, новгородскій ландратъ Мякиннинъ въ 1718 г. производилъ слѣдствіе по порученію находившейся въ Петербургѣ подрядной канцеляріи, завѣдывавшей подрядами по постройкѣ канала и поставкѣ провіанта занятымъ этой постройкой рабочимъ ⁴⁾).

5.

Отношеніе ландрата къ церковнымъ землямъ и къ посадскому населенію.

Прямому вѣдѣнію ландрата въ долѣ подлежало только населеніе частновладѣльческихъ и государственныхъ земель. Отношеніе его къ населенію земель церковныхъ не было строго опредѣлено и подвер-

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла угличской пров. канц. № 255.

²⁾ Ibid. Дѣла сената кн. 80, л. 636—861.

³⁾ Ibid. Дѣла угличск. пров. канц. № 164.

⁴⁾ Ibid. Дѣла сената, кн. 604, л. 82.

галось постояннымъ колебаніямъ. Въ 1701 г. по смерти послѣдняго патріарха былъ вновь восстановленъ для завѣдыванія церковными землями различныхъ категорій: патріаршими, архіерейскими, монастырскими и владѣніями церкви прекратившій въ 1677 г. свое существованіе монастырскій приказъ, который и долженъ былъ теперь столкнуться съ областною администраціей, такъ какъ въ указахъ, учреждавшихъ этотъ приказъ, не опредѣлялось его отношеніе къ областной администраціи, а въ указахъ, устанавливавшихъ эту послѣднюю, не разграничивалась сфера ея вѣдомства отъ сферы вѣдомства монастырскаго приказа. Разграниченіе это созидалось практикой, вызывавшей отдѣльныя распоряженія. Монастырскій приказъ стремился выдѣлиться въ особое самостоятельное вѣдомство, ни въ чемъ не зависящее отъ губернскаго управленія. Губернія, напротивъ, стремилась не дѣлать никакого различія между церковными и свѣтскими землями. Узломъ вопроса была отвѣтственность губерніи за исправный сборъ всѣхъ падавшихъ на нее податей и повинностей передъ высшимъ правительствомъ, такъ какъ въ общій итогъ тяглыхъ дворовъ, по которому разверстывались подати и повинности по губерніямъ, входили также и церковныя земли, но отдѣляясь отъ свѣтскихъ, и губернія должна была отвѣчать не только за сборъ съ свѣтскихъ, но также и за сборъ съ церковныхъ земель. Между тѣмъ монастырскій приказъ настаивалъ на своемъ исключительномъ правѣ вѣдать церковныя земли, и установился такой порядокъ, по которому сборъ податей съ церковныхъ земель производился особыми областными чиновниками монастырскаго приказа, и затѣмъ уже вся сумма, приходившаяся на церковныя земли губерніи, вносилась приказомъ въ губернскую кассу. Общая областная администрація была отстранена отъ завѣдыванія церковными землями: указомъ 1706 г. было запрещено воеводамъ вѣзжать въ церковныя вотчины; все управленіе этими вотчинами—судъ, расправа и всякіе сборы, какъ тогда обозначалось понятіе управленія, было сосредоточено въ монастырскомъ приказѣ¹⁾. Такимъ образомъ выходило, что губернія дѣлалась отвѣтственной за тѣ сборы, которыхъ она не собирала, и отвѣтственность эта становилась весьма чувствительной, когда монастырскій приказъ запаздывалъ внести въ губернскую кассу сумму, причитающуюся за церковныя вотчины. Правительство знало только общую сумму податныхъ единицъ губерніи, т. е.

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 120, л. 1276 и сл. Горчаковъ, Монастырскій приказъ, 154.

тяглыхъ дворовъ, совершенно не различая тѣхъ частныхъ слагаемыхъ, изъ которыхъ эта общая сумма составлялась, и съ этой суммы оно взыскивало съ губерніи платежи, подвергая губернскую администрацію крутой расправѣ въ петровскомъ духѣ въ случаѣ какихъ-нибудь недоборовъ. Просьба московской губерніи „опредѣлить ее опричь“ сборовъ съ церковныхъ земель, т. е. предоставить монастырскому приказу вносить ихъ непосредственно помимо губернской кассы и такимъ образомъ исключить цифру дворовъ церковныхъ вотчинъ изъ общей губернской цифры, не была уважена¹⁾. Отсюда вполне естественно стремленіе губернскихъ властей вмѣшиваться въ управленіе церковными вотчинами. Описаніе церковныхъ земель въ эпоху такъ называемой ландратской переписи (1715—1718 гг.) производилось ландратами. Ландраты стали также вмѣшиваться въ финансовое и судебное управленіе этихъ земель. Лѣтомъ 1715 г. московская губернія уведомила монастырскій приказъ указомъ, во-первыхъ, о томъ, что управленіе долями съ производствомъ всякихъ сборовъ въ этихъ доляхъ со всѣхъ земель, не исключая и церковныхъ, поручено ландратамъ, а во-вторыхъ, о томъ, что ландраты приступать къ взиманію сборовъ съ церковныхъ земель, начиная съ слѣдующаго 1716 г. Монастырскій приказъ обратился на эти постановленія къ сенату съ жалобой. Въ ней онъ прежде всего ссылался на прежніе указы объ изъятіи управленія церковными землями изъ вѣдомства общей областной администраціи; затѣмъ приводилъ только что состоявшійся сенатскій указъ, въ которомъ говорилось, что „монастырскій приказъ съ губернской канцеляріей никакими дѣлами и сборы не соединенъ и всякое правленіе особо“, и запрещалось производить съ крестьянскихъ дворовъ церковныхъ земель сборъ на ландратское жалованье. Наконецъ, къ этой же жалобѣ былъ присоединенъ обширный докладъ о злоупотребленіяхъ ландратовъ московской губерніи, отъ которыхъ сильно страдало населеніе церковныхъ земель. Изъ этого доклада ясно, что на практикѣ ландраты не дѣлали никакого различія между свѣтскими и церковными землями своей доли. Кромѣ казенныхъ поборовъ они взимали также съ этихъ послѣднихъ сборъ денегъ и хлѣба себѣ на жалованье по указу 28 января 1715 г.; кромѣ денежныхъ сборовъ они производили также поборы людьми, требуя съ церковныхъ вотчинъ поставки не только рекрутъ, но и различнаго рода выборныхъ, необходимыхъ для ландратскаго управленія: счетчиковъ, цѣловальниковъ,

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 120, л. 1276 и сл.

сторожей для караула колодниковъ въ Москву, дежурныхъ для своего сѣзжаго двора и грамотныхъ людей для письмоводства въ своей канцеляріи. Ландраты учреждали „станціи“, т. е. временныя мѣста для своихъ остановокъ при разъѣздахъ по долѣ въ монастырскихъ дворахъ. Суровость всѣхъ этихъ требованій смягчалась обычной для того времени взяткой, и докладъ монастырскаго приказа подробно перечисляетъ, сколько съ каждой церковной вотчины дано было такому-то ландрату, насколько денегъ поднесено было льну и калачей дочери его ландратской и сколько взяли ландратскіе люди. Тамъ, гдѣ это средство не было пущено въ ходъ или плохо дѣйствовало, ландратъ или его помощникъ и замѣститель комиссаръ держитъ и бьетъ на правожѣ монастырскихъ старостъ и крестьянъ, сопровождая этотъ законный способъ взысканія съ несправныхъ плательщиковъ еще и проявленіями неукротимаго произвола. Докладъ припоминаетъ всѣ случаи, когда такой-то ландратъ или его помощникъ билъ монастырскаго крестьянина по щекамъ и „дралъ за бороду“, а такой-то „на мірскомъ сходѣ билъ полѣномъ“ старосту монастырскаго вотчины, приговаривая: „и всѣмъ имъ отъ нечю тожь будетъ, что и старостѣ ихъ было“. Эта жалоба монастырскаго приказа была сочувственно принята въ сенатѣ, который отмѣнилъ постановленіе московской губерніи о производствѣ сборовъ и суда въ церковныхъ земляхъ ландратами и предписалъ вернуться къ старому порядку доставленія сборовъ съ церковныхъ земель въ губернскую кассу монастырскимъ приказомъ, чиновники котораго должны были также вѣдать населеніе этихъ земель и въ судебномъ отношеніи. О ландратскихъ злоупотребленіяхъ велѣно было разслѣдовать московскому губернатору, но, повидимому, это слѣдствіе не состоялось ¹⁾. Дѣлая такое постановленіе, сенатъ однако не припомнилъ, что и самъ онъ очень незадолго до того нарушалъ прерогативы монастырскаго приказа. Въ 1715 г. крестьяне вотчины вологодскаго архіерея жаловались на притѣсненія отъ архіерейскихъ приказныхъ людей, которые вотчину разоряютъ, а старостъ держатъ въ цѣпяхъ въ заточеніи, и сенатъ, распорядившись о производствѣ слѣдствія по этому дѣлу архангелогородскимъ вице-губернаторомъ и изъявъ вотчину изъ вѣдомства вологодскаго архіерейскаго дома, предписалъ управлять ею вологодскимъ ландратамъ, а не чиновникамъ монастырскаго приказа ²⁾.

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Указанное выше дѣло. Приговоръ 24 августа 1716 г.

²⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 80, л. 373, пригов. 7 окт. 1715 г.

Итакъ, въ управленіи церковными землями вѣдомство губернской администраціи сталкивалось съ вѣдомствомъ монастырскаго приказа. На практикѣ ландраты нерѣдко захватывали это управленіе въ свои руки. Но въ законодательствѣ замѣтна тенденція, хотя и не безъ колебаній, сосредоточить управленіе этими землями въ рукахъ монастырскаго приказа ¹⁾.

Не менѣе сильному воздѣйствію ландратской власти подверглось и посадское населеніе. Когда самостоятельная организація городовъ съ московской ратушей во главѣ, учрежденная въ 1699 г., разстроилась благодаря введенію губерній, установившему восемь областныхъ финансовыхъ центровъ, Петра, очевидно, все-таки не покидала мысль о независимости городского управленія отъ мѣстной администраціи. Эта мысль ясно проведена въ указѣ 28-го января 1715 г. Подчиняя городское управленіе губернатору, указъ изъяслялъ его изъ подчиненія второстепеннымъ областнымъ правителямъ, ландратамъ, и запрещалъ имъ всякое вмѣшательство въ городскія дѣла. „Посадскихъ людей“, говорилось въ указѣ, „во всѣхъ губерніяхъ ландратамъ ни въ чемъ не вѣдать и ни въ какія ихъ дѣла не вступать, а имѣть имъ ради управленія своихъ дѣлъ и сборовъ земскихъ бурмистровъ за выборами съ вѣдома губернаторскаго. Такимъ образомъ, за городами сохранялось выборное управленіе подъ высшимъ непосредственнымъ надзоромъ губернатора, и ландраты были отстранены закономъ отъ всякаго соприкосновенія съ городомъ. На практикѣ, однако, мы видимъ постоянное вмѣшательство ландратовъ въ дѣла городского управленія.

Въ чемъ заключался губернаторскій надзоръ надъ городомъ? Прежде всего „съ вѣдома губернаторскаго“ должны были производиться городскіе выборы, и въ руки губернатора поступали протоколы этихъ выборовъ, а это значитъ, что избиратели являлись передъ нимъ ответственными за выбранныхъ ими кандидатовъ. На губернаторѣ лежала, далѣе, отвѣтственность за податную исправность городовъ, такъ какъ подати съ городского населенія должны были стекаться не въ московскую ратушу, какъ было до учрежденія губерній, а въ губернскую кассу, а эта отвѣтственность и вызывала, главнымъ образомъ, надзоръ губернатора надъ городомъ по финансовому управленію. Его же надзору подлежала также и судебная функція городского управленія, по отношенію къ которому въ этомъ случаѣ губернаторъ являлся высшей судебной инстанціей. По этотъ надзоръ губернатора

¹⁾ Горчаковъ, Монастырскій приказъ, 125—126, 141, 154, 157—162.

надъ городомъ не могъ осуществляться помимо тѣхъ орудій губернской администраціи, тѣхъ посредствующихъ органовъ между губернаторомъ и мѣстнымъ населеніемъ, какими съ 1715 г. стали ландраты, и вотъ почему вопреки указу 28-го января 1715 г. городское управленіе стало втягиваться въ сферу ландратскаго. Указы изъ губернской канцеляріи въ городскую земскую избу шли черезъ ландрата—знакъ, что ландратъ сталъ посредствующимъ звеномъ между этими двумя учрежденіями ¹⁾. Затѣмъ въ отдѣльныхъ случаяхъ губернская администрація постоянно нарушаетъ независимость городовъ отъ ландратскаго управленія и постоянно принуждаетъ ландратовъ вступать въ ту или иную отрасль городскихъ дѣлъ. Въ 1716 г. псковскій ландратъ Лопухинъ, привлеченный по одному дѣлу къ суду сената, въ допросѣ заявилъ между прочимъ, что въ посадскія дѣла онъ вступалъ по указамъ изъ петербургской губернской канцеляріи, поручавшей ему производить слѣдствія о злоупотребленіяхъ въ городскомъ управленіи, о которыхъ доносили въ губернскую канцелярію фискалы. Въ этихъ дѣйствіяхъ Лопухина сенатъ не нашелъ ничего противозаконнаго и отпустилъ его съ миромъ опять въ Псковъ, не сдѣлавъ ему ни малѣйшаго замѣчанія ²⁾. Въ томъ же году возникло одно изъ столь частыхъ тогда дѣлъ о неправильной разверсткѣ тягла между Спасо-Прилуцкимъ монастыремъ и Тотемскимъ посадомъ. Монастырь билъ челомъ архангелогородскому вице-губернатору на тотемцевъ въ томъ, что они, облегчая себя, накладываютъ часть посадскаго тягла на монастырскія солянныя варницы. Вице-губернаторъ поручилъ ландрату тотемской доли, во-первыхъ, допросить тотемскихъ бурмистровъ и посадскихъ людей, а затѣмъ впредь до окончанія этого спорнаго дѣла вѣдать тотемскій соляной промыселъ въ ландратскомъ правленіи. Такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ случай изъятія извѣстной отрасли городскаго управленія изъ вѣдѣнія земской избы и передачи ея въ руки ландрата ³⁾.

Указъ 28-го января 1715 г. очень ясно разграничилъ юрисдикцію ландрата отъ юрисдикціи земской избы, установивъ подсудность уѣзднаго населенія первому, а подсудность посадскаго второй. Тяжбы между сельскимъ населеніемъ должны были разбираться ландратомъ, тяжбы между посадскими—въ земской избѣ. Въ смѣшанныхъ тяжбахъ,

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла угличской пров. канц. № 293.

²⁾ Ibid. Дѣла сената, кн. 189, л. 651.

³⁾ Ibid. Дѣла сената, кн. 80, л. 636.

гдѣ сторонами являлись лица, принадлежавшія къ тому и другому классу населенія, трибуналъ опредѣлялся социальнымъ положеніемъ отвѣтчика: посадскій долженъ былъ искать на крестьянина у ландрата и, наоборотъ, крестьянинъ на посадскомъ въ земской избѣ. Очень ясно также указомъ 28-го января 1715 г. была опредѣлена и вторая инстанція, куда должна была идти апелляція на приговоръ ландрата или земской избы: „а буде изъ ландратовъ или изъ бурмистровъ кто нападками своими учинить кому какую обиду или судъ неправый сдѣлаеть и на того обидимому о судѣ бить челомъ губернатору“. Итакъ, если бы тяжущіеся между собой посадскіе люди остались недовольны приговоромъ бурмистровъ въ земской избѣ, они должны были перенести дѣло къ губернатору; а между тѣмъ на практикѣ встрѣчаются случаи, когда тяжба между посадскими людьми разсматривается во второй инстанціи не губернаторомъ, а ландратомъ. Такъ, напримѣръ, въ 1716 г. по распоряженію петербургской губернской канцеляріи къ угличскому ландрату былъ перенесенъ „для перевершенія“ процессъ между двумя родственниками Сахарниковыми, посадскими людьми города Кышина, входившаго въ составъ угличской доли, послѣ того, какъ тяжущіеся остались недовольны приговоромъ капинской земской избы ¹⁾).

Приведенные примѣры показываютъ, какъ легко областная администрація переступала ту черту между нею и городскимъ управленіемъ, которая была такъ рѣзко проведена на бумагѣ и такъ слабо проходила въ дѣйствительной жизни. Съ тою же легкостью переступало ее и центральное правительство. Когда стала производиться такъ называемая ландратская перепись, ландратамъ поручено было переписывать также и городское населеніе. Въ качествѣ переписчиковъ они естественно должны были вмѣшиваться въ дѣла городского управления и входить въ соприкосновеніе съ органами городской администраціи, а хорошо извѣстно, какимъ значеніемъ и какою широкою властью пользовались тогда переписчики во время производства переписей. На это время городскіе бурмистры должны были занять подчиненное положеніе въ отношеніи къ ландратамъ, но ландратская перепись продолжалась и не была окончена во весь періодъ существованія ландратской должности и, такимъ образомъ, бурмистры должны были оказаться въ подчиненіи у ландратовъ въ теченіе всего того времени, пока эти послѣдніе существовали. Вотъ почему мы и встрѣчаемся при

¹⁾ Моск. арх. мин. вѣст. Дѣла угличской пров. канц. № 193.

производствѣ этой переписи съ такимъ фактомъ, что бурмистръ, вызванный въ приказную избу ландрата и подвергнутый тамъ допросу „въ неподаніи сказокъ и росписей“, на основаніи которыхъ составлялась перепись, приноситъ тамъ повинную, сознаваясь въ томъ своемъ неоправданіи и изъявляя готовность потерпѣть за эту вину, что великій государь укажетъ, иными словами, что будетъ угодно ландрату ¹⁾).

Кромѣ того постоянно издавались указы, требовавшіе вмѣшательства ландратовъ въ городскія дѣла, обыкновенно ради ускоренія дѣйствія городской администраціи въ фискальныхъ интересахъ, и въ этихъ указахъ правительство совершенно отступало отъ началъ, проведенныхъ въ законѣ 28-го января 1715 г. Такъ, на примѣръ, въ 1717 г. было предписано выслать изъ губерній въ заселяемую тогда принудительными способами новую столицу на жительство купцовъ и ремесленниковъ. Эти недобровольные переселенцы должны были быть избраны въ городахъ посадскими людьми, при чемъ губернаторамъ и ландратамъ строго запрещалось вмѣшиваться въ эти выборы. Однако именно имъ же губернаторамъ и ландратамъ предписывалось „понуждать“ городскія власти и городское населеніе, чтобы въ этихъ выборахъ не было замедленія, а легко себѣ представить, какими мѣрами и какими дѣйствіями относительно городского населенія сопровождалось это ландратское „понужденіе“. Въ томъ же 1717 г. былъ изданъ указъ о пріѣздѣ всѣхъ ландратовъ въ Петербургъ съ переписными книгами; имъ поручалось привезти съ собой и вѣдомости о таможенныхъ и кабацкихъ сборахъ, завѣдываніе которыми лежало на городской администраціи. Бурмистры должны были доставить эти вѣдомости ландратамъ „въ самой скорости“; въ противномъ случаѣ ландратамъ предоставлено было право арестовать этихъ выборныхъ городскихъ правителей ²⁾).

Понятно, что такія дѣйствія центрального правительства и губернскихъ органовъ могли только поощрять склонность самихъ ландратовъ вмѣшиваться въ неподвѣдомственное имъ городское управленіе и мѣшали имъ отвыкнуть отъ привычекъ стариннаго воеводы. При частыхъ нарушеніяхъ его сверху пунктъ закона 28-го января 1715 г. о самостоятельности городовъ не могъ прочно укорениться въ сознаніи ландратовъ и оставить въ немъ глубокой слѣдъ. Упомянутый уже выше ³⁾

¹⁾ Ibid. Дѣла угличск. пров. канц. № 159. Дѣла сената, кн. 191, л. 103.

²⁾ П. С. З. № 318. Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 112, л. 107; кн. 78, лл. 730, 1003.

³⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 189, л. 651.

псковскій ландратъ Лопухинъ въ томъ же допросѣ передъ сенатомъ показывалъ далѣе, что онъ вмѣшивался въ городскія дѣла между прочимъ еще и потому, что бурмистры добровольно людей подсудныхъ имъ „предавали въ судъ ему, ландрату“; но, прибавилъ онъ, если бы этого добровольнаго отказа городскихъ бурмистровъ отъ своей юрисдикціи и не было, то и тогда онъ счелъ бы нужнымъ вмѣшиваться въ городскія дѣла, „понеже въ томъ городѣ по указамъ имѣеть команду онъ“. Итакъ, ландратъ Лопухинъ считалъ городъ Псковъ состоящимъ въ своей командѣ, совершенно забывъ о началахъ самостоятельности городского управления. Этотъ же случай показываетъ, какъ иногда само городское управление шло навстрѣчу ландратскимъ притязаніямъ, частію потому, что хорошо сознавало бесплодность и опасность борьбы съ ними, частію, быть можетъ, вслѣдствіе привычки къ административной опеке, пріобрѣтенной въ теченіе XVII в. Если такой большой торговый городъ, какъ Псковъ, не находилъ ничего ненормальнаго въ томъ, чтобы быть въ командѣ у ландрата, то зависимость небольшихъ городовъ отъ ландратовъ могла быть только еще сильнѣе. Случай протеста противъ ландрата очень рѣдки. Напротивъ, очень нерѣдко мы видимъ случаи добровольнаго отказа отъ своихъ правъ и со стороны городскихъ властей и со стороны посадскаго населенія. Приведемъ примѣры. Въ 1716 г. въ Угличѣ посадскій сотскій хватаетъ на улицѣ посадскаго человѣка, сказавшаго за собой „государево слово“, и ведетъ его въ земскую избу, дѣйствуя воплію согласно съ указомъ 28-го января 1715 г., сосредоточившимъ судъ надъ посадскими людьми въ земской избѣ и не дѣлавшимъ исключенія для дѣлъ политическихъ. Но городскіе бурмистры отсылаютъ приведеннаго въ ландратскую канцелярію, гдѣ по этому дѣлу производится разслѣдованіе, сопровождаемое „повальнымъ обыскомъ“ — и вотъ, можетъ быть, добрая половина посадскаго населенія Углича должна была побывать на допросѣ передъ ландратомъ ¹⁾. Мы видимъ также случаи, когда сами посадскіе люди, минуя земскую избу, идутъ судиться между собой къ ландрату, притомъ по чисто посадскому дѣлу, по какому-нибудь иску о городской лавкѣ, и ландратъ вовсе не считаетъ этого дѣла себѣ неподсуднымъ ²⁾.

Всѣ подобнаго рода повторявшіеся случаи вмѣшательства ландратовъ въ городскія дѣла по указамъ свыше отъ центральной или

¹⁾ Ibid. Дѣла угличской пров. канц., № 215.

²⁾ Ibid. ММ 190, 203.

губернской власти, по собственной инициативѣ или по инициативѣ самого городского управленія или населенія—создавали на практикѣ порядокъ отношеній между ландратомъ и городомъ совсѣмъ противоположный тому, какой устанавливался закономъ 28-го января 1715 г. По этому закону въ основѣ отношеній между ландратомъ и городскимъ управленіемъ должна была лежать независимость города отъ областной администраціи. На практикѣ получилось совсѣмъ иное. Городское населеніе очутилось въ значительной мѣрѣ въ вѣдомствѣ ландрата, а городское управленіе оказалось ему подчиненнымъ. Между нимъ и чинами городского выборнаго управленія стало даже устанавливаться правильное іерархическое отношеніе. Тотемскій ландратъ Каршъ Неѣловъ, уѣзжая на время изъ доли, поручилъ править свою должность, какъ и слѣдовало, состоявшему при немъ комиссару Данилову-Домнину. Но когда и этому послѣднему настала необходимость уѣхать, онъ вмѣсто себя опредѣлилъ отпирать дѣла въ ландратской канцеляріи тотемскаго бурмистра Алексѣя Чекалева и, такимъ образомъ, бурмистръ оказался исполняющимъ обязанности ландрата. Очевидно, что тѣ, кто передавали ему эти обязанности, устанавливали между нимъ и собою опредѣленную іерархическую связь ¹⁾.

6.

Второстепенная администрація доли.

Намъ слѣдуетъ познакомиться теперь съ тѣми вспомогательными орудіями, посредствомъ и при помощи которыхъ ландратъ управлялъ своею долею и среди которыхъ онъ занималъ мѣсто центрального узла, стягивавшаго цѣлую сѣть подчиненной ему администраціи, покрывавшей собою долю.

Эта подчиненная ландрату мѣстная администрація состояла изъ органовъ двоякаго рода: однихъ назначало правительство, другихъ выбирало само мѣстное общество. Къ первымъ относятся прежде всего комиссары при ландратахъ. По указу 28-го января 1715 г. въ каждой долѣ при ландратѣ долженъ былъ находиться комиссаръ „для управленія всякихъ сборовъ и земскихъ дѣлъ“ и затѣмъ канцелярія изъ четырехъ подьячихъ, при которой состоятъ 12 конныхъ разсыльщиковъ. Такъ же, какъ и ландраты, комиссары назначались или, по

¹⁾ Ibid. Дѣла сената, кн. 80, л. 636 и слѣд.

крайней мѣрѣ, утверждались въ должности сенатомъ ¹⁾, притомъ изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Такъ, мы встрѣчаемъ комиссаровъ изъ царедворцевъ и изъ городскихъ дворянъ, изъ недорослей, изъ подьячихъ съ приписью и безъ приписи и даже изъ людей боярскихъ ²⁾. По закону комиссаръ долженъ былъ быть помощникомъ ландрата и замѣстителемъ его въ случаяхъ его отлучки. На практикѣ онъ приобрѣталъ иногда въ нѣкоторыхъ доляхъ значеніе ландратскаго товарища. Угличскій ландратъ, когда находился въ долѣ, всегда дѣйствовалъ одинъ; но въ сосѣдней бѣженской долѣ ландратъ дѣйствовалъ всегда вмѣстѣ съ комиссаромъ и приговоры составлялись отъ имени обоихъ. Въ этомъ сказывалась, быть можетъ, старинная административная привычка дѣйствовать „съ товарищи“, свойственная приказному и воеводскому управленію.

Такимъ же бюрократическимъ характеромъ отличались и такъ называемые „управители“, подчиненные ландрату. Если доля заключала въ себѣ нѣсколько городовъ съ уѣздами, то въ нѣкоторые изъ этихъ городовъ, болѣе отдаленные или болѣе значительные, назначались особые „управители для отправления дѣлъ подъ вѣдѣніемъ ландратскимъ“. Такъ въ тульской долѣ городъ Богородицкъ состоялъ подъ вѣдѣніемъ особаго управителя изъ царедворцевъ. Въ составъ елецкой доли входили города: Елецъ, Талецъ, Ефремовъ, Чернь; изъ нихъ въ Ефремовѣ былъ посаженъ особый управитель, „ефремовецъ Пивагъ Косиченковъ“. Иногда въ рукахъ такого управителя сосредоточивалось управленіе двумя городами: такъ, въ псковской долѣ города Заволочье и Ржева Пустая были поручены особому управителю ³⁾. Лица эти завѣдывали сборами и производили судъ, дѣйствуя подобно самимъ ландратамъ. Управителями бывали и служилые люди и подьячіе;

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 79, л. 829; кн. 79, л. 560; кн. 126, л. 962: губернаторъ назначилъ комиссара въ Суздаль „до указа“, т. е. до утвержденія его сенатомъ.

²⁾ Ibid. Дѣла сената, кн. 82, л. 563; кн. 106, л. 28 и сл.; кн. 106, л. 75; кн. 122, л. 204 и сл.; кн. 68, л. 23; кн. 79, л. 829; кн. 131, л. 874: „Вѣдѣніе о комиссарахъ въ нижегородской губерніи“. Определены къ ландратамъ въ доли къ дѣламъ комиссары. А именно въ 715 г.: изъ царедворцевъ: Н. А. Посниковъ, кн. Гр. Менцерскій, П. Загосляня. Да изъ людей боярскихъ, которые были у дѣла до раздѣленія губерній: И. Ф. Сухой, Ив. Тихомировъ. Изъ недорослей, которые были написаны по городу: Ѳ. и Л. Жадовскіе. Да не изъ приписныхъ подьячихъ: А. Мацневъ, С. Поповъ, П. Черигень.

³⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 189, л. 859; кн. 126, л. 996 и сл.; кн. 69, л. 415.

они назначались съ утвержденія губернатора, но были подчинены ландрату, и это подчиненіе сообразно съ нравами времени могло быть иногда довольно интенсивно. Ржевскій управитель Афросимовъ жаловался на псковскаго ландрата, подъ начальствомъ котораго онъ состоялъ, что тотъ, заподозривъ его, управителя, во взяткахъ съ рабочихъ людей, „билъ его дубиною и велѣлъ бить батожьемъ нагаго смертнымъ боемъ, безвинно изувѣчилъ и сдѣлалъ государю неслугою“. Управитель доказывалъ въ своей челобитной, что ландратъ будто бы и судить его не имѣлъ права, а не только, что бить, „того ради, что я ему товарищъ“. Однако, губернская инстанція, которой принесена была эта жалоба, не согласилась съ такимъ толкованіемъ отношеній управителя къ ландрату, и петербургскій вице-губернаторъ Клокачевъ такъ отвѣтилъ обиженному Афросимову: „вершить твоего дѣла не буду, а ежели станешь много мнѣ о томъ дѣлѣ говорить, велю тебя обругать“ ¹⁾.

Какъ мы имѣли случай замѣтить выше, при образованіи долей уѣздъ не терялъ иногда своего стариннаго значенія административной единицы. Точно такъ же сохранило свое значеніе и дальнѣйшее подраздѣленіе уѣзда на станы. Такъ, напримѣръ, совпавшая съ прежнимъ уѣздомъ угличская доля, въ которой считалось 5.554 двора, подраздѣлялась на 6 становъ съ очень неравномѣрнымъ распредѣленіемъ между ними числа дворовъ: тогда какъ одинъ изъ становъ—городской—заключалъ въ себѣ 2.009 дворовъ, въ другомъ, койскомъ, ихъ было всего 347. Это слишкомъ неравномѣрное распредѣленіе дворовъ по станамъ, можетъ быть, слѣдуетъ объяснять стариннымъ происхожденіемъ послѣднихъ.

Во главѣ cadaго изъ этихъ становъ—такъ было, по крайней мѣрѣ, въ угличской и въ одной изъ ярославскихъ долей, мы находимъ особое должностное лицо, которое носитъ названіе „становаго дворянина“ ²⁾. Незамѣтно, чтобы становые дворяне были выборными. По

¹⁾ Ibid. Дѣла соната, кн. 189, л. 772.

²⁾ Въ большомъ стану, каковъ былъ указанный городской станъ угличской доли, мы встрѣчаемъ двухъ становыхъ дворянъ. Вотъ полный перечень становъ, на которые подраздѣлялась угличская доля, съ указаніемъ становыхъ дворянъ и числа дворовъ въ вѣдомствѣ cadaго:

Городской станъ	{	вѣдѣнія М. Бухвалова	1333 двор.
		вѣдѣнія В. Пятаго	676 "
Моложскій станъ	вѣдѣнія И. Хотянскаго	1223 "	
Рожаковскій станъ	вѣдѣнія А. Шубянскаго	758 "	

всей вѣроятности, они назначались самими уже ландратами, но непременно изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Надо при этомъ замѣтить, что становые дворяне существовали еще до введенія ландратовъ; мы встречаемъ ихъ и при комендантахъ, и нѣтъ ничего невозможнаго относить возникновеніе этой должности еще къ XVII вѣку. Такимъ образомъ, ландратское управленіе, введенное указомъ 28-го января 1715 года, встрѣтилось въ долѣ уже съ готовой низшей административной организаціей.

Становой дворянинъ былъ агентомъ мѣстнаго управленія и по финансовой, и по судебно-полицейской части. Его функціи во многомъ напоминаютъ функціи теперешней уѣздной полиціи. Въ финансовомъ отношеніи на немъ лежали обязанности исполнительнаго характера. Онъ участвовалъ въ производствѣ ландратской переписи, раздавая населенію „образцовую сказку“, т. е. ту образцовую вѣдомость, по которой населеніе обязано было подавать о себѣ свѣдѣнія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ самъ и производилъ перепись, принималъ и провѣряя подаваемые жителями стана сказки и составлялъ по этимъ сказкамъ переписныя книги ¹⁾. Далѣе, онъ производилъ сборъ податей съ населенія стана, доставляя собранныя деньги въ ландратскую канцелярію, и понуждалъ жителей стана къ исполненію возложенныхъ на нихъ натуральныхъ повинностей ²⁾. Наконецъ, онъ исполнялъ разнаго рода предписанія ландрата, относящіяся къ финансовому управленію доли. Такъ, на примѣръ, становому дворянину рожаловскаго стана угличской доли А. Шубинскому было предписано осенью 1715 г. произвести сыскъ въ вотчинахъ Алексѣевского монастыря о запустѣніи бань, служившихъ, какъ извѣстно, предметомъ особаго обложенія. Этотъ сыскъ происходилъ такъ, что становой дворянинъ приглашалъ къ себѣ на „сѣвзжій дворъ“, расположенный въ одномъ изъ большихъ селъ стана, тѣхъ лицъ, показанія которыхъ ему нужно было получить, снималъ съ нихъ допросъ, который затѣмъ отправлялъ къ ландрату. Постройка мельницъ, служившихъ также предметомъ обложенія, могла производиться только съ разрѣшенія ландрата, и поэтому въ случаѣ подачи просьбы кѣмъ-либо изъ землевладѣльцевъ

Кадскій станъ вѣдѣнія Н. Елизарова	830	„
Елоцкій станъ вѣдѣнія Гр. Опочинина	397	„
Койскій станъ вѣдѣнія М. Макорскаго	347	„

Дѣла угличск. пров. канц. № 246.

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла угличской пров. канц. №№ 159, 304.

²⁾ Ibid., № 246.

доли о такомъ разрѣшеніи ландратъ предписывалъ становому дворянину отправиться для осмотра мѣста предполагаемой постройки ¹⁾).

Въ судебно-полицейскомъ отношеніи становой дворянинъ совершалъ тѣ-же предварительныя и исполнительныя дѣйствія, которыя и теперь возлагаются на уѣздную полицію по отношенію къ суду. Онъ принималъ жалобы отъ потерпѣвшихъ и производилъ предварительное дознаніе, которое потомъ передавалъ въ комендантскую, а съ 1715 г. въ ландратскую канцелярію. Такъ, напримѣръ, становому дворянину верховскаго стана ярославскаго уѣзда подалъ жалобу помѣщикъ В. П. Мурановъ на свою тещу въ томъ, что она не пускаетъ его къ женѣ, къ которой онъ было пріѣхалъ. Становой дворянинъ вызвалъ къ себѣ жену и тещу просителя и, снявъ съ нихъ допросъ, передалъ дѣло коменданту ²⁾. Иногда становой дворянинъ производитъ дознаніе по жалобѣ, поданной прямо ландрату. Крестьянинъ одной изъ вотчинъ городскаго стана угличской доли билъ челомъ ландрату о томъ, что у него украдена была пряжа, которую, однако, онъ розыскалъ. Былъ посланъ указъ къ становому дворянину о разслѣдованіи дѣла. Становой произвелъ осмотръ мѣста кражи, прислалъ украденную пряжу въ ландратскую канцелярію и, такъ какъ потерпѣвшій заявилъ, что воръ, разламывая крышу, долженъ былъ непременно порѣзать себѣ руку—были найдены слѣды крови—то становой осмотрѣлъ руки у всѣхъ крестьянъ той же деревни. Онъ же высылаетъ въ ландратскую канцелярію, отдаетъ на поруки или на расписку причастныхъ къ судебному разбирательству лицъ: отвѣтчиковъ и свидѣтелей; въ случаяхъ убійства дѣлаетъ осмотръ и описаніе мертваго тѣла; производитъ повальный обыскъ и снимаетъ допросы на мѣстѣ. Наконецъ, на него же возлагается исполненіе судебныхъ рѣшеній. Такъ, напримѣръ, становой дворянинъ совершаетъ раздѣлъ земли между спорившими сторонами согласно приговору. Онъ отправляетъ также функціи полиціи безопасности. Онъ обязанъ слѣдить, чтобы въ его станѣ не было какихъ нибудь бѣглыхъ людей; ихъ онъ обязанъ ловить и присылать въ ландратскую канцелярію ³⁾).

Подъ начальствомъ становаго дворянина состоитъ еще цѣлая сѣть сельской полиціи, такъ что онъ далеко еще не заканчивалъ собою административно-полицейской лѣстницы. Ея послѣдней ступеню надо

¹⁾ Ibid., № 133 и passim.

²⁾ Ibid., № 116.

³⁾ Моск. арх. мн. юст. Дѣла угличской пров. канц. №№ 162, 165, 100, 86, 94, 182, 89, 106 и др.

считать сельскаго десятскаго. Эта полиція имѣла общественный характеръ, такъ какъ ея составъ: сотскіе и десятскіе должны были представлять мѣстнымъ сельскимъ населеніемъ, и эта поставка лежала на сельскомъ населеніи, какъ особая повинность. Ландраты застали сельскую полицію уже организованной, но трудно сказать, имѣла ли она непрерывную связь съ выборной сельской полиціей XVII вѣка, состоявшей въ вѣдѣніи губнаго управленія. Одинъ приговоръ министровъ въ ближней канцеляріи, относящійся къ 5-му іюня 1710 г., даетъ право думать, что этой непрерывной связи не было. Этотъ приговоръ предписываетъ организовать сельскую полицію, выбравъ сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ специально для надзора, чтобы нигдѣ не находили собѣ пристанища бѣглецы солдаты, рекруты и недоросли. Если потребовалось издать особый указъ объ организаціи выборной сельской полиціи, то очевидно, что этой полиціи или совѣтъ не было или, если она существовала, то не вездѣ. Приговоръ 1710 г. любопытенъ еще въ особенности тѣмъ, что онъ пытался привлечь къ исполненію полицейскихъ обязанностей сельское духовенство. Приходъ становится полицейскимъ центромъ, такъ какъ приговоръ предписывалъ „свѣзжихъ дворовъ для народной тягости не строить, а собираться сотскимъ у церквей“. Этимъ сотскимъ приходскіе священники обязывались подавать ежемѣсячныя сказки подъ опасеніемъ очень значительнаго по тѣмъ временамъ штрафа въ 15 руб., о томъ, что въ ихъ приходѣхъ бѣглыхъ людей и воровъ нѣтъ. Такимъ образомъ приходскій священникъ долженъ былъ явиться по этому указу въ роли полицейскаго, слѣдящаго за тѣмъ, чтобы въ его приходѣ не было подозрительныхъ людей ¹⁾).

Выборы сельскихъ сотскихъ и десятскихъ были произведены еще при комендантахъ въ 1713 г., какъ это можно замѣтить по сохранившимся практическимъ документамъ; притомъ они были общими, а не частичными, т. е. избирался весь составъ сельской полиціи въ стану и, повидимому, по крайней мѣрѣ, въ угличской долѣ происходили впервые, а не имѣли цѣлью лишь перемѣну прежняго состава избранныхъ. Были ли они запоздалымъ исполненіемъ указа 5-го іюня 1710 г., или состоялись въ силу какого-нибудь новаго указа, сказать трудно. Та часть постановленія 1710 г., которая относилась къ полицейскимъ обязанностямъ приходскаго духовенства, не была исполнена, по крайней мѣрѣ, въ угличской долѣ, которую мы особенно

¹⁾ П. С. З. № 2271.

престально наблюдаемъ. Не было здѣсь избрано и пятидесятскихъ, о которыхъ говорилъ указъ 1710 г.

Чтобы познакомиться съ порядкомъ выборовъ, посмотримъ поближе, какъ они происходили въ одномъ изъ становъ угличскаго уѣзда, койскомъ. 4-го февраля 1713 г. отъ коменданта А. И. Нарышкина былъ посланъ указъ становому дворянину о производствѣ выборовъ, которымъ предписывалось выбрать въ сотскіе и десятскіе „людей добрыхъ и пожиточныхъ, и правдивыхъ, и къ таковому дѣлу заобыкновенныхъ“. При каждомъ сотскомъ должно было состоять девять человекъ десятскихъ, но непременно такъ, чтобы по одному десятскому приходилось изъ каждой деревни, несмотря на ея размѣры, даже хотя бы она состояла только изъ одного двора. Окончивъ выборы, становой дворянинъ долженъ былъ переслать коменданту избирательные протоколы съ рукоприкладствами избирателей и за своею подписью и затѣмъ списки избранныхъ чиновъ сельской полиціи съ указаніемъ, какія селенія съ сколькими дворами приходятся на округъ cadaго сотскаго. Койскій станъ заключалъ въ себѣ всего 347 крестьянскихъ дворовъ. Въ полицейскомъ отношеніи онъ былъ подраздѣленъ на три сотни, включавшія въ себя по сту дворовъ съ небольшимъ каждая, и поэтому для выборовъ состава сельской полиціи состоялось три избирательныхъ собранія. Въ каждомъ избирательномъ собраніи участвовало далеко не все населеніе сотни. Въ немъ засѣдала только хозяйственная администрація вотчинъ, какъ частновладѣльческихъ, такъ и монастырскихъ, т. е. сельскіе старосты и ихъ помощники, такъ называемые „выборные“. Эту сельскохозяйственную администрацію слѣдуетъ отличать отъ сельской полиціи, Первая имѣла частный характеръ: старосты и выборные въ вотчинахъ исполняли, главнымъ образомъ, хозяйственныя обязанности въ имѣніяхъ. Сельская выборная полиція, подчиненная становому дворянину носила публично-правовой характеръ. Число членовъ этихъ избирательныхъ сотенныхъ собраній было въ иныхъ случаяхъ очень ограничено, тѣмъ болѣе, что такая сельскохозяйственная администрація существовала только въ крупныхъ имѣніяхъ, и ея, конечно, не было въ тѣхъ деревняхъ, которыя состояли изъ одного, двухъ дворовъ. Такъ, въ составъ первой сотни койскаго стана вошли владѣнія восьми помѣщиковъ, въ которыхъ было 15 селеній разныхъ названій. На избирательномъ собраніи участвовало лишь 6 членовъ, изъ которыхъ пятеро принадлежали къ одной крупной вотчинѣ стольника Нелединскаго-Мелецкаго, состоявшей изъ села Коя съ деревнями. Это

были: староста и четверо „выборныхъ“. Такимъ образомъ, только владѣнія двухъ помѣщиковъ изъ восьми были представлены на избирательномъ собраніи первой сотни. Вторая сотня заключала въ себѣ владѣнія 13 помѣщиковъ, и только владѣнія семи были представлены на избирательномъ собраніи. На избирательномъ сходѣ третьей сотни присутствовало 6 членовъ: изъ нихъ трое были—цѣловальникъ и выборные вотчины угличскаго Покровскаго монастыря, одинъ—староста вотчины Антоніева монастыря и двое старостъ частновладѣльческихъ вотчинъ. Итакъ, эти избирательныя собранія были ничѣмъ инымъ, какъ сходами сельскихъ властей крупныхъ имѣній; они-то и производили назначенія сотскихъ и десятскихъ изъ жителей селеній сотни. Такъ какъ число селеній въ сотнѣ было обыкновенно больше, чѣмъ сколько надо было избрать въ десятскіе, то, вопреки указу, десятскій назначался не въ каждой деревнѣ. Зато въ двухъ сотняхъ избрано было десятскихъ по десяти вмѣсто девяти, требуемыхъ указомъ.

Избирательная коллегія, производя выборы на полицейскія должности, брала на себя отвѣтственность за избранныхъ лицъ. „А буде вышписанный сотскій и десятскіе по указу царскаго величества за выборомъ нашимъ отправлять во исполнительство не будутъ“, такъ заканчивается обыкновенно протоколъ избранія, „и великій государь указалъ бы намъ жестокое наказанье“. Протоколъ скрѣплялся подписями избирателей, за которыхъ по безграмотности подписывался земскій или церковный дьячокъ, а также подписью становаго дворянина, который, давая свою подпись, также раздѣлялъ отвѣтственность за избранныхъ лицъ. Въ этомъ протоколѣ перечисляются обыкновенно тѣ обязанности, для исполненія которыхъ избирались сотскіе и десятскіе. На нихъ возлагалось наблюденіе за безопасностью въ сотнѣ. Имъ предписывалось смотрѣть, чтобы въ ихъ сотняхъ не находили себѣ убѣжища бѣглецы и подозрительные люди, тати, разбойники, смертные убійцы, коренщики, вѣдуны, бѣглецы драгуны и солдаты. Въ случаѣ появленія такихъ они должны были ихъ ловить и отводить къ становому. Если сотскій и десятскіе получаютъ извѣстіе о грабежѣ и разбоѣ, они обязаны преслѣдовать и ловить виновныхъ со всякимъ усердіемъ, не стѣсняясь границами сотни, уѣзда и даже губерніи. Сотскій и десятскіе должны были также отыскивать вора по слѣду и вынимать поличное. Этотъ наказъ сельской полиціи, какъ видимъ, очень напоминаетъ собою старинныя губныя наказы, въ которыхъ на сотскихъ и десятскихъ, состоявшихъ подъ начальствомъ губныхъ старостъ, возлагались такія же обязанности. Въ исполне-

ни этихъ обязанностей по предупрежденію и пресѣченію преступленій сельская полиція дѣйствовала довольно самостоятельно. Получивъ извѣстіе о появленіи подозрительныхъ людей или о совершившемся преступленіи, сотскій и десятскіе должны были тотчасъ же принимать мѣры къ поимкѣ безъ всякихъ распоряженій свыше. Но эти же чины были также и низшими служителями при становомъ дворянигѣ и при ландратской канцеляріи. Они караулили и конвоировали колодниковъ, исполняли обязанности разсыльныхъ и т. п. ¹⁾.

7.

Дѣятельность ландратовъ въ губернской канцеляріи въ 1715—1719 гг.

Издавая указъ 28-го января 1715 г. о раздѣленіи губерній на доли и превращая ландратовъ изъ постоянныхъ членовъ губернскаго совѣта въ правителей этихъ областныхъ единицъ, преобразователь, однако, не совсѣмъ отказался отъ идеи коллегіальнаго управленія губерніей. Правда, большой постоянно дѣйствующій губернской совѣтъ ландратовъ подъ предсѣдательствомъ губернатора съ изданіемъ этого указа прекратилъ свою дѣятельность; тѣмъ не менѣе, губернаторъ не былъ оставленъ распоряжаться губерніею одинъ. Указъ 28-го января 1715 г. предписывалъ: „изъ ландратовъ всегда быть при губернаторахъ по два человека съ перемѣною по мѣсяцу или по два мѣсяца“. Такимъ образомъ, на мѣсто большого губернскаго совѣта ландратовъ сталъ теперь малый комитетъ, въ которомъ должны были присутствовать по очереди по двое изъ ландратовъ. Но и большой совѣтъ не былъ уничтоженъ указомъ 28-го января 1715 г. окончательно. По этому указу въ концѣ года *все ландраты* должны были „сѣзжаться къ губернаторамъ со всѣми правленія своего вѣдомостями къ счету и для исправленія дѣлъ *всѣхъ вѣсть*“. Отмѣнялось только постоянное дѣйствіе ландратскаго совѣта, и онъ обращался въ ежегодный временный ландратскій сѣздъ. Итакъ, вмѣсто постоянного губернскаго ландратскаго совѣта указъ 28-го января 1715 г. вводилъ два коллегіальныхъ учрежденія: постоянное губернское присутствіе изъ двухъ очередныхъ ландратовъ подъ предсѣдательствомъ губернатора и сѣздъ всѣхъ ландратовъ въ концѣ cadaго года. Этою мѣрою

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла угличской пров. канц. №№ 79, 84, 165.

въ значительной степени усложнялась прежняя простая схема губернской администраціи.

Намъ слѣдуетъ теперь посмотрѣть по уцѣлѣвшимъ практическимъ документамъ, насколько эти нормы указа 28-го января 1715 г. были осуществлены въ дѣйствительности. Что касается очереднаго дежурства ландратовъ при губернаторѣ, то его можно считать вполне доказаннымъ. Бумаги губернскихъ канцелярій показываютъ ежедневное присутствіе тамъ ландратовъ. Эти дежурные ландраты называются „очередными“ и „мѣсячными“, а самое ихъ дежурство „ландратской чередой“. Приговоры и указы губернской канцеляріи подписываются губернаторомъ и дежурными ландратами; иногда, впрочемъ, исходящія изъ губернской канцеляріи бумаги даже такія, какъ доношенія въ сенатъ, скрѣпляются только однимъ изъ дежурныхъ ландратовъ. Скрѣпляя своею подписью приговоры, указы и доношенія, дежурные ландраты раздѣляли съ губернаторомъ отвѣтственность за дѣйствія губерніи передъ сенатомъ. Однимъ изъ указовъ сената было предписано московской губерніи прислать въ Петербургъ дьяка московской губернской канцеляріи Тихменева. Губернія не исполнила этого указа. Тогда наложенъ былъ сенатомъ штрафъ на губернатора въ размѣрѣ двухсотъ рублей и на каждого изъ двухъ мѣсячныхъ ландратовъ по пятидесяти рублей. Въ 1718 г. въ комиссіи строенія гаваней произведенъ былъ допросъ московскому губернатору Парышкину, вице-губернатору Ершову и мѣсячнымъ ландратамъ: Д. Потемкину и Д. Камынину: „на гаванное строеніе съ московской губерніи расположили они по 1 р. 7 алт. 4 д. съ двора, итого 258.000 руб. И такое великое число для чего расположили собою безъ указа и не описывал о томъ къ правительствующему сенату и у приговора ихъ, ландратовъ, закрѣпа есть-ли?“ Ландраты отвѣтили, что приговоръ они подписали вмѣстѣ съ губернаторомъ, но тотчасъ же послѣ того уѣхали въ свои доли и поэтому не знаютъ, было ли доведено объ этомъ приговорѣ до свѣдѣнія сената, или нѣтъ ¹⁾.

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 226, л. 371; кн. 82, л. 125, 291; кн. 81, л. 611; кн. 272, л. 135: „а и съ ландраты бываю всегда въ губернской канцеляріи въ недѣлю дня по два, и по три, и по четыре и по пяти“, доносить въ 1716 г. сенату московскій губернаторъ Салтыковъ; кн. 127, л. 142: „а я взялъ былъ въ губернскую канцелярію въ *очередные ландраты* и былъ въ *очередныхъ*“, говоритъ о себѣ одинъ изъ ландратовъ московской губерніи; кн. 117, л. 309; „доправитъ штрафъ на мѣсячныхъ ландратахъ“; кн. 106, л. 1: „ландратъ Жданъ Григорьевъ Кудрявцевъ сказалъ: въ бытность его въ Казани въ *чредѣ своей*“ и т. д.

Эта кратковременность ландратскаго дежурства при губернаторѣ вела къ большому неудобству въ дѣлопроизводствѣ, на которыя указывала сенату Московская губернія въ 1716 г.: мѣсячные ландраты, отбывъ свой мѣсяцъ, уѣзжали въ свои доли, какъ это имѣло мѣсто въ приведенномъ выше случаѣ, не дождавшись окончанія дѣлъ, при нихъ начатыхъ. Ландраты, являвшіеся имъ на смѣну, заставляя дѣло въ срединѣ его теченія, должны были терять много времени на ознакомленіе съ его началомъ. Губернія просила увеличить срокъ ландратскаго дежурства до одного года, указывая, что тогда дѣла будутъ начинаться и оканчиваться при однихъ и тѣхъ же ландратахъ ¹⁾. Къ этому ходатайству она прибавляла еще просьбу увеличить число дежурныхъ ландратовъ до шести, такъ какъ двое не могутъ справиться съ тою массою дѣлъ, которая сосредоточивается въ губернской канцеляріи. Временно до сенатскаго указа въ московской губерніи было уже установлено дежурство шести ландратовъ. Сенатъ не утвердилъ этого нововведенія и предписалъ соблюдать указъ 28-го января 1715 г., по черезъ два года долженъ былъ уступить и согласиться на увеличеніе въ Москвѣ присутствія ландратовъ до пяти человекъ ²⁾.

Гораздо труднѣе рѣшить вопросъ, собирались ли на практикѣ ландратскіе съѣзды „при окончаніи года“ и насколько въ этомъ отношеніи осуществился указъ 28-го января 1715 г. Ясныхъ свидѣтельствъ, которыя бы доказывали безспорно регулярное существованіе такихъ ежегодныхъ съѣздовъ, намъ не пришлось встрѣтить въ памятникахъ дѣлопроизводства губерній. Однако нельзя сказать, чтобы относящійся сюда параграфъ указа 28-го января 1715 г. сразу и совершенно сталъ мертвой буквой. Есть указанія, что, по крайней мѣрѣ, мысль о ландратскихъ съѣздахъ не замирала нѣкоторое время въ губерніяхъ. Въ 1715 г. Троицкій Сергіевъ монастырь затѣялъ тяжбу съ однимъ изъ сосѣдей по имѣнію въ юрьевпольскомъ уѣздѣ. Дѣло сначала разбиралось у юрьевскаго ландрата М. Трусова, но монастырь остался рѣшеніемъ ландрата недоволенъ, нашель, что онъ дружить и норовить противной сторонойъ и на такую ландратскую „посяшку“, т. е. потачку, принесъ жалобу московскому губернатору. Этотъ послѣдній сначала было рѣшилъ отправить въ юрьевскую долю ландрихтера для розыска, какъ то и слѣдовало по указу 28-го января

¹⁾ Ibid. Дѣла сената, кн. 122, л. 212.

²⁾ Ibid., кн. 125, л. 182; кн. 126, л. 986.

1715 г. въ случаѣ ландратскихъ „прегрѣшеній“, но затѣмъ рѣшеніе свое отмѣнилъ и уполномоченному троицкаго монастыря „изволилъ сказать, что де онъ ландрихтеру въ городъ Юрьевъ посылку отставилъ, потому что юрьевскій ландратъ М. Трусовъ, такожъ и другіе ландраты каждый изъ своей провинціи съ дѣлами и со всѣми своими правленіями будутъ къ Москвѣ въ губернскую канцелярію въ декабрѣ жъ мѣсяцѣ“¹⁾). Отсюда видно, что съѣздъ московскихъ ландратовъ въ декабрѣ 1715 г. все-таки предполагался, и до него былъ отложенъ разборъ дѣла троицкаго монастыря съ сосѣдними крестьянами. Неизвѣстно, состоялся ли этотъ съѣздъ. По крайней мѣрѣ, дѣло монастыря рѣшено не было, и это даетъ право думать, что предположеніе губернатора о съѣздѣ едва ли осуществилось.

Иногда можно встрѣтить въ документахъ слѣды совѣщанія губернатора съ ландратами, но трудно сказать, были ли это именно тѣ съѣзды, о которыхъ говорилъ указъ 28-го января, или экстренныя совѣщанія, собираемыя ad hoc для рѣшенія какихъ-либо чрезвычайныхъ затруднительныхъ дѣлъ. Такое совѣщаніе имѣло мѣсто въ Казани въ 1717 г. На немъ участвовало пять ландратовъ изъ общаго числа восьми, полагавшагося въ казанской губерніи по отдѣленіи отъ нея нижегородской²⁾). Дѣло шло о примѣненіи въ одномъ частномъ случаѣ недавно изданнаго закона 23-го марта 1714 г. о единонаслѣдіи, вызывавшаго вообще большія недоумѣнія и затрудненія на практикѣ. Мнѣнія на совѣщаніи раздѣлились. Казанскій вице-губернаторъ и двое ландратовъ стояли за распредѣленіе наслѣдства между сонаслѣдниками, предлагая свое толкованіе закона 23-го марта 1714 г. Губернаторъ и трое другихъ ландратовъ съ этимъ толкованіемъ не согласились и настаивали на томъ, чтобы обратиться за разъясненіемъ въ сенатъ. Въ этомъ смыслѣ и составленъ былъ приговоръ. Мнѣнія свои каждый изъ ландратовъ представлялъ письменно одинъ за другимъ, и такъ какъ мнѣнія эти помѣчались датами, то можно прослѣдить, что представленіе ихъ тянулось въ теченіе мѣсяца съ половины февраля до половины марта³⁾). Былъ ли это одинъ изъ ежегодныхъ ландратскихъ съѣздовъ? Во всякомъ случаѣ, онъ происходилъ не при окончаніи года въ декабрѣ, а въ началѣ слѣдующаго года. Итакъ, прямыхъ свидѣ-

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 121, л. 227.

²⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 226, л. 371. Ср. Докл. и приг. V,

³⁾ Докл. и приг. IV, № 215, Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 106, л. 36. № 1384. Имущество вологодскаго архіепископа описывали архангелогородскій губернаторъ и 7 ландратовъ.

тельство объ осуществленіи указа 28-го января 1715 г. относительно ежегодныхъ ландратскихъ съѣздовъ мы пока не имѣемъ. По косвеннымъ соображеніямъ мы можемъ заключать скорѣе, что указъ этотъ не исполнялся или исполнялся не въ той мѣрѣ, на какую былъ рассчитанъ. Если съѣзды дѣйствительно происходили, они должны были оставить по себѣ слѣды въ документахъ. Съѣздъ, напримѣръ, 44 ландратовъ московской губерніи былъ бы настолько внушительнымъ явленіемъ, что не могъ проходить незамѣченнымъ. Другимъ соображеніемъ, говорящимъ въ пользу того, что законъ 28-го января 1715 г. не исполнялся, является, какъ увидимъ ниже, отвлеченіе ландратовъ отъ губернскаго центра кромѣ ихъ обычныхъ дѣлъ въ долѣ различными посторонними возлагавшимися на нихъ порученіями, такъ что для нихъ не было времени являться еще на губернскіе съѣзды.

И самыя отношенія ландратовъ къ губернатору сложились на практикѣ совершенно не такъ, какъ ихъ предполагалъ въ своихъ указахъ преобразователь. Въ самомъ дѣлѣ, указъ 24-го апрѣля 1713 г., учреждавшій впервые самую должность, давалъ ландратамъ значеніе членовъ губернскаго совѣта, въ которомъ губернаторъ былъ только председателемъ, и его отношеніе къ ландратамъ формулировалось словами, что онъ „у нихъ не яко властитель, но яко президентъ“. И другой указъ 28-го января 1715 г., перенесшій дѣятельность ландрата въ долю, обезпечивалъ ему самостоятельное и независимое положеніе относительно губернатора. По этому указу ландратъ являлся отвѣтственнымъ не передъ губернаторомъ, но передъ съѣздомъ ландратовъ подъ предсѣдательствомъ губернатора. Губернатору запрещалось вмѣшиваться въ ландратское управленіе въ долѣ: „губернаторамъ ни для какихъ сборовъ и дѣлъ отъ себя никуда въ ландратское правленіе нарочныхъ не посылать“. Только въ случаѣ совершенія ландратомъ преступленія губернаторъ долженъ былъ командировать въ долю ландрихтера „для розыску“, т. е. для производства слѣдствія. Но подсуднымъ ландратъ былъ не ландрихтеру и не губернатору, а тому же губернскому совѣту ландратовъ подъ предсѣдательствомъ губернатора. Этотъ послѣдній законъ стремился такимъ образомъ сдѣлать изъ ландрата областного правителя доли, вполне независимаго отъ губернатора и подчиненнаго лишь исключительно губернкому ландратскому совѣту.

На практикѣ вышло совершенно иначе, и ландратъ сдѣлался правителемъ второстепеннаго подраздѣленія губерніи, подчиненнымъ вполне губернатору. Характеризуя отношенія московскаго губернатора Сал-

тыкова къ ландратамъ, московскій вице-губернаторъ Ершовъ заявлялъ сенату, что онъ, Салтыковъ, поступаетъ „яко властелински, а не яко президентски, дѣлаеть, что хочеть, не принимая товарищескаго совѣта“ ¹⁾. Губернаторъ приказываеть ландратамъ, какъ начальникъ подчиненнымъ, и въ такомъ тонѣ изображаеть свое отношеніе къ нимъ. „Велѣлъ я имъ, ландратамъ, отправить дѣлчка въ Петербургъ“, доносятъ сенату смоленскій вице-губернаторъ; „велѣлъ онъ, вице-губернаторъ нижегородскій, въ губернской канцеляріи всякія губернскія дѣла отправлять ландрату Ст. Кирѣеву“ ²⁾. По указу 28-го января 1715 г. ландраты должны были присутствовать въ губернской канцеляріи поочередно, проводя тамъ по мѣсяцу и по два; но губернаторъ нарушаеть этотъ очередной порядокъ. Ландратъ первой вологодской доли А. Курбатовъ доноситъ сенату, что онъ „опредѣленъ былъ вице-губернаторскимъ приказомъ въ вологодскую губернскую канцелярію къ его, великаго государя, расправнымъ и розыскнымъ дѣламъ, также и къ денежнымъ сборамъ и былъ въ той губернской канцеляріи съ того 1716 г. іюля съ 20-го числа по 2-ое іюля 1717 г.“. Сынъ умершаго ландрата алексинской доли Г. Камынина разсказываеть, что его покойный отецъ только числился въ той долѣ, но на самомъ дѣлѣ во все время своего ландратства „указомъ губернатора Салтыкова одержанъ былъ въ Москвѣ у губернскихъ дѣлъ безперемѣнно“. Другой ландратъ, дмитровской доли, М. Арцыбашевъ жаловался сенату, что онъ былъ „отъ доли своей отрѣшенъ и высланъ губернаторомъ не въ очередь въ Петербургъ“. Наконецъ, мы встрѣчаемъ случай, когда ландратъ приносить на вице-губернатора жалобу въ томъ, что тотъ не только отрѣшилъ его отъ управленія долей, но и посадилъ подъ арестъ „за карауль, безвинно, при губернской канцеляріи“ ³⁾.

Одною изъ причинъ, разстраивавшихъ ландратское управленіе въ томъ видѣ, какъ оно было установлено указомъ 28-го января 1715 г., было то, что на ландратовъ постоянно возлагались отдѣльныя порученія, отвлекавшія ихъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей: и отъ управленія долями, и отъ присутствія въ губернскомъ совѣтѣ. Иногда ландрату дается то или другое специальное порученіе въ предѣлахъ

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 272, л. 135—224.

²⁾ Докл. и приг. IV, № 844. Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 106, л. 147.

³⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 78, л. 791; кн. 126, л. 1036, л. 970 л. 218.

губерніи. Такъ, напримѣръ, двоимъ изъ ландратовъ московской губерніи было поручено: одному, Ловашеву—завѣдываніе дворцовымъ приказомъ, а другому, Есипову,—„приходъ денежной казны всей губерніи“. Послѣдній былъ сдѣланъ, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ губернскаго казначея. Находясь „безотлучно“ у этихъ „губернскихъ нужныхъ дѣлъ“, они, разумѣется, уже не заглядывали въ свои доли ¹⁾. Но бывали случаи, когда ландратамъ поручались дѣла, выводившія ихъ совсѣмъ за предѣлы губерніи. Такъ, въ 1717 г. ландрату уржумской доли казанской губерніи Ждану Кудрявцеву „повелѣно было быть у отправленія судовъ въ морской походъ въ Астрахани и быть оныъ весь тотъ 1717 годъ въ отлучеѣ“. Отлучки ландратовъ изъ губерній вызывала происходившая тогда постройка Кроншлота и Кронштадта. Доставка строительныхъ матеріаловъ: лѣса и камня, необходимыхъ для этихъ сооружений, а, равнымъ образомъ, и рабочаго персонала была возложена на губерніи и разверстана пропорціонально количеству тяглыхъ дворовъ въ каждой. Для надзора за этой доставкой къ мѣсту назначенія и командировались изъ губерній ландраты по очереди. Такъ, въ 1717 г. московская губернія доносила сенату: „велѣно изготавить къ гаваню съ московской губерніи бревенъ всего 99.000, камня всего 13.735 сажень. А къ пригготовленію того лѣсу и камня и для надсмотру надъ работными людьми изъ московской губерніи наряжены изъ ландратъ первые по списку по очереди два человекъ“ ²⁾.

Чрезвычайнымъ порученіемъ, наиболѣе вредившимъ правильному ходу ландратскаго управленія, была народная перепись 1715—1718 гг., такъ называемая ландратская, предпринятая вскорѣ послѣ переписи 1710 г., результатами которой правительство осталось крайне недовольно. 10-го декабря 1715 г., т. е. въ тотъ же самый годъ, въ который ландраты получили въ управленіе доли, было имъ повелѣно „переписать дворы крестьянскіе и бобыльскіе, и другіе“ ³⁾. Правительство предполагало, очевидно, что окончаніе этой переписи послѣдуетъ весьма скоро за ея началомъ, такъ какъ въ томъ же указѣ предписывалось ландратамъ, окончивъ перепись, прислать немедленно переписныя книги въ сенатъ, а самимъ не выѣзжать изъ своихъ долей, а ждать

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 126, л. 986; кн. 78, л. 791.

²⁾ Ibid. Дѣла сената, кн. 106, л. 1; кн. 123, л. 425, л. 204; кн. 100, л. 335; кн. 122, л. 223; кн. 126, л. 771 и сл.

³⁾ П. С. З. № 2964.

пріѣзда туда особыхъ правительственныхъ ревизоровъ, которые будутъ назначены для провѣрки ландратской переписи. Однако, эти ожиданія не сбылись. Ревизорамъ не пришлось провѣрять этой переписи, такъ какъ она производилась ландратами крайне медленно и въ нѣкихъ доляхъ не была окончена даже къ тому времени, когда уже оканчивала свое существованіе самая ландратская должность. Затѣмъ она оказалась и ненужной, такъ какъ тяглый дворъ пересталъ быть податною единицею, уступивъ мѣсто „душѣ“, и въ 1719 г. была предпринята новая перепись населенія—поголовная. Эта послѣдняя уже и провѣрялась особыми ревизорами, отчего и получила названіе „ревизіи“, сохранившееся и для всѣхъ послѣдующихъ народныхъ переписей до половины XIX вѣка.

Было немало причинъ такой медленности въ исполненіи этого экстраординарнаго дѣла, порученнаго ландратамъ. Одного ландрата „одерживалъ“ губернаторъ въ теченіе цѣлаго года въ губернской канцеляріи, не отпуская его въ долю. Другой былъ отвлеченъ отъ всѣхъ своихъ дѣлъ чрезвычайными приготовленіями „для шествія его величества, государыни царицы и другихъ персонъ“ черезъ его долю и нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ, ожидая этого шествія, наблюдать за сборомъ на подставахъ подводъ и доставкой съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, отчего „переписное дѣло въ тѣ мѣсяцы останавливалось“. Ландраты кievской губерніи замедлили переписью потому, что почти всѣ оказались „забранными“ изъ своихъ долей въ Курскъ къ командированному туда „для розыска“ канцелярному Головкину „и затѣмъ взятымъ книгъ своихъ не окончили“. Само правительство замедляло иногда перепись, не доставляя ландратамъ книгъ предыдущихъ переписей, съ которыми переписчикамъ вмѣнялось въ обязанность сравнивать и свѣрять новые полученные ими результаты и которыя должны были служить базисомъ и отправнымъ пунктомъ для новой переписи. Малочисленность служебнаго персонала, находившагося въ распоряженіи ландратовъ, мѣшала съ своей стороны быстротѣ хода переписи, и на „малолюдство“ подьячихъ они указываютъ, какъ на самую общую причину своей медленности. Этотъ недостатокъ личнаго состава администраціи доли былъ тѣмъ болѣе чувствителенъ, что производство переписи осложнялось много рода дѣйствіями. При переписи ландратамъ предписывалось сыскивать бѣглыхъ крестьянъ и водворять ихъ къ ихъ законнымъ владѣльцамъ, и такой сыскъ и возвращеніе не могли, конечно, не задерживать самой переписи, тѣмъ болѣе что число бѣглыхъ оказывалось иногда громаднымъ. Среднимъ

числомъ считалось въ долѣ, какъ мы уже знаемъ, 5536 дв. Между тѣмъ, ландратъ можайской доли Дохтуровъ сыскалъ при переписи цѣлыхъ 494 бѣглыхъ двора и возвратилъ владѣльцамъ 4853 человекъ обоюго пола. „И за такую отдачею бѣглыхъ крестьянъ“, доносилъ этотъ ландратъ, „тѣхъ переписныхъ книгъ отправить въ скорыхъ числахъ было невозможно“. Наконецъ, и само населеніе оказывало нерѣдко сопротивленіе переписи. Какъ извѣстно, однимъ изъ моментовъ переписи была подача самимъ населеніемъ такъ называемыхъ „сказокъ“, т. е. написанныхъ по установленной формѣ показаній о дворахъ и душахъ въ каждомъ имѣніи. Получивъ эти сказки, переписчикъ провѣрялъ затѣмъ наличность населенія и по провѣркѣ вносилъ ихъ въ переписную книгу. „Неподача“ сказокъ землевладѣльцами и служила, какъ писали ландраты, „къ немалому продолженію переписи“ ¹⁾.

Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ, перепись затянулась и, когда 22-го іюля 1717 г. послѣдовалъ сенатскій указъ ландратамъ прислать переписныя книги въ Петербургъ, а затѣмъ былъ прислаць изъ Голландіи указъ Пестра отъ 25-го августа того же года, которымъ повелѣвалось ландратамъ явиться въ Петербургъ съ книгами лично, а губернаторамъ высылать ихъ, ландратовъ, по самому первому зимнему пути, эти распоряженія исполнялись весьма медленно, и въ теченіе всего слѣдующаго года прибыли въ Петербургъ далеко не всѣ ландраты. Къ псковскому ландрату Лопухину было послано изъ губернской канцеляріи о явкѣ его въ Петербургъ цѣлыхъ пятнадцать указовъ: ко всѣмъ онъ остался совершенно глухъ и въ Петербургъ не показывался. Правительство должно было прибѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ совсѣмъ въ духѣ Пестра Великаго, чтобы заставить ландратовъ оканчивать перепись и привозить книги. Оно предписывало высылать запоздавшихъ ландратовъ скованными въ цѣпяхъ, и такія высылки производились въ теченіе 1719 и даже еще въ 1720 г. Ихъ приводили въ исполненіе уже вновь назначенные провинціальныя воеводы. Но и такія мѣры не всегда производили устрашающее дѣйствіе на ландратовъ и встрѣчали упорное сопротивленіе. Ландрата шелонской пятины Мякинина было предписано выслать въ Петербургъ съ переписными книгами скованнаго за карауломъ. Новгородскій судья, которому пришлось исполнять этотъ указъ сената, послалъ двухъ

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената. Кн. 112, л. 296; кн. 78, л. 791; кн. 191, л. 103; кн. 68, л. 23; кн. 106, л. 98—1010; кн. 125, л. 218 и сл.

дворянъ, приказавъ имъ привезти Мякинниа въ Новгородъ, если же не поѣдетъ, то заарестовать и захватить его крѣпостныхъ людей. Посланные, однако, доносили, что ничего не могли сдѣлать: „оной Мякинниа въ приказную палату (въ Новгородъ) самъ не поѣхалъ и людей своихъ взять имъ не далъ, а сказалъ: ежели кто станетъ людей брать, того онъ станетъ бить“¹⁾.

Пріѣзжавшіе съ переписными книгами въ 1718 г. въ Петербургъ ландраты, отдавъ книги и явившись на смотръ, отпускались обратно въ свои доли. Пріѣзжавшіе позже, въ 1719 и 1720 гг. получали изъ Петербурга уже иные назначенія, такъ какъ въ это время произошла реформа областныхъ учреждений и ландратура была отмѣнена. Но возвращаясь въ свою долю на то короткое время, которое оставалось до этой отмѣны, ландратъ не имѣлъ возможности всецѣло посвятить себя текущимъ дѣламъ областного управленія. Едва успѣлъ онъ окончить и сдать одну перепись, какъ приходилось приняться за другую. Ландратская подворная перепись оказалась ненужной для податныхъ цѣлей, ради которыхъ переписи и предпринимались, и сохранила за собою лишь простое значеніе статистическаго матеріала, необходимаго для различныхъ расчетовъ при предпринятой областной реформѣ. Вотъ почему правительство и продолжало настаивать на ея окончаніи и торопило съ нею ландратовъ. Собственно, для фискальныхъ цѣлей предпринята была въ 1719 г. новая поголовная перепись, по которой предполагалось собирать новую подушную подать. Возвратившись въ долю, ландратъ и долженъ былъ приступить къ приему „поголовныхъ сказокъ“, т. е. къ производству новой переписи. Пошла опять та же исторія. Губернаторы разсылали объ этой переписи во всѣ доли къ ландратамъ указы „съ великимъ подкрѣпленіемъ и страхомъ“, грозя жестокими взысканіями преслушникамъ указа. Ландраты опять оказывались неисправны и не только не окончивали въ срокъ новой переписи, но даже и не отвѣчали о полученіи губернаторскихъ указовъ, такъ что приходилось прибѣгать для ихъ понужденія къ военной силѣ. Въ доли разсылались офицеры и унтеръ-офицеры гарнизона, которые и должны были торопить ландратовъ въ переписномъ дѣлѣ²⁾.

Итакъ, перепись населенія, начавшись одновременно съ учрежденіемъ долей, тянулась все время, пока долями правили ландраты.

¹⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената кн. 78, л. 730 и сл.; кн. 189, л. 859; кн. 114, л. 485, 517; кн. 191, л. 14 л. 35—48.

²⁾ Моск. арх. мин. юст. Дѣла сената, кн. 56, л. 532; кн. 127, л. 73.

Понятно, какъ это чрезвычайное порученіе, ранѣе въ XVI и XVII столѣтіяхъ исполнявшееся особыми переписчиками, разсылаемыми изъ столицы, а теперь возложенное на областную администрацію, должно было мѣшать правильному ходу областного управленія, какъ въ свою очередь обязанности ландрата мѣшали правильному и скорому ходу переписи, затягивая ее на такое продолжительное время. Ландратъ, отвлекаясь отъ своихъ прямыхъ обязанностей областного правителя и судьи, обращался въ „писца“, принужденнаго развѣзжать по долѣ и заниматься сборомъ сказокъ, провѣркой ихъ на мѣстѣ, изготовленіемъ переписной книги и разработкой полученныхъ статистическихъ данныхъ для составленія разнаго рода „табелей и перечневыхъ выписокъ“, требовавшихся правительствомъ. Комиссаръ, помощникъ ландрата также бывалъ отвлекаемъ переписью ради ускоренія работы, и благодаря этому, текуція дѣла областного управленія шли кое-какъ, а судебныя разбирательства не могли не тянуться годами. Вотъ почему и происходили случаи въ родѣ такихъ, что симбирскій ландратъ А. Колычевъ, сирошенный въ 1718 г. въ сенатѣ о доходахъ и расходахъ своей доли за предыдущій годъ, простодушно отвѣчалъ, что онъ „о томъ не свѣдомъ, понеже съ начала 1717 г. генваря по 1 число сего 718 г. былъ онъ въ долѣ своей у переписнаго дѣла“. Точно такъ же ландратъ старооскольской доли Чириковъ заявилъ, что онъ, будучи въ своей долѣ у переписнаго дѣла, самъ казенными сборами не завѣдывалъ, предоставивъ ихъ комиссару ¹⁾. Если ландраты, занятые переписью, отстранялись, такимъ образомъ, отъ казенныхъ „государевыхъ“ дѣлъ, то легко понять, въ какомъ пренебреженіи должны были находиться тѣ дѣла по областному управленію, въ которыхъ на первомъ планѣ стоялъ частный интересъ, такъ называемые „челобитчиковы дѣла“, къ которымъ относилось большинство дѣлъ судебныхъ. Въ особенности вреденъ для правильности хода мѣстнаго управленія былъ вызовъ ландратовъ въ Петербургъ для личнаго представленія результатовъ переписи, заставлявшій ландрата проводить значительное количество времени внѣ предѣловъ доли. При такихъ отлучкахъ дѣлались совершенно невозможными для ландратовъ сѣзды ихъ въ губернскомъ центрѣ въ концѣ года, предписанные закономъ. Наконецъ, перепись еще болѣе усиливала зависимость ландратовъ отъ губернатора. Отвѣтственность за успѣшный ходъ переписи лежала на этомъ послѣднемъ. Въ медленномъ испол-

¹⁾ Ibid. Дѣла сената, кн. 106, л. 98—110; кн. 114, л. 491.

неніи переписнаго дѣла ландратомъ губернаторъ могъ видѣть то ландратское прегрѣшеніе, въ случаѣ котораго законъ позволялъ ему вмѣшиваться въ управленіе долей. Вотъ почему губернаторы, не довольствуясь посылкой къ ландратамъ грозныхъ указовъ, командировали въ доли особыхъ комиссаровъ въ видѣ офицеровъ или иногда унтеръ-офицеровъ гарнизона, которые должны были производить давленіе на ландрата, торопить его, а иногда вести подъ арестомъ въ губернскую канцелярію для отправки въ Петербургъ въ цѣпяхъ. Все это очень мало могло способствовать пріобрѣтенію ландратомъ качества самостоятельнаго областного правителя, какимъ предполагалъ его указъ 28-го января 1715 года, и ландратъ, въ концѣ концовъ, сталъ не болѣе, какъ вполнѣ подчиненнымъ губернатору второстепеннымъ исполнительнымъ агентомъ въ областномъ подраздѣленіи губерніи, какимъ была доля.

Въ институтѣ ландратовъ можно видѣть попытку провести въ областное управленіе три начала: участіе земскихъ силъ, коллегіальный порядокъ и децентрализацію. Эта попытка по всѣмъ тремъ пунктамъ окончилась неудачей.

Самодѣтельность земскихъ силъ въ мѣстномъ управленіи не удалась прежде всего потому, что къ этой самодѣтельности призывалось дворянство, а именно дворянство было тогда наименѣе способнымъ къ ней общественнымъ классомъ. Въ эти годы сѣверной войны, съ которыми совпала ландратская реформа, оно было не только отвлечено отъ мѣстности, но въ значительной мѣрѣ и увлечено за предѣлы Россіи въ полкахъ, находившихся за границей. А между тѣмъ, вводя институтъ ландратовъ и придавая ему выборный характеръ, законодатель не позаботился организовать остатки дворянскихъ уѣздныхъ обществъ для этихъ выборовъ. Едва ли, впрочемъ, и возможна была какая-либо ихъ организація въ тотъ моментъ; поэтому, вѣроятно, сенатъ и оставилъ безъ исполненія указъ 1714 года о выборахъ. Ими не могли быть заинтересованы и сами уѣздныя общества. Не то, чтобы они были равнодушны къ составу и дѣятельности мѣстной администраціи, такъ близко касавшейся ихъ земельно-владѣльческихъ интересовъ. Но самое значеніе выборовъ, имѣвшихъ смыслъ поручительства, коллективной отвѣтственности избирателей за избранныхъ, было таково, что не могло привлекать къ себѣ симпатіи

общества. Тѣмъ болѣе, что и безъ выборовъ мѣстная администрація находилась въ рукахъ дворянства.

Не осуществился и коллегіальный порядокъ ландратскаго управленія. Губернскій совѣтъ ландратовъ не удался, какъ не удалась прежде въ 1702—5 гг. коллегія воеводскихъ товарищей. Коллегіальное управленіе не прививалось также, прежде всего, вслѣдствіе фактическаго недостатка въ служиломъ персоналѣ, того служилого „малолюдства“, на которое такъ жалуются официальные памятники. Когда явилась потребность учредить подраздѣленія губерніи—доли, необходимо было снабдить ихъ правительственнымъ персоналомъ; но служилыхъ людей не хватало для замѣщенія должностей и членовъ губернскаго совѣта и правителей долей. Этотъ недостатокъ и вынуждалъ прибѣгнуть къ совмѣщенію функций обѣихъ должностей, и члены губернскаго совѣта были въ то же время сдѣланы и правителями областей. Недостатокъ экономическихъ ресурсовъ на содержаніе того увеличеннаго административнаго персонала, какой потребовался бы коллегіальными учрежденіями, также, можетъ быть, сыгралъ свою роль при этомъ совмѣщеніи. Но помимо недостатка въ количествѣ служилого персонала и ресурсовъ, тормозящее дѣйствіе оказывало и качество этого персонала. Коллегіальный порядокъ управленія, съ которымъ Петръ познакомился за границей, требовалъ для своего успѣха особыхъ качествъ въ администраторахъ, какими не отличались служилые люди петровской эпохи: большей сдержанности, большаго уваженія къ чужому мнѣнію, способности подчинить свою волю волѣ большинства. Всѣхъ этихъ свойствъ не хватало петровскому администратору, не стѣснявшемуся въ поступкахъ относительно своихъ товарищей, которыхъ онъ продолжалъ считать „въ своей командѣ“. Поэтому воевода „дралъ“ бумаги, написанныя его выборными товарищами, а губернаторъ поступалъ съ ландратами „не яко президентски, но яко властелински“ и сажалъ ихъ подъ арестъ. Въ результатѣ получилось полное подчиненіе товарищей президенту, при которомъ о коллегіальномъ порядкѣ не могло быть и рѣчи.

Наконецъ, не удалась и децентрализація мѣстнаго управленія. Цѣлью губернской реформы 1707—10 гг. было разчлененіе прежняго единаго центра на восемь областныхъ. Всѣ безчисленныя нити управленія, протянутыя изъ мѣстностей, сходявшіяся прежде прямо въ Москву и здѣсь сплетавшіяся въ сложный центральный узелъ, были теперь стянуты къ восьми мѣстнымъ узламъ, которые соединялись съ главнымъ центральнымъ. Эти узлы сообщали нитямъ болѣе натяну-

тое положеніе, препятствуя имъ обвисать на слишкомъ далекомъ разстояніи, какимъ было прежде разстояніе между отдаленнымъ уѣздомъ и столичнымъ центромъ. Такая децентрализація управленія подготавливалась ранѣе, въ XVII в., и губернія Петра являлась лишь завершеніемъ прежняго процесса. Но, въ свою очередь, губернія была моментомъ въ административномъ дробленіи территоріи Россіи, которое пошло дальше. Восемью губернскими центрами дѣло не ограничилось, нити продолжали подтягиваться и административная сѣть усложнялась. Въ губерніи продолжался тотъ же порядокъ разчлененія, результатомъ котораго была и сама губернія. Уже въ самое первое время ея существованія туманно выступаетъ неопредѣленная, неоформленная и недоразвитая оберъ-комендантская провинція. Ландратская доля, ее смѣнившая, представляетъ изъ себя значительный шагъ впередъ въ областномъ раздѣленіи: это уже довольно правильная клѣтка сплетающейся административной сѣти. Ея правильность обуславливается искусственностью ея происхожденія. Въ основу дѣленія на доли былъ положенъ статистическій фактъ, опредѣленная цифра податнаго населенія, а не историческія традиціи и связи, такъ что образованіе доли однородно съ образованіемъ позднѣйшаго уѣзда Екатерины II или французскаго департамента. Той же искусственности своего происхожденія это раздѣленіе на доли обязано другою своею чертой: общностью для всей территоріи Россіи. Вся поверхность государства раздробилась теперь на однообразныя областныя единицы, замѣнившія собою прежнюю пестроту. Въмѣстѣ съ тѣмъ, однообразіе складывалось и управленіе: каждая доля была снабжена одинаковымъ административнымъ персоналомъ. Такимъ образомъ доля въ развитіи русскаго областного управленія была моментомъ, занимающимъ средину между оберъ-комендантскою провинціей и воеводскою провинціей 1719 г.

Однако, начало децентрализаціи преобразователь намѣревался провести далѣе, чѣмъ это могла позволить окружающая дѣйствительность. Эти ландратскіе центры онъ стремился сдѣлать очень самостоятельными относительно губернскаго. Ландратъ, по мысли законодателя, долженъ былъ быть почти независимымъ отъ губернатора, дѣйствуя подъ контролемъ того совѣта, въ которомъ онъ самъ принималъ участіе. На практикѣ самостоятельность такой областной единицы, какою была доля, оказалась преждевременной. Вопреки намѣренію расположить вновь образованныя областныя клѣтки въ рядъ какъ равноправныя, дѣйствительность завязывала между ними іерархическую

связь, и ландратъ, какъ правитель доли, оказался совершенно подчиненнымъ губернатору органомъ. Прежде всего, не слѣдуетъ при объясненіи этого факта упускать изъ вида причину, дѣйствовавшую снизу, со стороны общества. Русская область была слишкомъ долго и слишкомъ сильно централизована. Съ XVI вѣка каждый мелкій уѣздъ былъ связанъ непосредственно съ центромъ, и областной правитель не могъ шагу шагнуть безъ указа сверху. Русскій воевода не привыкъ дѣйствовать самостоятельно, вотъ почему онъ не могъ приобрести этой самостоятельности, когда его русское названіе было замѣнено нѣмецкимъ названіемъ ландрата. Будучи теперь лишены возможности искать опоры въ московскомъ приказѣ, куда прежде писалъ безчисленные отписки о всякомъ пустякѣ, онъ сталъ видѣть ее въ указѣ изъ губернской канцеляріи, безъ котораго ему и самое малое дѣло часто казалось „вершити немочно“. Другою причиною, вредившею началу децентрализаціи сверху, была фискальная отвѣтственность губернатора за губернію, продолжавшая на немъ тяготѣть. Центральному правительству нужны деньги, ему удобнѣе было обращать свои требованія въ этомъ случаѣ къ восьми—десяти губернаторамъ, чѣмъ почти къ полутора сотнѣ ландратовъ, а предъявляя это требованіе, оно параллельно съ тѣмъ усиливало ихъ власть въ мѣстности. Итакъ, дѣйствуя въ одномъ и томъ же направленіи, обѣ эти причины: и давленіе высшаго правительства, тяготѣвшее надъ губернаторомъ, и неспособность мѣстной администраціи дѣйствовать самостоятельно,—приводили къ одному и тому же результату. Доли, на которыя раздѣлилась губернія, сложились въ подчиненную губернскому центру группу; мѣстная администрація строилась въ видѣ іерархической лѣстницы. По этому типу продолжалась и ея дальнѣйшая эволюція, несмотря на всѣ стремленія преобразователя децентрализовать область и придать ей самостоятельное значеніе, положенныя въ основу провинціальной реформы 1719 года. Иначе и не могла развиваться мѣстная администрація, преслѣдующая не благоустройство мѣстности, а удовлетвореніе военныхъ и фискальных потребностей центра. Эта задача и отразилась на ея централизованномъ складѣ.

М. Богословскій.